

КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ

Сергей
Власов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

В истории найдется немного людей, чьи деяния решительно и бесповоротно изменили жизнь не только целых поколений или отдельных народов, но всего человечества. Император Константин I Великий (ум. 337), при котором христианство сделалось официальной, господствующей религией в Римской (Византийской) империи, несомненно, принадлежит к их числу. Вниманию читателя предлагается жизнеописание этого замечательного человека, причисленного Православной Церковью к лику святых и равноапостольных. Оно написано ярким, живым языком и может быть интересно как специалистам, так и неискушенному читателю. Автор настойчиво проводит мысль о необходимости изучения уроков, преподанных Византией, — особенно важны эти уроки для России, духовной наследницы и единокровной сестры Византийской империи.

В приложении публикуется «Жизнеописание блаженного василевса Константина», принадлежащее перу современника и сподвижника великого императора, епископа Евсевия Памфила (Евсевия Кесарийского). Издание снабжено редчайшими иллюстрациями.

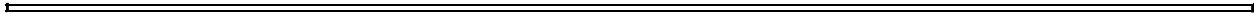
[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Сергей Власов](#)
 -
 - [ПЕРВЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ ИМПЕРАТОР](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)

- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1011

(811)

Сергей Власов

КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

*Вступительная статья доктора
исторических наук М. В. БИБИКОВА*

*Издание осуществлено при содействии
Российского отделения Международного Ордена
Святого Константина Великого*

© Власов С. М., 2001

© Бибииков М. В., предисл., 2001

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2001

ПЕРВЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ ИМПЕРАТОР

Во всемирной истории есть имена, с которыми связаны не только главнейшие перемены в судьбах отдельных поколений или даже целых народов, но глобальные изменения, определившие развитие цивилизаций на тысячелетия вперед. Христос, Будда, Магомет стали символами эр в историческом летосчислении. Ветхозаветные пророки, апостолы, святые первоученики определили пути христианской цивилизации в мире. Среди исторических персонажей, которым по праву принадлежит первенствующее положение в утверждении христианства как государственной религии, фигурой всемирного значения, несомненно, является первый византийский император Константин Великий.

Сказав «византийский», должен оговориться: современники не знали такой категории, как «византийское государство», «византийский император» или «византийская культура», предпочитая говорить о «ромейской» (то есть римской) культуре. В привычном для нас смысле о Византии стали говорить уже на пороге Нового времени — когда сама Империя пала в 1453 году под ударами османских сабель. Так стали называть государство, основанное на территории Восточной Римской империи Константином, который перенес столицу из Рима в город на Босфоре, называвшийся Византием по имени легендарного героя фракийского происхождения Бизанта. Таким образом, византийская цивилизация обязана своим рождением Константину.

В самом центре Рима, рядом со знаменитым Амфитеатром Флавиев, больше известным как Колизей, стоит триумфальная арка императора Константина (306–337). На ней изображены символы побед божественного властителя мира, каким представлялся современникам римский правитель: торжественные шествия, толпы гонимых пленных, символическое изображение победы украшают этот памятник величия Империи и ее главы.

Константин стал последним императором, которому посвятили арку на римском Форуме: ни один из его преемников не удостоился подобной чести. И это не случайность. Ведь Константин стал фактически последним императором, который правил в Риме. Это было в первый период его

правления.

Но в 330 году Константин перебирается сам и переводит свой двор, гвардию, государственную элиту далеко на восток, на берег пролива Босфор, связывающего Средиземное море с Мраморным и Черным. С переносом столицы Империи сюда, на Босфор, где смыкаются Европа и Азия, Запад и Восток, город получает новое имя. Собственно, даже не имя, а прозвание — «город Константина», или по-гречески Константинополь. Так Константин увековечил своим именем рождение новой столицы Империи.

Христианская традиция почитает его и первым христианским императором, прославляя как равноапостольного царя. Он утвердил христианство, при нем состоялся Первый Вселенский собор в Никее в 325 году, он был и первым императором, окончившим свой земной путь христианином.

Но путь к утверждению христианства в качестве официальной государственной религии был долг и тернист. Со времени начала проповеди Христа до переноса столицы Империи и основания христианской Византии прошло уже почти три столетия, в течение которых были и учительские дальние дороги апостолов — первых учеников Спасителя, и сооружение первых, пока тайных, христианских храмов в подземных катакомбах, и появление сочинений, в которых создавалась и совершенствовалась христианская диалектика и объяснялась практика церковной жизни; были гонения на христиан и торжество просвещения, дарованного новой верой, в душах и сердцах людей.

И в фигуре самого императора Константина воплотились все пережитые противоречия времени, светлые и слабые стороны переходной эпохи.

Внебрачный сын иллирийского воина Констанция Хлора и Елены, которая впоследствии будет прославлена вместе с сыном как святая и равноапостольная, сам воин, без особого образования, но решительный и смелый политик, Валерий Флавий Константин родился скорее всего в 285 году (хотя ученые спорят о дате его рождения: она точно не известна), то есть в тот самый год, когда началось самостоятельное правление Диоклетиана, чья система власти — доминат — стала предтечей византийской системы власти — самодержавия. Ведь до того Римская империя жила в атмосфере нескончаемой смены императоров, попыток узурпации власти, появления самозванцев, — всего того, что современные историки называют «кризисом III века».

Путь Константина к власти лежал через женитьбу на Фаусте — дочери Максимиана, который был одним из четырех соправителей Империи. Тетрархия, то есть «четырёхвластие», представляла собой систему правления двух кесарей и двух августов. Но когда 1 мая 305 года возвышавшийся над тетрархами император Диоклетиан решил уйти на покой, удалившись от государственных дел и занявшись в своей «столице» Никомидии больше своим садом и огородом, в Риме началась жестокая борьба за власть, в которой схлестнулись даже ближайшие родственники. Непосредственными наследниками власти стали зять и ближайший помощник Диоклетиана Галерий на востоке Империи и Констанций Хлор, отец Константина, на западе. Но последний вскоре умирает, и Константин как бы «наследует» удел отца на западе — он владычествует в Галлии: войско провозглашает его «августом» в британском городе Эбуракуме (современный Йорк). Его соправителями были Максимиан и его сын Максенций, правивший в Риме, а также Даза и Лициний, правившие в Малой Азии. Хитросплетения борьбы за престол сложились так, что путь Константина к венцу лежал через гибель его соправителей-соперников.

Решающей стала борьба Константина с Максенцием. Весной 312 года Константин выступает из Галлии во главе сорокатысячного войска и идет на Рим. Его лозунг — освобождение римлян от власти тирана, мага и чародея — такими именами заклеили бывшего союзника Константина: Максенций поощрял различные гадания и прорицания — по движениям новорожденных младенцев, по трупам умерших львов. А богами наступавшего Константина были светлые боги — Аполлон, Гелиос, Виктория — богиня победы, чье изображение Константин чеканил на монетах. Он триумфально проходит через Милан, Турин, Верону, подходит к окрестностям «вечного города».

28 октября 312 года произошла решающая битва у Мильвийского моста, закончившаяся разгромом Максенция. На следующий день толпы горожан приветствовали триумфальное шествие Константина. На Форуме его встречают сенаторы, воздается хвала традиционным языческим богам, сооружаются колоссы-статуи; затем, в 315 году, воздвигается около Колизея и упомянутая выше триумфальная арка. На ней изображен бог солнца Гелиос; сам Константин именуется теперь «августом величайшим». Все это — римские языческие порядки. Но достаточно скоро после утверждения на троне Константин прославляется современниками уже как утвердитель новой веры — христианства.

Утверждение христианства в качестве государственной религии традиционно связывается с изданием при Константине в 313 году

императорского постановления — так называемого Миланского эдикта. Вскоре после победы над Максенцием, приведя в порядок дела в Риме, Константин отправляется в Милан к своему соправителю Лицинию, с которым заключает союз. Оба соправителя тогда же издают указ, поддерживающий еще недавно гонимых христиан: «Сам Константин и соправитель его Ликий... почитая Бога источником всех ниспосылаемых им благ, оба единодушно и единогласно обнародовали в пользу христиан самый совершенный и обстоятельный закон и отправили к Максиминому (Дазе, правителю Востока. — М. Б.) описание содеянных Богом над ними чудес и одержанной над тираном победы, а также и сам закон».

Но Константин лишь завершил то, что уже фактически господствовало на просторах Империи. Христианство овладело обществом, и императорские постановления, признавая этот факт, лишь юридически закрепляли свободу вероисповедания. Так, еще в 311 году согласно указу августа Галерия официально прекращалось преследование христиан и разрешалось свободное проведение христианских богослужений: «Мы увидели, что большая часть христиан, пребывая в своем безумии, и небесным богам не приносит должного поклонения, и (из-за гонений) отвлекается от Бога христианского; посему, руководствуясь нашим человеколюбием и всегдашним обыкновением снисходить ко всем людям, мы решили также оказать свое снисхождение и христианам, позволяя оставаться христианами и строить дома для своих обычных собраний — с тем, чтобы они (христиане) не делали ничего противного общественному порядку».

Действительно, еще во II веке христианство было религией гонимых, отверженных, бедных. Для того чтобы совершить поклонение Христу, верующие вынуждены были тайно собираться в глубоких подземных катакомбах, в стороне от центра города, где вдали от гонителей могли бы молиться, отпевать усопших, крестить детей. Эти раннехристианские катакомбы, с глубокими пещерами, превращенные первыми ревнителями веры в храмы, были украшены настенными образами Христа, святых, апостолов. Они находятся примерно в часе-двух ходьбы, если идти по Аппиевой дороге, от расположенных на окраине древнего Рима терм Каракаллы, знаменитых бань, где собиралось в свободное время все римское общество. Эти подземелья можно видеть и сейчас — видеть и поражаться мужеству и твердости первых христиан, сохранявших веру, несмотря на жестокие гонения, пытки и казни.

Но в III веке вера в Христа настолько распространилась в римском обществе, что многие вельможи из высших слоев общества исповедовали

христианство. Так, христианкой была кормилица и воспитательница будущего императора Каракаллы. Сановник Просей, умерший в 217 году, был христианином, о чем свидетельствует его сохранившийся саркофаг. Близка к христианству была и мать императора Александра Севера — она переписывалась с одним из Отцов Церкви Оригеном. Наконец, император Филипп Араб, тот самый, который в 248 году торжественно отпраздновал тысячелетие Рима, не только вел переписку с Оригеном, но и сам посещал христианскую церковь. Правда, утвердить христианскую веру он не успел, пав жертвой заговора в 249 году. Даже жена Диоклетиана — злостного гонителя новой веры — считалась христианкой.

Путь же самого Константина к Христу не был прост. По-видимому, он долго не порывал с язычеством. После смерти императора его статуе оказывали божественные почести, ей даже приносили жертвы, к ней обращали молитвы, как к языческому кумиру. Да и сам первый христианский император и после 313 года чеканил на своих монетах изображения Юпитера, Марса, Геркулеса, Гелиоса, Ники-Виктории. Более того, в Умбрии он воздвиг святилище в честь рода Флавиев. Видимо, не случайно последний языческий историк Зосим, писавший во второй половине V века, свидетельствует, что только после 326 года Константин склонился к христианству.

Более того, можно себе представить, что Константин не относился к христианству как к единственной религии, пренебрегая другими. В 324 году он издает два эдикта, один из которых гарантирует возвращение конфискованного ранее имущества христианам, реабилитацию их в чинах и должностях. Согласно второму равноправие и проявление терпимости обещано и язычникам.

Однако ранневизантийская историческая традиция вскоре начала формировать на страницах церковных и светских хроник образ святого равноапостольного императора, утвердителя новой веры и идеального христианина. В V веке Сократ Схоластик упоминает о крещении Константина в Никомидии, но образец императора-христианина для него — скорее его современник Феодосий II; то же можно сказать и об «Истории» Созомена. Церковный историк V века Феодорит Киррский оправдывает Константина, говоря, что тот откладывал совершение таинства, желая принять крещение в Иордане, а связи императора с арианами «извиняет» сравнением с библейским царем Давидом, который тоже совершал ошибки. Напротив, арианский историк Филосторгий как раз хвалит арианскую политику императора. Но все историки V века избегают вспоминать происхождение Константина, словно стыдясь его

незаконнорожденности.

В VI веке Евагрий в «Церковной истории» уже замалчивает имя арианского священника, крестившего Константина, а Феодор Чтец в своей «Трехчастной истории» утверждает, что намерением принять крещение Константин был обязан победе над Максенцием. Наконец, в хронике Иоанна Малалы впервые появляется версия о крещении Константина не в провинции, а в Риме, причем самим папой Сильвестром. Так создавался образ христианского императора.

Не простой была и судьба православия. Когда 22 мая 337 года Константин умер, правителями империи остались три его сына, и только один из них был верен принципам православия. Лишь пройдя через испытания языческой реставрации при Юлиане Отступнике, христианство утверждается в Византии, символом чего становится строительство при императоре Юстиниане (527–565) главной святыни — храма Божьей Премудрости — Святой Софии в Константинополе. И там на мозаиках над входом в храм Константин представлен как творец и созидатель новой христианской столицы, нового Рима, как называли Константинополь современники. Арка же Константина осталась украшением Рима древнего, символизируя торжество нового в неразрывной связи с традициями прошлого.

Перед читателем книга писателя Сергея Власова о Константине Великом. Сразу отметим, что это не строго научное исследование жизни и деятельности первого византийского императора, но скорее беллетризованное эссе, проникнутое страстью и вдохновением. Автор, несомненно, любит своего героя и стремится передать любовь к нему читателю. Заинтересованный же читатель может обратиться к текстам первоисточников — свидетельствам современников деяний Константина.

Этой последней цели служит публикуемый в приложении (в сокращении) текст перевода «Жизнеописания Константина», составленного отцом христианской истории, старшим современником Константина Великого, Евсевием Кесарийским (ок. 260–339).

Ранней Византии история культуры обязана возникновением самого жанра церковной истории. Создателем этого вида исторической прозы и стал Евсевий Памфил, или Евсевий Кесарийский. Родившийся в Палестине и получивший образование в таких центрах ближневосточной культуры, как Иерусалим и Антиохия, он в период диоклетиановских гонений на христиан испытал и тюрьму (вместе со своим наставником Памфилом), и изгнание, спасаясь в Сирии, Финикии и Египте. Впечатления от этих

мятежных и трагических испытаний Евсевий выразил в «Истории палестинских мучеников», важнейшее место в которой уделено рассказу о мучительной казни его учителя в 309 году.

Став епископом Кесарии Севастийской в Палестине, Евсевий вскоре смог лично наблюдать торжество христианства при императоре Константине. Он участвовал в государственных торжествах, играл важную роль в ходе подготовки и проведения Первого Вселенского собора в Никее, обменивался письмами с первым христианским монархом.

В новых исторических условиях им создается монументальный историко-апологетический труд — «Церковная история», в которой прослеживается путь христианства от его зарождения и создания апостольской Церкви до времени кануна Никейского собора. Торжество веры, преодолевшей гонения языческих императоров и толпы, и формирование образа христианского императора Константина Великого, в котором «Бог явил подобие («икону») единодержавной своей власти», становятся сюжетом как историографического сочинения Евсевия, так и его «Жития Константина» и «Похвалы Константину».

Евсевий формирует новый тип историзма. В его основе — провиденциалистская концепция эволюции мироздания, подчиненной божественному Промыслу и осуществляющей путь от рождения Христа к Его новому пришествию в будущем. В этом, по Евсевию, состоит смысл утверждения абсолютного господства Бога-Логоса на земле.

Параллельно с историко-философским аспектом сочинений прослеживается и собственно историко-церковный — от трагических эпизодов страстей, мук и гибели первых христиан, через утверждение власти господствующей Церкви в борьбе с ересями к воплощению христианского государства. В этой связи сам образ римской государственности претерпевает изменения — от резко негативного в период языческих правителей — гонителей веры — к апологии новой Империи. В этой же связи создается и концепция избранного «Божьего народа» — христиан.

Претерпевает эволюцию и представление об историческом времени. На смену циклизму античного временного восприятия приходит телеологическое осмысление движения, когда прошлое оценивается в перспективе будущего Суда. Эсхатологизм Евсевия своеобразно соединяет в себе эллинскую и иудейскую концепции времени, формируя новый принцип ориентации. На космогонических представлениях историка сказывалось несомненное влияние не только Библии, Платона и неоплатоников, но и Филона Александрийского, Пифагора и особенно

Оригена.

В соответствии с основной христианской идеей рождение Христа символизирует у Евсевия обновление человечества, протекающее одновременно с утверждением веры, Церкви и христианского государства. Смысл сочинений Евсевия сам автор определил как повествование, отличное от нравственно поучительной дидактики. Поэтому важное место он уделяет цитированию Соборных постановлений, императорских указов, речей, судебных решений.

Евсевий Кесарийский и его творения имели счастливую судьбу в мировой литературе — их читали, переписывали и переводили, на них постоянно ссылались, их использовали и продолжали ученики и последователи. Таким непосредственным продолжением повествования Евсевия стали латинская «Церковная история» Руфина, епископа Аквилеи, и греческая «Церковная история» Сократа Схоластика (ок. 380–440). И созданный Евсевием образ Константина Великого навсегда стал символом образцового христианского государя для последующих историков и писателей.

М. В. Бибиков

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

1. Последний вторник Византии

Мохаммед Второй захватил Константинополь 29 мая 1453 года. Во вторник. В среду это уже был Стамбул. Со всеми вытекающими последствиями...

Человеческих жертв было сравнительно немного. Но главной жертвой стала Византия — та великая цивилизация, которая веками восхищала мир своим величием. Та, которая пережила свою прародительницу, Римскую империю, на тысячу лет. Та, которая дала России две из трех опор ее державной пирамиды — православие и императорское достоинство.

Византии не стало в одну ночь — со вторника на среду. История — вечное сегодня. Темень, сгустившаяся ныне над Россией, сродни той ночи, что навеки скрыла от нас Византию.

Пришло время подумать: в какой стране мы хотим проснуться. То есть без самообмана ответить: почему мы стали ТАКИМИ? Как стать лучше? Как научиться жить честно? Где взять идеалы для вдохновения? В этом нам может помочь Византия, историческая параллель с которой возникла отнюдь не случайно.

Судьба погибшей пять с половиной веков назад Византии стала вдруг для нас актуальна. Особенно — после крушения Советской империи, казавшейся столь же незыблемой и вечной, какой казалась некогда и Византия.

Сегодня в поисках нового Пути мы все чаще обращаемся к нашим истокам. А они идут от Византии.

Сходство судеб двух великих империй поразительно. Та же огромная территория, распластанная на двух континентах. То же великое множество народностей. И — та же многострадальная участь.

В моей исторической параллели 1204 год (первое крушение Византии после ее захвата крестоносцами) — это наш 1917-й. Где мы сейчас?

Может быть, Последний Вторник Византии для нас еще не наступил? И если так, то у кого просить соизволения снова стать великим народом, восхищавшим весь прочий мир полетом мысли и духа?

*

Византологи называют пять главных причин крушения величайшей империи средневекового мира, простиравшейся на территориях Балкан, Малой Азии, Сирии, Египта. Сейчас я только назову их. А подробно мы поговорим о них позже.

Первая причина краха Византии — непомерно раздутый чиновничий аппарат.

Вторая — разительное расслоение, поляризация общества на бедных и богатых.

Третья — судебная волокита и невозможность добиться справедливости.

Четвертая — пренебрежение к собственной армии.

Пятая причина крушения грандиозной цивилизации — равнодушие столицы к провинциям, которые из последних сил кормили пышный и алчный Константинополь.

Не напоминает ли все это нынешнюю российскую действительность?

Учитывая горькие уроки Второго Рима, многие цивилизованные страны постарались сделать поправки в своем развитии. Многие, но не Россия. Это тем более изумляет, что уж который век мы твердим, что Русь — духовная наследница Византии, ее едиnorodная сестра.

*

Колокол Византии звонит не по кому-нибудь, он звонит по России. Тема Византии, ее трагическая судьба для нас не то что актуальны, а просто жизненно важны. Это вопрос нашего бытия или — небытия. Увы, мало кто это сознает. Ладно, верховная власть наша не слишком обременена знаниями истории, но советники-то у нее разве не знают, что сейчас мы (Третий Рим) идем тем же путем, след в след, который привел к гибели Рим Второй?

В Московском Кремле «верховный визирь» каждый рабочий день должен начинать словами: «Помните о Византии!»

Как арифметику в начальной школе, надо византологию в России сделать обязательной наукой для каждого начинающего общественного деятеля. России просто необходима Византийская Академия. Что мы знаем о своей едиnorodной сестре? Да, как и в нашей державе, там было много

народностей. Но что сплотило их в одну великую нацию — византийскую? На чем сотни лет держались единство и мощь Империи?

И — как нам соединить народ, разбитый на враждующие лагеря? Как воссоединить распавшуюся Российскую Нацию? Как найти утраченные общенародное вдохновение, азарт?.. Самые главные вопросы. Ответы на них мы могли бы вызнать у Византии...

Византия — первая в истории попытка жить по Христу, по Евангелию. С этим связано ее процветание, ее взлет. Крах Византии — следствие отступничества от этой Идеи. Может быть, здесь и кроется главный урок Византии для заплутавшейся России?

Вот почему нам важно всё, что связано с Константином — основателем Византии и ее идеологии — византинизма. Византинизма, который позволил Второму Риму на целое тысячелетие пережить Рим Первый и многие века восхищать мир своим величием.

2. Под особым покровительством Провидения

Деяния основателя Византии и первого христианского царя Константина Великого (272–337), подобно гигантскому лезвию, расчленили мировую историю: эпоху Древности они отделили от эпохи Средневековья.

Веком Константина историки называют не только четвертое столетие. Деяния его пережили многие века. Созданный им союз государства и Церкви продолжает существовать и в наши дни.

Хрестоматийно давнишнее высказывание о том, что царь Константин явил народам четыре главные добродетели, ставшие краеугольными столпами мировой нравственности: умеренность, мудрость, справедливость и храбрость.

Константин совершил много славных дел — недаром еще при жизни его называли Великим. И все же историки Византии выделяют три главных деяния Константина.

Первое — его эдикт 313 года о веротерпимости.

Константин начал править в Империи, где люди в основном были язычниками и поклонялись таким богам, как Аполлон, Юпитер, Венера, Диана, Митра... Никакая другая религия не знала стольких божеств. Им возводились величественные храмы, им приносились многочисленные жертвы.

Мало кто сомневался, что Бог может быть иным. Учеников Христа

было совсем немного, их называли сектантами и жестоко преследовали: жгли на кострах, выкалывали глаза, подрезали сухожилия на ногах так, что человеку ходьба приносила мучение...

Когда Константин был на подступах к императорскому трону, гонения на христиан в стране приняли размах стихийного бедствия. Не будет преувеличением сказать, что явление Константина спасло христианство, которое было тогда на грани уничтожения.

Изданный им в 313 году эдикт давал «как христианам, так и всем прочим гражданам полную свободу отправления той религии, которую каждый считает наилучшей для самого себя».

Эдикт Константина 313 года — не о запрещении язычества и не о введении христианства. Это эдикт о веротерпимости.

Уже при жизни Константина христианская «секта» из гонимого меньшинства стала превращаться в мощную духовную силу. Константин совершил настоящую революцию в духовной жизни человечества: при нем христианство стало государственной религией крупнейшей Империи мира.

Вторым великим деянием Константина было создание на берегу Босфора первой в истории христианской столицы — Константинополя, Нового Рима. Его границы Константин сам начертал на земле копьем своего стражника. Небывалые по красоте дворцы и храмы украсили новый столичный град. В него свозились сокровища искусства со всего света — из Персии, Африки... В фантастически короткий срок Константинополь стал одним из важнейших и красивейших городов мира. «Ни с чем не сравнимое прекраснейшее средоточие всей обитаемой земли» — такой виделась византийская столица средневековому автору.

Многие историки Византии ведут начало ее летосчисления от официального открытия Нового Рима. Оно состоялось 11 мая 330 года. Так что, без всякого сомнения, царя Константина можно считать отцом-прародителем не только первой христианской столицы мира, но и самой Византии.

Крупнейший историк и писатель XIV века Феодор Метохит называл миссию Константина божественной, а годы его правления — «эпохой, когда Византия находилась под особым покровительством Провидения».

Третье великое деяние Константина — создание на Святой земле двух храмов, ставших святынями для христиан всего мира. Как ни странно, в первые три века после Рождества Христова мало кто придавал особое значение Святым местам. А ведь именно здесь, в Палестине, произошли

все события Ветхого и Нового Заветов. За три века эти места были осквернены, подвергнуты опустошению язычниками.

Константин был первым, кто исправил это положение. В 325 году он издал указ о строительстве храмов на месте Рождения Христа и у Гроба Господня. Осуществить задуманное Константин поручил своей матери — царице Елене. Усилия Константина и Елены оценены Православной Церковью высшим признанием — оба причислены к лику святых, равноапостольных.

3. Новый ковчег для третьего тысячелетия

Самые интересные люди — те, кто умеет разгадывать тайны мироздания. Эта повесть об одном из таких людей.

Константин был Колумбом. Он открыл не одну, а тысячу Америк. На тайных скрижалях мироздания он сумел прочесть то, что было невидимым для всех остальных. Ибо он умел читать Тайные Знаки.

И поэтому история жизни царя Константина, хотя нас и разделяют шестнадцать веков, весьма актуальна и поучительна.

Жизнь Константина — трагичный путь к истине. Этот путь он начал как солдат и пролил много крови. А на смертном одре он принял крещение. Крест все-таки победил меч.

Константин был Ноем, который знал, что спасти от потопа всю Империю не удастся, и спас только то, что больше любил в ней. Со всей земли он собрал в свой Константинополь только самое лучшее. Его город на Босфоре и был его ковчегом, который он строил всю жизнь.

А что мы возьмем в свой новый ковчег?

Мы прожили XX век во вражде. Нетерпимость стала нашей второй кровью. И свой ковчег мы чуть не утопили в собственной крови. Спасительный ковчег надо строить заново. Что взять в него из нашего прошлого и что не брать с собой в будущее — вопрос наиважнейший для народа, утратившего Путь и Веру.

Может быть, Константин Великий нам подскажет...

Теперь введено в оборот понятие кульминационных эпох, когда накапливающиеся в прошлом тенденции... вдруг приводят к явному изменению, которое поворачивает мир в новом направлении. Такая кульминационная эпоха была в истории в

начале IV века. Царствование Константина Великого обозначило новую эру в гораздо более полном смысле, чем царствование Августа, основателя Римской империи.

Дж. Бьюри, английский византолог

Возможно, если не считать Августа, Церковь была права, провозгласив Константина величайшим из императоров.

Вил Дюрант, американский философ

В этом океане вражды у нас есть одно спасение — это всеобщее согласие. Детали и мелочи не важны. Их надо отринуть и не говорить о них вслух.

Константин Великий, Никея, 325 год

Глава 1

НАИСС

Флавий Валерий Константин родился 27 февраля 272 года^[1] в городе Наиссе (теперь это Ниш, в Сербии).

В Наиссе прошло детство Константина. Будущий правитель величайшей Империи имел царское происхождение и приходился внуком императору и полководцу Клавдию Готскому.

Дед Константина Клавдий был родом из Иллирии, это восточная часть Адриатики. Как видим, корни Константина тянутся скорее к Востоку, нежели к Западу.

О Клавдии в хрониках III века можно найти такие слова: «Человек безупречный... друг отечеству, друг законам, любезный сенату... Чем только не был велик этот великий муж в общественной и частной жизни!? Он любил родителей — что в этом удивительного? Но он любил и братьев — это уже может считаться достойным изумления. Он любил своих близких — в наше время это можно приравнять к чуду. Он никому не завидовал...»

В окрестностях Наисса незадолго до рождения Константина его дед, император Клавдий, прославил свое имя грандиозной победой над готами. Надо заметить, что проблема готов (германцев) была для Империи в то время одной из самых болезненных. Эти варварские племена постоянно предпринимали грабительские набеги на окраинные ее территории. Обосновавшись на северном берегу Черного моря, готы добирались на кораблях до Греции, Крита, Родоса, Кипра и жестоко разоряли их. Нападали они и на земли вдоль Дуная, на Балканах. Многие римские полководцы без особого успеха пытались усмирить готов.

Деду Константина это удалось. В 269 году он нанес готам сокрушительное поражение. Было захвачено множество пленных, одну часть которых император Клавдий принял в свое войско, другую — поселил в обезлюдивших римских окраинах. Если бы Клавдий проиграл сражение при Наиссе, то готам был бы открыт путь к Риму. Впоследствии готы станут верно служить римлянам, и в будущих военных победах Константина не однажды сыграют важную роль.

А та победа над готами вписала его деда, императора Клавдия, в

Историю под именем Готский.

Умер он от чумы, которая в 270 году скосила без разбору многие тысячи как варваров, так и римлян.

*

О происхождении матери Константина, Елены, есть две версии. Английские хроники уверяют, что Елена была дочерью короля бриттов. Греческие же историки называют ее дочерью трактирщика и хозяйкой придорожной гостиницы.

Как бы там ни было, сохранилось множество свидетельств самого теплого отношения Константина к матери в течение всей жизни. Летописцы отмечают внутренний, непоказной аристократизм Елены и ее редкостное благородство. Даже если правы греки и она была дочерью трактирщика, ее скромное происхождение никак не помешало ей с утонченным, поистине царским достоинством принимать императорские почести, которые позже ей оказывал сын.

Отец Константина — Констанций Хлор — был выдающимся полководцем, цезарем, а затем, с 305 года, августом западной части Империи. Современники отзывались о нем как о человеке образованном, мягком и благородном. Например, Аврелий Виктор называет отца Константина человеком «удивительным по своим природным дарованиям». «Но, — продолжает историк, — он поражал своей неорганизованностью. Не будь ее, Констанций Хлор мог бы стать самым выдающимся правителем».

Евсевий Кесарийский тоже выделяет отца Константина из всех власть имущих необъятного государства: «Он единственный из современников достойно провел время своего правления».

Констанций Хлор, особенно в старости, имел болезненный вид и потому получил прозвище Бледный.

А вот что пишет об отце Константина историк Евтропий: «Был он мужем доброжелательности величайшей, усердствовал в обогащении не своем, а провинциалов и частных лиц. Не стремясь к увеличению казны, он говорил, что лучше общественное богатство держать у частных лиц, чем хранить его в одном сундуке. Жил он столь скромно, что в праздничные дни, когда желал устроить пир для своих многочисленных друзей, брал займы у соседей серебряную посуду для украшения своего стола. Он был не только любим, но в Галлии даже почитался наравне с богами и особенно

за то, что в его правление избавились, наконец, от диоклетианова опасного безумия и от максимиановой кровавой безрассудности».

Историк имеет в виду двух верховных императоров-соправителей: Диоклетиана и Максимиана. По иронии судьбы, первый станет главным наставником Константина, второй — его тестем и одновременно кровным врагом.

*

Воевать Констанцию Хлору приходилось в основном с варварскими племенами, со всех сторон осаждавшими границы Римской империи.

По всему пространству от Гибралтара до Понта Эвксинского (Черного моря), отмечает летописец, «блуждает и волнуется варварская масса скрытых до сих пор племен, внезапной силой сорванная со своих мест подобно снеговому урагану в горах... Нестерпимые своей массой и силой варвары безумствовали и неистовствовали... Одним костром дымилась вся Галлия» (западная часть Империи).

Вот как описывает одно из варварских племен того времени знаменитый историк Иордан:

«Этот свирепый род не знал никакого другого дела, кроме охоты... Они, может быть, побеждали своих врагов не столько войной, сколько внушая величайший ужас своим страшным видом. Их образ пугал своей чернотой, походя не на лицо, а, если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз. Их свирепая наружность выдает жестокость их духа: они зверствуют даже над потомством своим с первого дня рождения. Детям мужского пола они рассекают щеки железом, чтобы раньше чем воспринять материнское молоко, попробовали они испытание раной. Поэтому они стареют безбородыми... При человеческом обличье живут они в звериной дикости».

В войнах с такими противниками отец Константина проявлял чудеса храбрости. И потому не случайно Констанций Хлор был любимцем армии. Именно армия провозгласила его в 305 году августом Римской империи. Он управлял ее западной частью и прославился успешными войнами с племенами варваров (пиктов, алеманнов), совершавших опустошительные набеги на западные и северо-западные территории Империи.

Констанций Хлор дал своему первенцу такое же «стойкое, постоянное» имя. Константин, в свою очередь, передаст это постоянство по наследству. Изменяться будут лишь окончания сыновних имен: Констант,

Констанций, Константин.

*

Власть в огромном государстве редко принадлежала одному императору, августу. Иногда она была поделена между двумя, реже тремя соправителями. В подчинении каждого был цезарь — младший соправитель части Империи. Чаще всего цезари потом становились августами. Но — не всегда...

Борьба среди претендентов на трон и пурпурную мантию была жестокой и порой кровавой. В такой борьбе Константин был вынужден провести половину своей жизни.

Эта борьба требовала мужества, сил и закалки. Поэтому, едва мальчик научился ходить, мать, предвидя перипетии его судьбы, воспитывала его в спартанском духе. Константин в три года уже умел плавать, занимался бегом, прыжками, лазанием по горам. А горы в тех местах были весьма живописны: кедровые рощи сменялись зарослями лавра, акаций, олеандра, откуда иногда доносились визг кабана или рычание льва.

*

Наисс, кстати, — это тот самый Ниш, который на Пасху 1999 года стал эпицентром бомбардировок Югославии самолетами НАТО. Казалось бы, при чем здесь это? Но ведь есть люди «простые» и есть «сложные». У «простых» намного меньше или вовсе нет нитей, связывающих их жизнь с прошлым и с будущим. У «сложных» — наоборот, нитей этих множество.

А есть еще «сверхсложные» — у них эти нити так перепутаны, так хитроумно затянуты, что сколько ни распутывай, все без толку. Именно к таким, «сверхсложным» людям я бы и отнес Константина.

Очень многое в его судьбе, особенно после его кончины, полно противоречий. Овеяно каким-то мистически-роковым духом. И на вопрос: «за что?» — нет ответа.

Почему на Пасху 1999 года бомбили именно его место рождения, первого христианского императора? Случайное совпадение? Или есть тут некая таинственная связь? Уверен, что есть...

Вообще, для меня Константин за все годы пристального его изучения как был, так и остается личностью загадочной. И прямых ответов тут

нет. Только одни вопросы...

*

Константин считался незаконнорожденным (его родители сочетались браком уже после его рождения), и это долгие годы было предметом насмешек недругов Константина. Тем не менее он с молодых ногтей готовил себя к первым ролям в государстве, хотя конкурентов у него было предостаточно.

В 284 году власть над всей Римской империей оказалась в руках императора Диоклетиана. Об этом человеке надо рассказать подробнее, ведь он был первым наставником Константина в делах государственных.

Диоклетиан по происхождению был крестьянином из Иллирии (напомню, это восточная Адриатика). Сын бывшего раба, вольноотпущенника, он, до того как стать императором, возглавлял дворцовую стражу, и звали его проще — Диокл.

Его приход к высшей власти в Империи осенью 284 года историк Аврелий Виктор описывает так. Предшественник Диоклетиана, юный император Нумериан, был тайно убит собственным тестем, префектом Апром. Об убийстве Апр умудрился довольно долго никому не говорить, надеясь захватить трон. Когда же страшная тайна раскрылась, под подозрение попал и Диокл, начальник дворцовой стражи.

Диокл на первой же сходке солдат, пишет историк, обнажив меч и повернувшись к солнцу, поклялся, что не знал о смерти Нумериана и что не стремился к власти. И тут же зарубил стоявшего неподалеку Апра, от козней которого погиб прекрасный и образованный юноша, к тому же его зять. Остальным дано было прощение, и почти все враги Диоклетиана были оставлены на своих должностях. Это обстоятельство было новым и неожиданным, ибо в смуте ни у кого не было отнято ни имущества, ни славы.

Новый император изменил свое имя в соответствии с римской традицией. Теперь его полное официальное имя звучало так — Цезарь Гай Аврелий Валерий Диоклетиан Август. И правил этот бывший крестьянин, сын раба, более двадцати лет.

С именем Диоклетиана историки связывают новый период в жизни Римской империи — период домината. Понятие это происходит от латинского *dominus* — господин. Диоклетиан, по сути, узурпировал власть

в стране, позаимствовав свой стиль у Востока. Он облачился в пурпур, украсил себя золотом и ввел невиданную доселе церемонию поклонения императору — те, кто приближался к нему, были обязаны преклонять колени и целовать край его одеяния, расшитого драгоценными камнями.

О республиканских принципах правления было как будто забыто. Римский сенат превратился в собрание статистов.

О Диоклетиане до нас дошли весьма противоречивые отзывы. В самых черных красках пишет его портрет историк Лактанций, современник Диоклетиана. Вот так, например: «Мастер злодеяний, виновник многих несчастий... Всю землю он как алчностью, так и боязливостью своей довел до гибели».

Но надо учесть, что Лактанций был убежденным христианином и не мог простить Диоклетиану жестоких гонений на христиан.

К мыслям и мнениям Лактанция мы еще не раз будем обращаться, ибо он был свидетелем многих событий, изложенных в этой книге. Он служил у Диоклетиана в Никомидии, он служил у отца Константина, Констанция Хлора, в Трире и, наконец, он был учителем старшего сына Константина, Криспа.

Но другие историки отзывались о Диоклетиане как о человеке умном, называли его удачливым полководцем и активным политиком.

Вил Дюрант говорит о нем как о человеке гениальном, который благодаря своим блестящим талантам примирил враждующие партии, защитил все рубежи Империи и повысил роль правительства. Преобразования Диоклетиана Дюрант сравнивает с заслугами императора Августа — создателя Империи.

«Диоклетиан был... очень острого ума и суровостью своей пытался подавить чужую злобу. Он был весьма умелым и рачительным государем», — пишет Евтропий. «На Диоклетиана его соправители смотрели с уважением, как на отца или даже как на великого бога» — а это слова Аврелия Виктора.

*

Но даже «великий бог» в одиночку не мог управлять огромным государством, простиравшимся от Британии до Евфрата, и не мог защитить его от наступавших со всех сторон варварских племен. Диоклетиану хватило мудрости понять это. Уже через год своего единоличного

правления, в 286 году, он разделил верховную власть в Империи и провозгласил своего старинного боевого друга Максимиана августом-соправителем. Под властью Максимиана оказались Италия, Испания и Африка. Своей резиденцией он сделал Милан.

Сам же Диоклетиан перебрался из Рима на самый край Империи, в Никомидию (ныне это маленький турецкий город Измит), и взял на себя управление восточной половиной страны.

Прошло семь лет, и Диоклетиан понял, что и вдвоем трудно управлять столь огромной Империей. И тогда в помощники августам были назначены два цезаря. Цезарем Востока Диоклетиан сделал своего зятя, грубого и жестокого Галерия, бывшего пастуха. А цезарем Запада, младшим соправителем Максимиана, Диоклетиан назначил отца Константина, Констанция Хлора. Цезарями оба были наречены 1 марта 293 года. Но Галерий по положению стоял ниже Констанция Хлора и в верховной четверке занимал последнее место.

Первые несколько лет Констанций Хлор управлял западными провинциями — Британией и Галлией. Позже, в 305 году, к нему перейдет и Испания.

Рим постепенно терял свою былую власть и славу первой столицы государства, с чем он совершенно не собирался мириться. И это грозило стране большими бедами — враждой и кровью. Но пока Диоклетиан был в силе, он держал Империю в узде.

*

Этот период римской истории называют тетрархией Диоклетиана (тетрархия — правление четырех: двух августов и двух цезарей). Законы и указы издавались от имени их всех. При императорских жертвоприношениях в храмах ставились изображения всех четверых правителей. Монеты в каждой части Империи чеканились с ликами всех четырех.

Однако Диоклетиан оставался старшим августом с правом накладывать вето на любые решения соправителей. Единственный из четверых он изображался с нимбом, лучистым обручем вокруг головы.

Тетрархия поначалу не мешала Диоклетиану сохранять единство Империи. Но когда он сам стал терять силу, его собственная конструкция верховной власти привела к кровавой гражданской войне.

Отношения между августами и цезарями были весьма сложными. Август Запада Максимиан очень боялся авторитета своего цезаря Констанция Хлора, сильного и талантливого полководца, любимца армии. А по традиции того времени новый правитель приходил именно из армии. Чтобы успокоить Максимиана, Диоклетиан решил женить Констанция Хлора на дочери Максимиана, Феодоре.

Для этого Констанцию Хлору по приказу Диоклетиана пришлось развестись с матерью Константина, Еленой.

Политические браки были обычным явлением для системы правления Диоклетиана. Какое ему было дело, что мать и отец Константина любили друг друга? Отец был солдатом и подчинился приказу. Константину шел тогда шестнадцатый год.

Но Диоклетиан тщетно добивался мира в своей Империи, тщетно старался устранить внутренние распри. Политический брак Констанция Хлора и дочери августа Запада Феодоры только прибавил претендентов на верховный трон Империи. Ими стали трое единокровных братьев Константина — сыновей Феодоры, второй жены его отца.

Глава 2

НИКОМИДИЯ

Юность Константин провел вдали от семьи и родных мест. Он тоже стал заложником политической интриги. В семнадцать лет его отправили в Никомидию служить при дворе императора. Диоклетиан по-своему верно рассуждал: близость к нему Константина обеспечивала преданность его отца — цезаря Запада.

Никомидия располагалась в живописном заливе Мраморного моря, среди холмов, покрытых зеленью виноградников и крестьянских полей. Диоклетиан сделал это тихое, мало известное до него место восточной, а по сути, главной столицей государства.

Диоклетиану по духу был ближе Восток, нежели Запад. Но не только в этом крылась причина того, что вскоре после своей коронации он покинул Рим и перебрался в Никомидию, за Босфор. Он был прежде всего полководец, и ему было удобнее отражать бесконечные набеги варваров, имея свою постоянную резиденцию не в центре Империи, а ближе к ее самым беспокойным границам.

Диоклетиан выбрал своей столицей тихую Никомидию еще и потому, что устал от Рима с его суетой и помпезностью. Однако, сменив месторасположение своего дворца, он не смог изменить нравы своего времени. Придворная жизнь предстала перед юным Константином во всем блеске разврата, пьянства и бесконечных интриг. Нередко его самого пытались сделать жертвой этих интриг.

При дворе Диоклетиана Константин провел десять лет. Для становления будущего императора эти годы имели очень важное значение. Это были годы обучения самому трудному из искусств — искусству правления. Этикет, политес, дипломатия — эти трудные для гордого юноши, но столь необходимые уроки он хорошо усвоил. Он постиг и хитрости закулисной борьбы при дворе, что потом помогло ему философски относиться к неизбежным дворцовым интригам.

Весьма рано Константин познакомился с жестокостью римского сознания и был вынужден хотя бы внешне принять ее. Он часто вслух выражал свое отвращение к убийствам пленных варваров. И казни

христиан, представителей незаконной в ту пору секты, он воспринимал как меру чрезмерную и необоснованно жестокую. Всякий раз, будучи их невольным свидетелем, он удивлялся радостному ликованию толпы.

Вместе с Диоклетианом он объехал всю Империю. Во время одного из таких визитов в Милан семилетняя Фауста, дочь августа Максимиана, преподнесла Константину шлем, украшенный драгоценными камнями. Девочка ошиблась, этот дар ее просили преподнести Диоклетиану. Но ей больше приглянулся другой. Мир тесен, десять лет спустя Фауста станет второй женой Константина.

В Никоидии Константин закончил двухлетнюю школу военного ремесла. День будущих легионеров начинался на рассвете с пробежки по горной местности. После завтрака — маршировка на плацу, метание дротика или копья, упражнения с мечом, верховая езда.

Константину более всего нравились кавалерийские упражнения, и очень скоро он добился явных успехов в искусстве верховой езды. Заметив это, начальство поставило юношу во главе учебной турмы — отряда из тридцати всадников, и его турма на скачках и маневрах оставляла других позади.

*

Была весна 295 года. Во время большого военного смотра, посвященного дню рождения императора, цезарь восточной части Империи Галерий отдал распоряжение, чтобы Константин дрался с командиром другой турмы, Эроком, на конях — боевыми копьями.

Этим грозным оружием легионы Рима завоевали полмира. Даже учебный бой такими копьями трудно было провести верхом на лошади без того, чтобы кто-то из двоих или оба не получили ранения, возможно, смертельные.

Замысел Галерия был коварен: Эрок — сын галльского царя, Константин — сын цезаря Запада. Если один убьет или хотя бы ранит другого, это станет причиной вражды между их отцами. А Галерий изо всех сил старался досадить отцу Константина — любимцу армии и явному претенденту на верховный трон.

Тот же Лактанций не жалеет самых нелестных эпитетов в адрес Галерия:

«Всех когда бы ни существовавших злодеев превзошел он пороками своими. Была в нем природная жестокость зверя и дикость, чуждая римской

крови... Поза надменная... и голосом, и жестами, и взором своим он всех ужасал и приводил в трепет».

Лактанций уверяет, что даже сам император Диоклетиан, тесть Галерия, боялся его чрезвычайно.

И вот по приказу Галерия двое молодых всадников несутся навстречу друг другу с противоположных концов поля. Копье Эрока, скользнув по щиту Константина, вонзилось в круп его лошади. Та осела на передние ноги и едва не задавила седока.

Константин выскочил из седла и посмотрел в сторону Галерия, ожидая сигнала горна, который положил бы конец схватке, ставшей теперь явно неравной. Но сигнала не последовало. Галерий ждал продолжения боя.

Эрок тем временем уже снова мчался с нацеленным на противника копьем. Константин казался совершенно беззащитен. По сути, это было не чем иным, как санкционированным убийством. Первая, но, как мы еще узнаем, не последняя попытка Галерия расправиться с Константином...

Константин повернулся лицом к несущемуся на него всаднику. Когда тот был совсем рядом, Константин вдруг опустил на колени и воткнул задний конец своего копья в землю, а его острие направил в щит противника. Не успевший ничего понять Эрок наткнулся щитом на копье, вылетел из седла и, перевернувшись в воздухе, распластался у ног Константина. Расколотый пополам щит болтался у него на руке.

Константин приставил к горлу лежащего галла меч. Трибуны взорвались ревом, как при настоящем бое гладиаторов, требуя смерти поверженного. Но Константин вложил меч в ножны и протянул руку, чтобы помочь Эроку встать.

Кровожадная толпа ответила гулом недовольства. Но более всех исходом поединка был недоволен Галерий, его план сорвался... На другой день он распорядился выгнать Эрока из Никомидии, и тот был вынужден вернуться в Галлию, на другой край Империи.

*

Кстати, на землях бывшей Никомидии ныне расположен небольшой турецкий город Измит. Тот самый Измит, где в августе 1999 года от землетрясения погибло более двенадцати тысяч человек. В Измите я был ровно за год до того землетрясения, искал следы Константина. Никаких следов. Ни единого намека на то, что здесь некогда была великая столица.

Ни единого намека — ну хотя бы плиты, доски, камня, — напоминающего потомкам о том, что именно здесь умер Константин Великий. Память о первом христианском императоре вытравлена кислотой религиозной нетерпимости.

Узнав о страшном землетрясении, я грешным делом подумал, уж не месть ли это Константина туркам за их воинствующее беспаятство ?

Разгадывать эти хитро сплетенные нити Судьбы — весьма увлекательное занятие...

Глава 3

ДРЕПАNUM

Минули два года обучения. Константину присвоили звание центуриона и назначили начальником императорской гвардии в Никомидии.

Лактанций, служивший в те годы преподавателем риторики у Диоклетиана, так пишет о Константине: «Юноша самый добродетельный и достойнейший звания цезаря, благодаря необыкновенности и изяществу облика, воинскому таланту, твердости нравов, личной доброте, он был любим солдатами и был желанным для простых людей».

Положенный выпускнику недельный отпуск Константин провел у матери, переехавшей в Дрепанум, пригород Наисса.

Там он и встретил Минервину — свою первую любовь, первую жену и мать своего первого (и самого любимого из семи своих детей) сына.

Она была дочерью богатого купца, жила в Дрепануме и часто навещала Елену. Константин и Минервина встретились в саду матери, и он был поражен ее красотой, нежностью и умом.

В свои семнадцать лет она была весьма образована, хорошо знала греческий, читала наизусть большие куски «Илиады». Эта встреча многое изменила в жизни Константина.

Он с удивлением узнал, что Минервина христианка, и пытался убедить ее, что это не только опасно, но и нелепо — придерживаться столь варварских обрядов: пить живую кровь и есть живую плоть. Таково было воздействие антихристианской пропаганды на Константина, как, впрочем, и на других. Люди мало знали об учении Христа кроме того, что это учение ложно и подрывает авторитет истинных богов.

Минервина была первой, кто попытался открыть Константину глаза. От нее он впервые услышал поразившее его своей простотой и величием заклинание:

*Отче наш, суций на небесах,
Да святится имя Твое.
Да приидет царствие Твое.
Да будет воля Твоя
И на земле, как на небесах.*

*Хлеб наш насущный дай нам на сей день.
И прости нам долги наши,
Как и мы прощаем должникам нашим.
И не введи нас во искушение,
Но избавь от лукавого...*

Минервина впервые привела его в христианский храм, если так можно назвать одноэтажное здание в Дрепануме, бывшее когда-то складом. Константин, привыкший к величию храмов Юпитера, покровителя Рима, был удивлен скромностью убранства: ряды простых скамей, алтарь в виде стола, покрытого белой скатертью, на ней тарелка и графин вина, позади стола — крест и горячая свеча.

У основания креста он заметил табличку с греческими письменами: «Иисус Христос Теон Иос Сотер». Знаний Константина не хватило, чтобы понять все пять слов, и Минервина перевела ему: «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель».

После проповеди священник объявил, что сейчас будет причастие. Константин с волнением ждал того жуткого ритуала, о котором так много слышал: питье крови и поедание плоти. Но обряд был простым и красивым. В память о Сыне Божием, который отдал за них жизнь, люди делили хлеб и запивали его вином. Священник напомнил, что во время прощального ужина в Иерусалиме Иисус тоже пил вино со своими учениками, отсюда и пошел ритуал.

*

В тот день Константин впервые услышал от Минервины историю распятия Иисуса. Он впервые услышал о Понтии Пилате, прокураторе Иудеи, и о том, как он трижды отказывался предать Иисуса казни. И еще — о том, что именно первосвященники, пришедшие во главе толпы, уговорили Пилата отправить Христа на Голгофу.

Той ночью Константину снился странный сон. Будто он — цезарь Востока и приехал с инспекцией в подвластную ему Иудею. И вот рано утром, в шесть часов, к нему во дворец приходит толпа и приводит связанного Иисуса и требует его казнить.

— В чем вы обвиняете его? — спрашивает Константин.

— Он провозгласил себя царем, — отвечают ему.

Константин увел Иисуса во дворец и спросил его:

— Так ты царь иудейский? Тогда почему не разгонишь эту толпу и этих первосвященников?

— Царство Мое небесное. Оно не в этом мире. Но скоро придет земной царь и станет строить в Мою честь такие высокие храмы, чтобы дотянуться до царства Моего. И скоро он возомнит себя богом...

— И ты знаешь его имя? Кто этот царь? — спросил Константин.

— Ты, кесарь, — ответил Иисус.

Константин рассмеялся, вышел к толпе и сказал:

— Я не вижу на нем никакой вины. Он просто помутился рассудком.

Толпа закричала:

— Распни его!

— Нет, — ответил Константин, — с сегодняшнего дня я отменяю казнь на кресте.

И тут он проснулся.

Константину еще не раз будут сниться такие странные сны — с участием этого чуждого и загадочного бога. Константин хорошо их запомнит и потом перескажет Евсевию из Кесарии и Осию из Кордобы, двум священникам. Но оба знатока христианской веры сумеют растолковать не все его сны...

*

Все увиденное и услышанное в Дрепануме посеяло в душе Константина первые сомнения относительно его веры. Но пройдет немало времени, прежде чем ему приоткроется Истина.

По сути, вся его жизнь будет исканием этой Истины. И подвиг Константина, пожалуй, в том и состоит, что он был до конца честен в этом поиске. Он принял христианское крещение на смертном одре — не раньше, чем искренне уверовал в единственного Бога, который вел его по жизни и подавал знаки. Константину только оставалось научиться их читать. Он был прилежным учеником.

...Их медовый месяц с Минервиной длился всего неделю. Диоклетиан срочно отправился в Египет, вот уже три века бывший рядовой провинцией Империи. Ее границы доходили до порогов Асуана, что в среднем течении

Нила. Рим видел в Египте не более чем кладовую зерна, безропотно поставляемого в метрополию. Не очень церемонясь, римляне пытались приспособить древние египетские святилища под свои храмы.

При Диоклетиане непомерно возросла армия чиновников. Раздутый государственный аппарат требовал много денег. Императору пришлось ужесточать налоговую систему. Сбор налогов и в центре Империи, и на ее окраинах часто превращался в настоящие сражения населения с властями.

Вот как описывает историк Лактанций сцену сбора налогов после эдикта Диоклетиана 295 года об ужесточении налоговой системы:

«Толпа налоговых чиновников низверглась и привела всех в смятение. Это были картины ужаса, как при нападении врагов и уводе пленных. Измерялись поля, подсчитывались виноградные лозы и деревья, вносились в списки все домашние животные, отмечалось число жителей. В города сгонялось все городское и сельское население. Все площади были забиты толпами людей. Каждый был на месте с детьми и рабами. Ввели пытки и побои. Сыновей пытали перед отцами, вернейших рабов перед хозяевами, жен перед мужьями. Если же все это было безуспешно, пытали самого собственника, и если он не выдерживал боли, он записывал в собственность то, чего у него вовсе не было. Ни возраст, ни немощи не находили снисхождения... Детям прибавляли возраст, старикам уменьшали. Все должны были платить подушный налог... Не доверяли одним оценщикам и снова посыпали других, как будто они могли записать больше. Все время удваивались взносы. Тем временем уменьшалось число животных, умирали люди. Но, несмотря на это, налог накладывался и на умерших.

Бесплатно нельзя было больше ни жить, ни умереть. Остались только нищие, с которых нечего было взять».

Неудивительно, что во многих провинциях народ бунтовал против власти Рима. В 295 году начались серьезные волнения в Египте, где взбунтовалась значительная часть населения, в том числе и мавританские племена. Два года спустя мавр по имени Ахилл, облачившись в пурпурный плащ, объявил себя августом и захватил Александрию.

Глава 4

АЛЕКСАНДРИЯ

В египетской экспедиции, начавшейся весной 297 года, Константин возглавлял когорту личной гвардии императора, будучи уже в чине первого трибуна. Этот чин давал ему право командовать легионом численностью до шести тысяч воинов.

Александрия — «ворота в Египет», «город, основанный полубогом, пришедшим от столпов Геркулеса». Имеется в виду Александр Македонский, который в 332 году до Рождества Христова повелел здесь, на берегу Средиземного моря, построить крупный портовый город для удобства торговли с северной Африкой.

По свидетельству античных авторов, архитектор Дейнократ начертал план будущего города на военном плаще Александра. Он, разложив его на земле, присыпал ткань плаща тонким слоем песка и по нему стал чертить схему улиц, посыпая затем эти линии белой мукой.

Когда он показывал свое творение Александру Македонскому, прилетели голуби и стали клевать муку. Царь счел это счастливым знаком и, не потребовав более подробных чертежей, велел сразу же начать строительство города. Затем Александр сел на коня и уехал, чтобы только через десятилетие вернуться в город, названный его именем, правда, уже в золотом саркофаге...

*

Войска Диоклетиана приплыли в Александрию вечером. Первое, чем был поражен Константин еще издалека, — это грандиозный маяк Фарос, гениальное творение Сострата Книдского. Одно из семи чудес света. «Символ египетской мудрости».

Этот «талисман Александрии, отражавший небо и все паруса Средиземного моря, так возвышался над землей, что камень, брошенный с него на закате, падал в воду только в полночь».

Маяк стоял на острове, в двух километрах от берега. Остров с берегом соединялся плотиной. Общая высота маяка была 130 метров (по другим источникам, даже 180). Он состоял из трех башен, одна над другой,

постепенно уменьшавшихся в диаметре. И без того величественное сооружение было украшено гигантскими мраморными статуями языческих богов. (Только их фрагменты и сохранились от Фаросского чуда после страшного землетрясения 1326 года, но их подняли со дна моря лишь в начале 60-х годов XX столетия.)

На самом верху маяка пылал огромный костер из просмоленных дров, его свет собирали и посылали далеко в море вогнутые зеркала, расположенные на восьми колоннах из белого камня.

Никогда Константин не видал ничего великолепнее.

*

Александрия произвела на него сильнейшее впечатление. Она, действительно, была красивейшим городом мира. Историк называет ее «градом величайшим, прекрасным и любезным». Это был самый крупный порт Средиземноморья, центр морской торговли.

Жизнь города была сосредоточена на рынке. Здесь, под прохладными портиками между колонн, любили собираться самые разные люди, не имевшие возможности иным образом узнать свежие новости или просто пообщаться. Здесь сосредоточилось большинство закусовых и распивочных с тысячами своих завсегдатаев. Здесь же, на рынке, среди шумной и впечатлительной восточной толпы, так легко вспыхивали уличные бунты и мятежи, принесшие столице Египта ее печальную славу.

Чудесной закваской для многочисленных народных восстаний служило небывалое количество в Александрии нищих. По одной из переписей, произведенных патриархией в начале IV века, их насчитывалось более десяти тысяч. Нищими просто кишели улицы огромного города. Просьбами о подаении они преследовали прохожих. Некоторые нищие, выдавая себя за юродивых, бегали нагишом по улицам, валялись в грязи, справляли нужду у всех на виду. Как ни странно, нищенствуя в Александрии, можно было заработать весьма много, в несколько раз больше, чем получал честный ремесленник.

Еще со времен Птолемеев в Александрийской библиотеке, насчитывавшей один миллион книг и рукописей, были созданы великолепные условия для работы и исследований астрономов, историков, географов. Они творили, не заботясь о хлебе насущном. Именно Александрия дала миру и Архимеда, и Евклида, и Эратосфена, который первым определил длину земной окружности. Именно александрийские

астрономы изобрели юлианский календарь, который человечество использовало многие века, вплоть до эпохи Возрождения...

Именно в Александрии появился первый университет — Музейон — с обсерваторией, библиотекой, с общежитием для преподавателей, с залами для хранения научных коллекций и для препарирования животных. Убежище для интеллектуалов, самое ученое место на земле — так называли Александрию.

Автор неспроста столь подробно рассказывает об Александрии. Константин никогда не забудет этот великий город. Память о нем станет будоражить его, пока он не построит город еще более грандиозный.

*

Начав осаду мятежной Александрии, Диоклетиан первым делом приказал рыть подкоп. Но это оказалось негодным делом, потому что тоннель тут же заливало грунтовой водой. Тогда в ход были пущены осадные машины.

Константину представилась возможность воочию увидеть классический римский метод осады крупного города, который он недавно изучал в теории. Главными осадными машинами римлян были катапульта и баллиста. В первой использовались для метания тяжелая стрела или дротик, во второй — двухпудовый камень, летящий с невероятной силой. Эти нехитрые механизмы таили в себе страшную угрозу и для крепостей, и для живой силы противника.

Тем не менее Александрия сдалась только на восьмой месяц непрерывной осады. Диоклетиан, обозленный упрямством египтян, сопротивлявшихся его армии так долго, отдал город на растерзание своим воинам.

Еще накануне штурма император позвал Константина, ставшего его любимцем, и, как бы оправдываясь перед ним, поведал, что перед отъездом в Египет он принес жертву в храме Аполлона и главный жрец по внутренностям быка предсказал ему победу в войне. При этом жрец сказал, что Аполлон повелел избивать жителей Александрии до тех пор, пока лошадь императора не окажется по колено в крови.

И вот победитель с триумфом вступил в поверженный город. Идущие перед ним legionеры вырезали тысячи жителей, не разбирая ни пола, ни возраста. Улицы были залиты кровью.

*

Возможно, резня в Александрии продолжалась бы еще долго, если бы не находчивость Константина. Как и положено, при въезде в город он следовал за императором. Споткнувшись о тело убитой женщины, лошадь Диоклетиана поскользнулась в луже крови и упала на колени. Константин не дал императору упасть, подхватив его под руку.

Пока лошадь пыталась встать, Константин заметил, что ее передние ноги измазаны кровью. «Пророчество жреца сбылось! — закричал он. — Смотрите на колени императорского коня, они красны от крови».

Диоклетиан подошел поближе, чтобы убедиться в том, что и так было очевидно. По лошадиным коленям стекала кровь. «Прекратить расправу», — приказал он. Константин немедленно велел двум декурионам, ехавшим рядом, скакать к войскам и передать приказ императора прекратить резню.

Вечером того же дня Диоклетиан сказал Константину: «Александрийцы должны поставить тебе памятник как их спасителю».

Наутро Константин из письма матери узнал, что стал отцом мальчика, названного Криспом. Но следом пришло другое письмо из дома, в нем Елена с большой горечью сообщала о смерти Минервины, матери новорожденного.

Она никогда не была крепка здоровьем и не перенесла родов. Так в двадцать пять лет Константин стал вдовцом.

*

Диоклетиан пришел к выводу, что главными виновниками восстания в Александрии были христиане. Он приказал повсеместно провести чистки и выгнать христиан с государственной службы. Их частные владения конфисковывались. В Александрии Диоклетиан разрушил десятки церквей. Тысячи верующих подверглись пыткам. Император требовал не только публичного отречения от христианской веры, но и обязательного жертвоприношения языческим богам. При этом каждый был обязан иметь сертификат, который бы подтверждал совершение обряда.

Многие отказывались, тогда их пытали. Кто-то представлял фальшивые сертификаты. Кто-то уходил в пустыню, как, например, египетский монах Антоний, который удалился от людей на четверть века. Подражая ему, в пустыню ушли сотни отшельников. Там же в Египте

возникли и первые отшельнические общины. А вскоре появились и первые монастыри. Так, не желая того, император Диоклетиан помог появлению института монашества.

Основателем первого монастыря был египтянин Пахомий, причисленный после смерти к лику святых. Двумя основными тезисами учения святого Пахомия были: в здоровом теле здоровый дух, не слишком усердствуй в работе. Кстати, первый монах Пахомий был погодком Константина.

И опять же парадокс! Или ирония Судьбы? Первые отшельники и монахи появились именно там, в Египте, и именно в те времена, когда там был Константин. Зачем они удалялись в пустыню, зачем ограждали себя от мира сего высокими стенами? По сути, это был их протест против того, к чему шел всю жизнь Константин — к соединению христианской Церкви и государства. Точнее, это был их протест против вмешательства власти в тайную, мистическую и только им понятную сферу богоискательства.

...До сих пор над Александрией возвышается двадцатидвухметровый памятник гонителю христиан императору Диоклетиану — колонна из розового асуанского гранита, возведенная в том же 297 году. Под ней расположены знаменитые катакомбы — уникальные александрийские гробницы, младшие родственницы египетских пирамид. Это самый грандиозный из известных науке комплексов захоронений периода Римской империи.

Глава 5

ЕВФРАТ

Судьба между тем готовила Константину новое испытание. Персидский царь Нарсес перешел с войсками Евфрат и, нарушив восточную границу Империи, продвигался на запад. Его армия напала на Армению, римскую провинцию, и армянский царь Тардат под натиском персов был вынужден с небольшим отрядом бежать.

Армения при Тардате была надежным бастионом Империи на ее самой беспокойной границе — между Месопотамией и Черным морем. На эту границу не раз покушались и персы, и скифы. Отбить сей бастион было задачей неотложной.

Диоклетиан уже послал к Евфрату войска под руководством цезаря Галерия, но, по донесениям, персы сумели дать им отпор, истребляя римские легионы неожиданными атаками своей легкой кавалерии, вооруженной скимитарами — кривыми острыми саблями, которыми персы безжалостно вырезали римлян.

Диоклетиан отправил Константина на помощь Галерию.

Путь к Евфрату шел через пустыню, затем вдоль берега Мертвого моря, через Иерусалим, через реку Иордан, к Галилейскому морю... Библейские места. В двух шагах от их пути лежал Назарет, откуда был родом Иисус.

Добравшись до западного берега Евфрата, Константин узнал, что армия Галерия, предпринявшая опрометчивое наступление на столицу Персии, почти полностью разбита. Ее остатки беспорядочно отступали, бросая оружие, имущество и знамена. Земля была усеяна тысячами распнувших на солнце тел, на них сидели черные птицы и выклевывали им глаза.

...Взобравшись на пригорок, Константин увидел, как кавалерия персов уничтожает немногочисленный отряд римской армии. Он разделил свою конницу надвое и повел ее в атаку, решив взять персов в петлю. Его конники напали столь неожиданно, что персы, не успев ничего понять, оказались окружены и разбиты. Их остатки в панике бежали.

В результате этого короткого боя в числе прочих был спасен армянский царь Тардат. Он тут же предстал перед Константином, сказав,

что обязан ему своей жизнью.

Это был высокий смуглый человек, прекрасно говоривший на латыни. Оказалось, что он хорошо знает отца Константина, с которым они вместе воевали. Тардат отзывался о Констанции Хлоре как о прекрасном полководце и человеке.

— Теперь у меня есть возможность оценить и его сына, — сказал Тардат. — Я видел, как ты храбро дерешься. Ты кромсал персов, словно котят. Наверное, ты успел набраться опыта, воюя вместе с отцом?

Армянский царь не знал, что это был первый настоящий бой Константина.

*

Они устроились на ночлег на берегу Евфрата в безлюдном городке Зура, что более ста лет, после очередного набега персов, лежал в развалинах. Съели походный ужин римского легионера — лепешки из зерна на постном масле, запиваемые кислым вином — и легли на полу просторной комнаты более-менее уцелевшего дома.

И тут Константин в свете факела заметил на стене странную картину. Она изображала пастуха с ягненком на руках, шедшего по воде, и еще одного человека, который, очевидно, попытался сделать то же, но не сумел и сейчас тонул, с мольбой протягивая к пастуху руку.

Константин удивился, откуда здесь эта картина и что она означает. Тардат пояснил:

— Этот дом служил христианам церковью. Их так жестоко преследовали, что они были вынуждены собираться в обычных жилищах. Подобные картины я видел и в церквях моего царства. В виде пастуха изображен сын Бога, называемый христианами Иисусом. Он мог ходить по воде. Но когда Петр решил последовать за ним, ему изменила вера, и он утонул бы, если бы Иисус не вытащил его из воды. Христиане уверяют, что он может спасти людей от смерти.

— Я готов в это поверить, если завтра он спасет нас, — ответил Константин.

До ближайшего римского города, Антиохии, было пять дней Пути по территории, занятой врагами...

*

На рассвете объединенный отряд Константина и Тарлата покинул Зуру. Раненых солдат усадили на лошадей позади всадников. Не способных ехать верхом положили на самодельные носилки и пристроили между парами лошадей.

По пути в Антиохию им пришлось несколько раз вступать в схватку с персами, которые превосходящими силами атаковали отступающих солдат Галсрия. И всякий раз конница Константина спасала их от верной гибели.

Грязные, оборванные, но вновь обретшие боевой дух легионеры десятками, сотнями присоединялись к отряду Константина. При вступлении в Антиохию он насчитывал более шести тысяч воинов. Увидевший их Галерий не мог не выразить благодарности Константину, хотя это стоило ему большого труда.

Антиохия — место историческое, но сегодня почти забытое. Древняя столица Сирии, Антиохия была одним из первых городов на земле, где рождалась христианская Церковь. Когда в первом веке новой эры гонения на христиан заставили ее отцов-основателей бежать из Иерусалима, они обосновались именно здесь, в Антиохии. И существующая до сих пор табель о рангах самых древних Церквей планеты, расположенных по старшинству «согласно чести и древности», так называемая пентархия, ставит Церковь Антиохии на четвертое место — после Рима, Константинополя и Иерусалима. Пятерку замыкает Александрия.

Во времена Константина Антиохия была одним из самых важных и самых богатых городов Римской империи. Город украшали красивейшие дворцы, колоннады, набережные, мраморные храмы римских богов. Огромный цирк не уступал размерами римскому. Здесь по случаю приезда императора состоялись бои гладиаторов. Но после увиденного Константином на поле битвы подобные зрелища его уже не привлекали.

*

Прибывший в Антиохию император Диоклетиан одним из первых своих указов назначил Константина на пост командующего всей римской гвардией. Цезарь же Галерий, виновный в гибели целой армии, был подвергнут унижительной процедуре: императорская колесница величественно объезжала весь город, в ней восседал Диоклетиан; Тардат и Константин стояли тут же, а Галерию император приказал идти рядом с колесницей.

И весь путь Галерий шел, взявшись за поручень, как слуга у стремени

своего хозяина. Ни одного цезаря за всю историю Римской империи так еще не унижали. И главным виновником своего позора Галерий считал Константина, сумевшего спасти остатки его армии.

Диоклетиан направил в Армению свою армию вместе с остатками войска Галерия, которому было поручено восстановить Тардата на царском троне, что через месяц и было сделано. Раненый Нарсес, персидский монарх-захватчик, бежал на юг под защиту пустыни, бросив многочисленных жен и детей. Спустя несколько месяцев они были возвращены Нарсесу в обмен на часть его земель. Таким образом, восточная граница Империи отодвинулась еще дальше — от Евфрата к берегам Тигра.

*

Когда наконец мир и спокойствие воцарились на восточных рубежах, Диоклетиан отправился в Рим, чтобы там отпраздновать победу. Естественно, Константин поехал с ним. Но по пути он ненадолго заехал в Дрепанум навестить мать и повидать наконец-то сына Криспа. Малыш оказался точной копией его самого: такой же крепкий, такой же бойкий и смелый.

От матери Константин узнал, что отец за минувший год подавил мятежи восставших против Рима племен в Британии. Там местный вождь варваров Караузий провозгласил себя августом Запада. Захватив главный морской порт Галлии, лежавший на берегу пролива Фретум-Галликум (теперь это Ла-Манш), самозванец по-пиратски нападал на римские торговые суда и держал в страхе половину Империи.

Констанций Хлор сумел усмирить Караузия. Чтобы захватить хорошо укрепленную гавань, в которой обосновались мятежники, пришлось использовать мощные стенобитные машины. Караузий бежал за пролив и был пленен близ Лондиния.

Так установился мир и на другом краю Империи, на берегах Темзы, — это был еще один повод для праздника, к которому готовился Рим.

Авторитет отца Константина, цезаря Запада Констанция Хлора, еще больше укрепился в армии, а это было очень важно для его дальнейшей карьеры. Как, впрочем, и для карьеры его сына. А она могла сложиться иначе, если бы Константин согласился на предложение Тардата стать главным военачальником Армении. Эту идею армянский царь высказал в

Антиохии. Но Константин понимал, что, заняв сегодня эту высокую должность на самой окраине Империи, завтра он будет исключен из первых претендентов на верховный трон. И он отказался.

Перед возвращением в Армению Гардат, прощаясь с Константином, сказал ему:

— Если ты передумаешь, помни, что я всегда буду рад видеть рядом с собой такого полководца. У меня большие планы, я хочу раздвинуть границы моей маленькой родины. Со временем ты можешь стать правителем огромной восточной империи.

Но Константин видел свое будущее иначе. И он во второй раз отказал армянскому царю. Путь к трону через Рим ему казался вернее и короче, чем через Армению.

Глава 6

РИМ

За двадцать лет правления Диоклетиана древняя столица Империи утратила свое былое значение. Хотя здесь по-прежнему заседал сенат, издававший законы и выбиравший на высшие должности консулов и магистратов, вся страна знала, что настоящие законы творятся на востоке, в небольшом городке Никомидия, откуда Империей правил Диоклетиан.

Цезарей и августов в Римской империи делала армия. Никто не мог позволить себе пойти против ее решения, если оно принималось большинством высших военных командиров. Так был возведен на императорский трон и Диоклетиан, когда-то бывший центурион, а затем трибун. Но он торжественно обещал, что будет царствовать не более двух десятилетий, и вот теперь, в 304 году, они истекали. Страна жила ожиданием, сдержит ли император свое обещание, и если да, то кто придет ему на смену.

Триумфальное шествие Диоклетиана по случаю побед его легионов было пышным. Достаточно сказать, что в процессии участвовали тринадцать слонов, специально привезенных для этого из Африки. Сам Диоклетиан ехал по Риму в золотой колеснице, запряженной шестеркой белых коней. Первым делом он отправился к храму Юпитера, где предстоял обряд жертвоприношения.

Константин и с ним пятеро самых могучих воинов шли вслед за колесницей. За ними с обеих сторон двумя шеренгами следовали ликторы — должностные лица. Следом везли огромного белого быка, предназначенного на заклятие, его мощную голову украшал роскошный венок. Замыкали шествие два десятка повозок с добычей, взятой за Евфратом. Диоклетиан дарил ее жителям Рима по случаю двадцатилетия своего правления.

Добравшись до храма Юпитера, император приблизился к алтарю, где уже ждал главный жрец. Пока Диоклетиан воскурял фимиам — ароматические вещества: мирру, смоляные шишки, — помощники жреца привели быка. Схватив его за рога, один из них резко нагнул быку голову, а второй ударил обухом топора по затылку и оглушил животное. Тогда в дело вступил жрец и перерезал жертве горло церемониальным ножом. Кровь

хлынула на алтарь. Все подняли руки к небесам, благодаря Юпитера и прося у него благословения на долгие годы.

*

Привычным зрелищем на улицах Рима были тогда экзотические шествия кастрированных жрецов Аттиса, юного бога, возлюбленного самой Кибелы, Матери богов. Этот культ, пришедший с Востока, из Сирии, стал составной частью римской государственной религии еще в I веке при императоре Клавдии.

Скопцы в ярких восточных одеждах со статуэтками Кибелы и Аттиса на груди шли по улицам столицы под визг флейт, громыханье барабанов, гуденье рогов и бой кимвалов. Это было фантастическое зрелище. Пораженные необузданными мелодиями горожане собирались огромными толпами, закидывали жрецов цветами и подавали им небывало щедрую милостыню. Апофеозом культа был тот час, когда архигал, первый священник, вскрывал себе на руке вены.

Жрецы рангом пониже, взбудораженные варварской музыкой, кружились в диком танце, тряся головами, пока не приводили себя в состояние, когда они уже не чувствовали боли. И тогда, выхватив спрятанные под одеждой ножи, они кололи себя в руки, в грудь, в плечи, забрызгивая кровью публику.

После этого начинался ритуал посвящения новых жрецов. Придя в состояние религиозного экстаза от вида льющейся крови и бешеной музыки, новопосвященные брали ножи у своих братьев по неразуму и — на виду у всех — оскопляли себя. Затем, когда океан культового экстаза стихал, отрезанные органы погребали в подземельях храма Кибелы, на Палатинском холме Рима.

Пожалуй, этот изуверский ритуал наиболее ярко рисует дикость язычества. Его боги требовали кровавых жертв, объясняя, что в этой теплой красной жидкости они черпают свою божественную энергию, которую потом с избытком вернут людям.

Константин как солдат в свои тридцать лет видел много крови. Но, впервые став свидетелем такого неистовства, он испытал шок. Оказалось, что в официальной религии его Империи есть ритуалы, к которым он относится с отвращением. Здесь, в Риме, столице язычества, Константин пришел к довольно простой мысли: нельзя человека насильно тащить к жертвеннику, нельзя понуждать его поклоняться богам, если он

сомневается или если верит в иного бога.

Это было очень важное открытие на его пути к Истине.

*

Несколько дней Рим отмечал праздник, посвященный Диоклетиану. По всему городу шли пиры и балы, на которых знать смешивалась с простым людом. На одном из таких празднеств Константин и встретил шестнадцатилетнюю Фаусту, младшую дочь августа Максимиана. Напомним, что на старшей его дочери, Феодоре, был женат отец Константина.

Константин был очарован бойкой, не по годам честолюбивой девушкой. На второй день их знакомства, стоя у огромной мраморной карты мира в галерее Европы, Фауста указала на границы Римской империи и сказала Константину:

— Когда-нибудь это все будет нашим с тобой. Нет, не только это, а больше — то, что ты еще завоюешь.

Сначала его веселило девичье стремление Фаусты к верховной власти. Но вскоре Константин понял, что она всерьез мечтает сидеть на троне. В ней горел пожар честолюбия. Жизнь ее никак не устраивала, если у ее ног не будет лежать целый мир. Но ведь в те времена женщина не могла править Империей, значит, ей ничего иного не оставалось, как стать женой правителя. Или — выбрать в мужа того, кто им может стать, и помочь ему в этом преуспеть. Так Фауста и сделала.

Она сразу же заявила Константину, что выйдет замуж только за цезаря, никак не меньше. И уж коли Константин полюбил ее, ничего другого ему не оставалось, как поскорее стать одним из соправителей Империи, чтобы добиться у Фаусты взаимности.

*

Двадцать лет на верховном троне Империи подорвали здоровье Диоклетиана, и он всерьез был намерен передать пурпурный плащ августа кому-нибудь помоложе. Но кому? Он не раз откровенно разговаривал об этом с Константином. И не раз просил у того прощения, что держит его у себя в стражниках.

— Я знаю, что ты достоин большего. Твое место давно на троне

цезаря, — говорил Константину Диоклетиан, — но я никому не доверяю больше, чем тебе. А я не хочу быть убитым в своей кровати, как Нумериан.

Вместе с Диоклетианом должен был отречься от власти и второй соправитель Империи, отец Фаусты август Максимиан. Но в армии ходили упорные слухи, что Максимиан соглашается на отречение только для вида, а когда Диоклетиан снимет с себя царскую порфиру, он останется единственным правителем всей Империи.

Лактанций отзывается о Максимиане весьма нелестно:

«В нем было много пыла, правда, на свершение не доброго, но дурного. Поскольку ему были подчинены богатейшие провинции Африка и Испания, то он не ограничивал себя в числе охранявших его войск, как это позволяли средства. Когда же появлялась нужда в деньгах, на то были богатейшие сенаторы, которые на основании доносов объявлялись покушавшимися на власть, так что цвет сената подвергался постоянным конфискациям. Кровожадная казна пополнялась способами отвратительными... В этом пагубном человеке была, кроме всего прочего, страсть не только к соращению мужчин... так еще — к осквернению дочерей лучших граждан. И какой бы он ни совершал поход, насильно отнятые от родительского взора девушки постоянно были в его распоряжении. По той причине он полагал себя блаженным, оттого считал, что благополучие его власти будет неизменным, если ничто не будет мешать его распутству и дурной страсти».

Напомню, речь идет об отце возлюбленной Константина.

*

Перед возвращением в Никомидию Константин пришел к Максимиану и попросил руки его дочери. Несмотря на ранний час, тот был навеселе и говорил откровенно и грубо:

— До чего же докатился великий Рим, если приبلудный сын хозяйки корчмы имеет нахальство лезть в зятя к императору!

Максимиан налил себе из кувшина в серебряный бокал, и рукав его белой туники заалел винным пятном.

Константин молчал. Хотя мог бы напомнить, что он сын цезаря и внук императора, да к тому же прославленного своими победами. И еще он мог бы напомнить престарелому правителю, что сам-то Максимиан когда-то был простым солдатом, а на троне оказался только благодаря воинской дружбе с Диоклетианом.

— Цезарь Галерий рассказал мне, как хитро ты приписал себе победу над персами, — продолжал Максимиан. — Далеко же ты пойдешь с такой ловкостью. Тебе и моя дочь наверняка нужна, чтобы использовать ее для своей карьеры.

Константин молчал. Он уже сильно жалел о своем визите.

— Всем известно, в семью Диоклетиана ты влез благодаря тому, что покрываешь увлечение его жены и дочери христианской ересью, — все больше распалялся Максимиан. — Но в мою семью тебе пролезть не удастся! Не видать тебе Фаусты, как собственных ушей.

На прощанье Максимиан запретил Константину даже встречаться с дочерью.

*

Но они все-таки встретились перед его отъездом. И Фауста поведала Константину, что ее отец как-то проговорился: он не собирается отречься вместе с Диоклетианом. А после отречения главного августа намерен занять его место. Константин оказался в очень сложной ситуации. С одной стороны, он должен был поставить об этом в известность Диоклетиана. Но с другой — если он сделает это, то окажется виновником раздора двух верховных правителей. Как быть?

Фауста не оставила места для его сомнений.

— Ты хочешь, чтобы я тебя посадила на трон? — впрямую спросила она Константина. — Если да, то не мешай мне. Твой отец, женившись на моей сестре Феодоре, уже связал родственными узами вашу семью с нашей. Когда ты станешь цезарем, мы поженимся. И тогда против нашего общего семейного союза не устоит никто. Думаю, в узком семейном кругу мы сумеем тихо поделить всю страну. Так что лучше ты пока не раскрывай нашу семейную тайну.

Константин опешил. Ему не очень-то нравилась та роль воробья в танце журавлей, которую ему отводила его юная возлюбленная. Он поспешил попасть на прием к Диоклетиану, но у того случился приступ застарелой болезни, и он долго никого не принимал. А когда император поправился, в стране начались события, на фоне которых переживания Константина уже не казались столь важными.

*

Шел 303 год. Римская империя стояла на пороге трагических событий. Тысячи и тысячи невинных людей будут замучены самым жестоким образом. Прольются реки крови. И отнюдь не внешние враги станут тому причиной. Приказ начать массовые пытки и убийства поступит от отца нации Диоклетиана.

Историки расходятся во мнении относительно того, кто был инициатором последнего по времени (но не по жестокости!) гонения на христиан в Римской империи. Кое-кто уверяет, что Диоклетиана на это подбил жестокий цезарь Галерий, воспитанный яркой язычницей. У такой точки зрения есть веские основания.

Мать Галерия, Ромула, почитательница бога лесов и дикой природы Сильвана, чуть ли не ежедневно устраивала сакральные пиршества с неизменными жертвоприношениями. Тех, кто отказывался в них участвовать, она проклинала. Не менее суеверного сына с самой юности она воспитывала в ненависти к христианам и призывала уничтожать этих людей, как лютых врагов.

Верховная власть за полтора десятилетия сильно испортила Галерия. Вот как описывает Лактанций младшего сопровителя Востока:

«Он начал всем досаждать, желая, чтобы его именовали рожденным от Марса, как второго Ромула, основателя Рима... Он держал медведей, по дикости и величине не уступавших ему самому. Когда он хотел позабавиться, приказывал кликнуть кого-нибудь из этих зверей. Люди отправлялись не просто им на растерзание, но в качестве простой пищи: когда их тела разрывались медвежьими зубами, Галерий с превеликим удовольствием хохотал. И никогда не совершал он трапезу без лицезрения человеческой крови.

У него не было ни одного ничтожного наказания: ни ссылок на острова, ни тюрем, ни рудников — но обыденнее и доступнее для него были огонь, крест, дикие звери. Домашние рабы приводились к послушанию пикой. В курии отсечение головы предоставлялось в виде любезности, и эту благородную смерть получали за старые заслуги...

То, что предки по закону войны совершали в отношении побежденных, Галерий хотел устроить в отношении римлян и римских подданных...»

А вот свидетельства летописца о жестокостях Галерия при переписи граждан, которая служила основанием для налогообложения:

«Сыновей вешали в присутствии отцов, вернейших из рабов мучили против воли хозяев, жен — в присутствии мужей. Если их признаний не доставало, люди сами себя оговаривали, и когда боль одерживала верх,

признавались в том, чего не имели... Даже умершие не освобождались от податей, так что уже ни жить, ни умереть нельзя было, не платя при этом. Одни нищие жили превосходно, их собственное несчастье защищало от всякого рода насилия...»

*

Для Галерия мучения других и пытки были удовольствием. Поэтому он с таким упоением взялся за выполнение указа Диоклетиана о гонениях на христиан. Кстати, поводом для начала этого жесточайшего гонения послужил банальный, казалось бы, случай.

Диоклетиан любил слушать предсказателей будущего. В те времена в Римской империи были широко распространены различные формы предсказаний. Но самыми уважаемыми и достоверными считались гадания по внутренностям, чаще всего по печени только что убитого и еще теплого животного. И вот однажды, во время очередного жертвоприношения, на котором присутствовал и Диоклетиан, верховный гаруспик (так звали прорицателей будущего) очень разволновался и сказал, что не может сделать предсказания — потому как печень закланной жертвы не подает никаких знаков, обычных при гадании. Диоклетиан велел заколоть еще одно животное. Результат оказался тем же, несмотря на все старания гаруспика.

И вдруг верховный жрец громко заявляет:

— Свершению таинства мешают присутствующие нечестивцы-христиане. Они тайно осеняют себя крестным знаменем, и это не позволяет по внутренностям животного увидеть будущее.

Диоклетиана вдруг охватил приступ безумного гнева. Он заставил всех, кто здесь был, принести клятву римским богам. Всем обитателям дворца, от августы до последнего раба, он приказал назавтра совершить жертвоприношения, а тех, кто откажется, велел бить плетью.

Он издал письменное распоряжение по армии и принудил всех поголовно солдат и командиров к жертвоприношениям. Всех, кто не подчинится, велел выгонять с военной службы. Но его война с христианами ограничилась поначалу его дворцом в Никомидии и его войском. После чего гнев его слегка поутих.

Но тут явился Галерий — главный, по мнению Лактанция, виновник столь многочисленных жертв христианских гонений.

Диоклетиан призвал цезаря Галерия и спросил у него совета, как быть

с христианами. Сопревание между двумя правителями, пишет Лактанций, длилось не один день, и поскольку на него никого не допускали, то все сочли, что двумя верховными правителями обсуждается вопрос об опасном положении государства.

Довольно долго Диоклетиан противился ярости Галерия, заявляя, что не хочет проливать слишком много крови, и предлагал провести репрессии лишь среди христиан, обитавших во дворце и в армии. Причем обойтись без излишней жестокости: сечь плетьюми, пытаться голодом... Но ярость Галерия уже нельзя было обуздать, и Диоклетиан не смог умерить безумия этого неистового человека. Галерий настоял на том, что всех упорствующих в своей вере христиан надо сжигать живьем.

*

Хитрый Диоклетиан сделал все, чтобы царедворцы, а за ними и прочие узнали, что не он сам был инициатором жестокостей, а его соправитель. Он всегда так поступал. Когда он замыслил нечто благое, то давал распоряжение в одиночку, ни с кем не советуясь. А когда затевал зло, то призывал в советчики других и выставлял их главными, сам как бы оставаясь ни при чем.

Однако в историю человечества зверства, учиненные по отношению к тысячам христиан, вошли под именем, которое никакой хитростью уже не изменить: Диоклетианово гонение...

Тот же Лактанций причину главного злодеяния всей жизни Диоклетиана видит в том, что, приведя страну к краху своей неумной политикой, он решил найти виноватых в этом крахе и нашел их в лице христиан. Аргументы историка убедительны. Читаем в его трактате «О смертях преследователей»:

«Чтобы никого не покидал страх... в каждом округе бесчисленные наместники были умножены бесчисленными казначеями, магистрами и викариями... Судебные процессы стали не просто часты, но непрерывны. Во взимании налогов царя не выносимая несправедливость...

Я уже не упоминаю того, что многие погибли из-за своих имений и богатств... Необычен этот Диоклетиан был в том, что где бы ни увидел ухоженное имение или изящное строение, тотчас их владельцу были готовы козни и ужасные наказания, будто не мог он заполучить чужого добра без пролития крови...

Диоклетиан вызвал различными ухищрениями огромную дороговизну

в государстве... В результате чего из-за всеобщей скудости и нищеты произошло множество необоснованных убийств, а дороговизна тем временем все увеличивалась».

Диоклетианово гонение на христиан — это его попытка уйти от личной ответственности за кризис в Империи. Такой вывод делает Лактанций.

Глава 7

НИКОМИДИЯ. СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

Для начала осуществления жесточайшего плана искали подходящий день. Наконец, были выбраны Терминалии (праздник в честь божества границ и межевых знаков — Термина), что за семь дней до мартовских календ. То есть хотели положить символический предел, границу, конец всей жизни христианской Церкви.

Итак, за семь дней до мартовских календ, 23 февраля 303 года, император Диоклетиан издал разгромный для христиан эдикт, в котором они назывались вредной для государства сектой. В эдикте о христианах говорилось;

«Следует опасаться, что они с течением времени отравят своими мерзкими ядовитыми напитками невинных людей, скромный и спокойный римский народ и весь наш земной шар... Поэтому мы повелеваем, чтобы их главари вместе с их мерзкими писаниями были подвергнуты суровому наказанию — сожжению в огне. Их приверженцы, прежде всего фанатики, должны быть наказаны смертью, их собственность конфискована в пользу казны... Эпидемия этого зла должна быть истреблена с корнем из нашего счастливого века».

До этого историки насчитывают десять гонений на христиан. Самое жестокое из них относят ко времени правления Нерона, в первой половине первого столетия. Тогда упорствующих в своей вере христиан, по словам Тацита, «пытали огнем, чтобы они указали сообщников, а затем губили с поруганием: покрывали шкурами зверей и отдавали на растерзание псам, распинали на крестах, обливали смолой и сжигали вместо факелов и, если недоставало для того дня, заставляли их гореть ночью».

Гонения при императоре Диоклетиане были одними из самых ярых и жестоких христианских гонений. Об этом свидетельствуют Лактанций и Евсевий Кесарийский, биограф и ближайший сподвижник Константина.

*

В те два десятилетия, что правил Диоклетиан, распространение

христианства шло весьма быстро. Христиане уже служили при дворе; жена и дочь императора Диоклетиана, Приска и Валерия, относились к ним весьма благосклонно. В Никомидии, совсем неподалеку от императорского дворца, высилась христианская церковь. Сохранилась и живопись, которая говорит о высоком уровне христианского искусства того времени.

И вот вдруг, и в самом деле неожиданно для многих, появляется страшный эдикт Диоклетиана. В тот день, 23 февраля, еще на рассвете, к церкви в Никомидии прибыл в сопровождении военачальников префект претория (высшее должностное лицо префектуры Востока) и, отворив двери церкви, стал искать образ Бога.

Все это происходило на глазах Диоклетиана и Галерия, которые стояли на балконе своего дворца, расположенного в двух шагах от церкви. Август и цезарь спорили между собой о том, каким образом лучше уничтожить церковь. Сначала решили ее сжечь. Но Диоклетиан опасался, как бы не сгорела часть города, если случится большой пожар, ведь церковь была окружена со всех сторон большими домами. Галерий же настаивал на поджоге. Победил Диоклетиан, и тогда подошли с топорами преторианцы, выстроенные в боевую линию, и за короткое время сравняли величественный храм с землей.

*

Эдикт Диоклетиана 303 года требовал уничтожения всех церквей, христиане лишались наград и званий. Каждый христианин должен был публично отречься от своей веры и присягнуть римским богам. Те, кто не желал отречься, должны были подвергнуты пыткам. Рабы, приверженные христианству, теряли всякую надежду на свободу.

Судам предписывалось без промедления принимать к рассмотрению любую жалобу на христианина и изымать его собственность, если будет найден хоть малейший предлог. Самим же христианам запрещалось обращаться в суд, это дало их мучителям полную безнаказанность. Наконец, христиане лишались всех прав граждан Империи, в том числе избирательного.

На христианских епископов полагалось надевать оковы и заключать их в тюрьму без суда и следствия.

Христиане теперь были вне закона. Результат не заставил себя ждать. От Гибралтара до Персии страну захлестнула волна бесчинств, издевательств над христианами. Рушили их церкви, жгли священные книги,

расхищали имущество.

Христиан подвергали жестоким и изощренным пыткам. Лактанций пишет: «Если бы у меня были сотни уст и железная грудь, то и тогда я не мог бы исчислить всех родов мучений, претерпенных верующими».

Многих изувеченных лечили, чтобы снова мучить и пытаться без различия возраста и пола. «Я сам был очевидцем этого, — пишет Евсевий. — Так что железо притуплялось и ломалось, а сами убийцы, утомившись, поочередно сменяли друг друга».

*

Согласно эдикту Диоклетиана христиане принуждались к жертвоприношениям. И тех из них, кто приносил жертвы римским богам, отпускали на свободу. Император заставил принести жертвы всех своих приближенных, и в первую очередь — жену свою Приску и дочь Валерию.

Людей, отказавшихся осквернять себя жертвоприношениями, без разбора пола и возраста насильно тащили на сожжение, причем их было такое множество, что предавали огню их не поодиночке, но «сбитыми в стадо». Прислугу, привязав каждому камень на шею, сбрасывали в море.

И солдаты Константина, и он сам были вынуждены принимать участие в постыдной кампании: разорять церкви, разгонять молящихся, арестовывать их.

Сегодня никто не скажет, много ли было тогда, во времена Константина, истинно верующих христиан. Но в любом случае тех, кто за свою веру был готов сгореть на костре, тогда было значительно больше, чем сегодня, семнадцать веков спустя.

*

Однажды в Никомидии был схвачен старый священник Георгий, который осмелился сорвать со стены антихристианский эдикт императора Диоклетиана. Он был жестоко избит и в тот же день осужден на казнь — сожжение на костре. Приговор вынес сам Галерий, он же потребовал от священника публично отречься от своей веры. Но тот отказался. Горожане быстро собрали хворост вокруг столба, палач привязал к нему несчастного.

И тут Галерий приказал Константину взять факел и зажечь костер. Он был уверен, что Константин отступится. А Галерию только того и надо

было. С тем, кто не рвется исполнять императорский эдикт, можно особо не церемониться.

Что оставалось делать Константину? Он был в первую очередь солдат. Он взял в руки факел. Но запалил костер сразу со всех сторон так, чтобы в едком дыму казнимый поскорее задохнулся и не сильно мучился. Когда огонь коснулся одежды священника, он уже потерял сознание. Толпа разочарованно загудела...

Эта казнь совпала по времени еще с одной трагедией, случившейся в Никомидии, — мученической смертью человека, который по иронии судьбы носил то же имя, что и священник, сожженный Константином. Речь о Георгии, ставшем после своей гибели самым, пожалуй, почитаемым в мире святым, известным больше под именем Георгий Победоносец.

*

Будущий святой родился в том же году, что и Константин, в Каппадокии, одной из восточных провинций Империи. Обстоятельства обращения Георгия в христианство неизвестны. В молодом возрасте он стал солдатом, причем прекрасным солдатом. В армии императора Диоклетиана он достиг не по годам высокого чина. А потом неожиданно для всех стал активно проповедовать христианство.

Георгий был арестован, отвезен в Никомидию и здесь подвергнут пыткам. От него требовали отречения от его веры.

Сохранились свидетельства о том, что в первый день Георгия мучили железными когтями — драли ими грудь и спину.

На второй день его колесовали и пытали расплавленным оловом.

На третий — положили на грудь огромный камень. Полуживого Георгия посадили на раскаленного железного вола.

Весь четвертый день его били плетью, привязав к столбу.

На пятый день он был казнен. Ему отсекали голову. Это случилось 23 апреля 303 года — ныне день памяти великомученика (по новому стилю 6 мая).

*

Небольшой экскурс в будущее. Всего век спустя святой Георгий станет духовным покровителем византийских императоров. Его

изображение украсит стену Большого дворца в Константинополе. Его образ позже будут чеканить на своих монетах императоры Комнины и Палеологи.

Примеру византийских царей последуют русские князья, которые с особой страстью будут почитать имя Георгия. Ярослав Мудрый примет его имя при крещении. В честь святого будет построен целый город — Юрьев (Георгия на русский манер звали Юрием или Егором).

Храмы в честь святого Георгия появятся во многих русских землях: в Киеве, во Владимире, Новгороде, Каневе...

Георгий станет для верующих самым могущественным из святых. К нему будут обращаться с просьбами об излечении и об урожае, о помощи в войнах и об ограждении от козней дьявола... Постепенно его имя обрстет легендами, ставшими столь же популярными, как библейские. Одна из них — сказание о победе Георгия над чудовищным драконом. Этот сюжет станет любимой темой древнерусского искусства.

В XV веке святой Георгий Победоносец займет центральное место на государственном гербе России, а в 1710 году станет гербом Москвы.

*

Но вернемся к нашему герою. Константин не участвовал в пытках и казни святого Георгия. Однако жуткая расправа над ним произвела на Константина очень сильное впечатление и на долгие годы осталась в его памяти.

В конце концов, став уже императором, Константин учредит первый в истории орден и назовет его Георгиевским. Это будет уже в 330 году в Константинополе.

Но в честь какого из двух Георгиев учрежден самый древний орден планеты, до сих пор остается неизвестным. Восемь веков спустя византийский император Алексей Комнин переименует этот орден в честь самого Константина.

*

Он продолжал служить у Диоклетиана в Никомидии. Но эти две мученические смерти, как он потом признается своему биографу Евсевию, сильно изменили его жизнь. Он стал часто размышлять о вере, о Боге.

Две эти смерти заставили Константина всерьез задуматься о сути христианства. Он не мог понять одержимости тех, кто во имя своего Бога безоглядно выбирал смерть.

Это происходило несмотря на то, что многие христианские священники негласно призывали верующих создать видимость отречения и признания римских богов. Они уверяли, что эта очередная кампания гонений, как и прежние, скоро затухнет. Однако люди не хотели позорить свою веру и шли на мучения, на смерть.

Константину это казалось чрезмерной жертвой. Он был практичным человеком. Выше земной жизни он не знал ничего.

Когда его отношения с императором стали более доверительными, Константин решился однажды спросить его:

— Чем так прогневали вас христиане, доминус?

— Да тем, что эта нечестивая вера рушит устои моей Империи, — ответил Диоклетиан гневно. — Наша древняя вера воспитывает героев, а их вера кого? Рабов. Рабов божьих! Ты посмотри, из кого состоят их общины? Это нищие, необразованные люди. Они не хотят знать ничего, кроме своей Библии. Их религия — это поклонение мертвецу.

— Но почему такое множество людей следует за этим мертвецом? Почему они готовы пожертвовать жизнью за свою ложную веру? — спросил Константин.

— Потому что неучей так легко обмануть. И они слепо верят, что этот их мертвец дарует им вечную жизнь после смерти, если они будут ему молиться.

— Ну и пусть молятся.

— Они поклоняются ему, но не хотят подчиняться мне и нашим законам. Они рабы и смутьяны одновременно. Как я могу править таким народом? — с гневом ответил Диоклетиан.

*

Да, христиане были явными врагами векового имперского порядка. Вот где кроются причины патологической жестокости к ним Рима.

На чем стояло тогда римское общество? На подчинении личного начала общему. Главное — это успех и процветание государства. Идеалом гражданина был человек бескорыстного служения родине, готовый отдать жизнь для ее блага. Только опираясь на такой патриотизм, можно было

управлять страной, раскинувшейся от Гибралтара до Армении.

В ней всем сословиям была указана своя государственная ниша, каждый призван был нести службу. От каждого ожидалось выполнение тех или иных общественных задач.

И вдруг появляется совсем другая идея: главное — это личное спасение. Спасение своей души. Цель жизни — соединение с Богом. И в сравнении с этим благоденствие государства мало что значит. Идея нашла отклик во многих умах и сердцах. Идеалом человека стал созерцатель, погруженный в личные духовные искания. У людей появлялось презрение к окружающей жизни. Она была для них всего лишь временным испытанием перед жизнью истинной и вечной.

И полные сил молодые люди обоего пола избирали уединенную жизнь, избегали важнейших общественных мероприятий. Ладно бы они только не приносили жертвы и не воскуряли фимиам перед статуей императора, это еще можно было бы простить. Но они уклонялись от государственной и, главное, от военной службы: «*Non possum militare quia christianus sum*» («Не могу носить оружия, потому что я христианин»).

Разлад вносили христиане и в семейную жизнь, давая обет безбрачия. «Кто хочет за мной идти, тот должен покинуть отца и мать и все, что ему дорого», — говорил их Учитель. И люди следовали Его заветам. И за свою веру были готовы сгореть на костре.

*

Константин долго стремился найти ответ на вопрос, который его мучил: откуда христиане черпают силы для такого беззаветного служения, в чем состоит такая притягательность их Бога? Он пока не знал ответа...

В своих духовных исканиях Константин не был оригинален, подобными вопросами задавались многие и до, и после него. Языческое мировоззрение уступало свои позиции новой религии очень трудно — в течение нескольких столетий. К перерождению древнего мира с его многобожием подталкивали смелые философы и писатели, готовя умы к восприятию новой веры.

Еще в V веке до н. э. Аристофан в комедии «Облака» высмеивает всемогущество языческих богов. Его герой на замечание, что в руках Зевса есть молния, которая поражает клятвопреступников, говорит: «Дурак! Ты повторяешь бабьи сказки. Если Зевс поражает молнией клятвопреступников, то почему он не попал Симона и Феора — ведь это

самые злые клятвопреступники. Вместо того он поражает собственные храмы, и шпиц Афиней Сунийской, и высочайшие дубы. Что они ему сделали?»»

Напомним, это сказано за пять веков до Рождества Христова. И основные постулаты платоновского учения — идея единого и всесовершенного Бога, бессмертие души человеческой, посмертное воздаяние за совершенные при жизни зло и добро — заключали в себе выводы, несовместимые со старой верой. У нее уже не хватало энергии для вдохновения людских сердец.

Пустеющий Олимп все меньше и меньше приносил людям душевного успокоения и отрады. Остается лишь удивляться, что в греко-римском обществе вера в языческих богов продержалась так долго. Но оставаться вообще без религии человечество не могло. Место дряхлеющего культа должна была занять новая вера.

В этом тяжком и драматичном поиске Новой Идеи мира в конце концов именно Константин сыграл очень важную роль. Он придал невиданное ускорение той гигантской нравственной работе, что была начата за много веков до него.

Но вот парадокс! Или насмешка Судьбы? Константин не доживет до падения Римской империи. А когда это случится, в V веке, приверженцы старых богов, естественно, виновниками катастрофы назовут христиан и тех правителей, которые позволили Риму отказаться от старых богов. Значит, в первую очередь, виновником великого крушения назовут Константина.

А ведь он, будучи императором, возлагал на христианство прямо противоположные надежды...

Как видим, отношения Константина и христианства весьма сложны и запутаны. И до сих пор многое в них остается неясным.

*

Между тем на западе Империи отец Константина, Констанций Хлор, по-доброму расположенный к христианству, только делал вид, что выполняет эдикт Диоклетиана. Христиане могли здесь свободно собираться для молитв в домах, переписывать и распространять Евангелие.

Констанцию Хлору было не до того. Он активно занимался укреплением западных границ и сумел создать самую крупную и лучшую

по выучке армию во всей Империи.

Проводил Констанций Хлор и политику заселения пустующих земель Империи варварскими племенами. Это было весьма важным делом в условиях постоянной убыли собственного населения. В хрониках того времени читаем:

«Две трети земли лежат без обработки по недостатку рабочих рук... Всю Грецию постигло неплодие и вообще скудость населения, вследствие чего и города запустили, и произошли неурожай, хотя не было у нас ни продолжительных войн, ни заразительных болезней... Когда люди утратили простоту и сделались любостыжательными и перестали вступать в брак, а если вступали, то с тем, чтобы не иметь больше одного или, в крайнем случае, двух детей, чтобы оставить им значительные богатства и воспитать их в роскоши, — вот при каких условиях постепенно усилилось бедствие».

Констанций Хлор заселил пустующие земли десятками тысяч готов и бастарнов. Сын продолжит стратегию отца. Константину историки приписывают поселение в Империи 300 тысяч сарматов. Столь обильное пополнение восточных провинций новыми народами влило новую кровь в тело Империи и стало в конце концов одной из причин того, что восточная ее часть, Византия, надолго пережила западную — Римскую империю.

*

Вернемся к Диоклетиану. Историки причисляют его к когорте солдатских императоров — вышедших из солдат и оставшихся солдатами. При Диоклетиане армия в Империи занимала ключевое положение. За время его правления численность армии была удвоена. Было построено огромное количество военных крепостей, особенно на границах, усилены гарнизоны. Но при этом и гражданские реформы Диоклетиана достигали такой плотности и охвата, что фактически при нем была проведена полная реорганизация общества и государства. Только в области права известны около 1200 его указов.

Жажду реформаторской деятельности от Диоклетиана перенял и Константин.

Однако далеко не все попытки преобразований солдатского императора были успешными. Так, два его эдикта 301 года историки оценивают как «акт отчаяния и правительственной глупости». Первый из этих указов устанавливал максимальные цены на все товары. В его

преамбуле говорилось:

«Существуют люди, чья цель — противодействовать общему благосостоянию... лишь бы добиться лихоимских и разорительных доходов... Жадность свирепствует по всему свету... Всякий раз, когда нашим армиям приходится выступать на защиту общей безопасности, спекулянты вздувают цены не в четыре и не в восемь раз, но настолько, что это не поддается описанию. Иногда солдат истрачивает все свое жалованье и всю премию на одну-единственную покупку. Так что контрибуции со всего мира, направляемые на содержание армии, становятся добычей омерзительных воров».

Второй эдикт Диоклетиана устанавливал неизменные ставки заработной платы. Нарушителям грозило публичное бичевание. Два этих указа стали самым знаменитым в истории примером неудачной попытки заменить экономические законы государственными декретами. Эти указы превратили народ в нацию нарушителей закона. Торговцы прятали свой товар, ожидая его нехватки на рынке, и потом из-под полы продавали его втридорога. Деньги быстро обесценивались, и люди отказывались выполнять работу за прежнее жалованье. Что оставалось делать работодателям? Платить вторую зарплату, скрытую. Публично сечь надо было бы всех поголовно. Время от времени то там, то здесь вспыхивали мятежи. Так продолжалось несколько лет, пока Диоклетиан не понял, что это не лучшие его указы. Он сделал вид, что забыл о них. Вскоре о них забыли и все остальные — все, кроме историков. Но официально оба эдикта были отменены только Константином.

Однако «социализм» Диоклетиана дорого обошелся Империи. Бюрократический аппарат, потребный для исполнения столь жестких эдиктов, вырос многократно. Лактанций пишет, что армия чиновников составила половину всего населения. Но и после отмены указов класс чиновников никто не сокращал. Ради их содержания, ради содержания армии, царского двора налоги взмыли до небывалых высот. Неудивительно, что бегство от налогов при Диоклетиане превратилось в эпидемию. Богатые прятали золото, ремесленники закрывали свои мастерские, собственники земли бросали ее и становились наемными работниками.

По приказу Диоклетиана была создана специальная налоговая полиция, ей было дозволено применять пытки к женщинам, детям и рабам, чтобы заставить их открыть места, где спрятаны богатства или заработки семьи. И тогда началось массовое бегство за пределы Империи. Тысячи людей искали спасение и убежище у своих извечных врагов — варваров.

К началу правления Диоклетиана в Империи было пятьдесят провинций, к окончанию его правления — более ста. По всей Империи было создано двенадцать округов (диоцезов), они управлялись викариями и наместниками, каждый из них возглавлял целый штаб чиновников числом не менее трехсот. Прежние территории так же были разделены. Например, Галлия была разбита на пятнадцать новых провинций, Фракия — на четыре, Египет — на три...

Не правда ли, и здесь есть некая аналогия с русской историей: Екатерина Великая в 1775 году издала высочайшее «Учреждение для управления губерниями России». Этот указ словно переписан с «провинциальной реформы» Диоклетиана. При Петре Великом в России было пять губерний, царица сделала пятьдесят. Количество чиновников возросло десятикратно. Но стало ли больше порядка в управлении державой?

«Провинциальная реформа» Диоклетиана была продолжена и завершена во времена правления Константина. При нем в провинциях появилась еще и самостоятельная военная власть, отобравшая часть прав и привилегий у наместников гражданских.

*

Тетрархию Диоклетиана в целом историки оценивают весьма неоднозначно. Одни возносят его реформы до небес, другие смешивают с грязью, как это сделал историк Лактанций. В его трактате «О смертях преследователей» читаем:

«Диоклетиан разделил Империю и увеличил войско, потому что каждому из четырех правителей требовалось больше солдат, чем раньше всей Империи. Число берущих начало превышать число дающих настолько, что силы сельских колонов истощились чрезмерностью налогов, и они покидали свои поля, и пашни превращались в леса...

И чтобы никого не покидал страх, провинции были рассечены на куски. Бесчисленные прежние наместники и чиновники... были умножены новыми...

Теперь еще больше начальства было навязано каждой области и каждому городу, к ним добавились налоговые чиновники, начальники учреждений и представители имперской администрации... Число тех, кто собирал налоги, достигло размеров прежде невиданных... На судебных заседаниях чаще и чаще выносились обвинительные приговоры,

присуждали к изгнанию и к сдаче бесчисленных вещей, и при этих сдачах дело доходило до невыносимых актов насилия... И не всякий мог выдержать, глядя на приходящих к нему в дом солдат.

В своем ненасытном корыстолюбии Диоклетиан ни за что не желал уменьшить государственную казну и бесконечно взыскивал чрезвычайные подати и «подарки», чтобы держать в полной сохранности то, что он накопил...

К тому же воспламенилась в нем безграничная страсть к строительству, ложившаяся немалой тяжестью на провинции, так как с них он требовал всех рабочих, ремесленников и телеги — все то, что нужно для возведения зданий. Здесь строились базилики, там был воздвигнут цирк, здесь монетный двор, там дворец для жены, здесь дом для дочери... А когда эти здания построены за счет разорения провинций, то Диоклетиан заявляет, что они построены не так и пусть будут построены иначе. И все рушилось и изменялось... Так он безумствовал постоянно, особенно когда вознамерился сравнять Никомидию с Римом».

Поправим пристрастного историка: не только вознамерился, но и добился своего. В эпоху Диоклетиана страна управлялась из Никомидии. А Рим и римский сенат безнадежно утратили свои древнейшие функции.

Более того, именно Диоклетиан был первым могильщиком Римской империи. У ее гибели много причин. Но, пожалуй, одна из главных состоит в том, что великий Рим усилиями Диоклетиана был отправлен на задворки политической жизни страны.

Забегая на треть века вперед, скажем, что его преемник, Константин, сумел совершить прямо противоположное. Основав на берегу Босфора новую столицу Империи, он тем самым на тысячу лет продлил жизнь одной из ее частей, названной позже Византией.

Константин вступал в дом, построенный Диоклетианом. И подводя итог его строительства, не станем забывать, что современники Диоклетиана прозвали его «отцом Золотого века». При нем Римское государство, окруженное со всех сторон лютыми врагами, действовало так, как и должно было действовать в условиях бесконечного военного положения. Оно согласилось на диктатуру сильного вождя. Оно обложило население непосильными налогами. Оно установило крепостное право на полях и на фабриках, и ради коллективной свободы отказалось от свободы индивидуальной.

Только такие жесткие меры позволили положить конец полувековой анархии, царившей в стране до Диоклетиана. Перед его восхождением на

трон Империя находилась в глубоком кризисе. Греция, Македония и Фракия были опустошены варварами. В Галлии царили хаос и уныние, ибо разграблению подверглись более шестидесяти ее городов. Египет переживал упадок, вызванный персидскими завоеваниями. Империя стояла на грани полной варваризации.

Двадцать лет диктатуры Диоклетиана в корне изменили картину. На целое поколение враги Рима забыли и думать об агрессии.

Вполне возможно, что для той ситуации, в которой жил Рим на рубеже III и IV веков, не могло быть политики более мудрой, чем абсолютная монархия Диоклетиана. Во всяком случае, его предшественники, императоры Марк Аврелий и Александр Север, которые попытались проводить либеральную политику, потерпели крах.

*

Между тем Диоклетиан серьезно заболел. Помня о своем обещании править не более двадцати лет, он решил отречься и поделить власть в Римской империи между двумя августами: на востоке правит Галерий, на западе — Констанций Хлор.

Однако Галерий строил серьезные планы единоличного захвата власти. Он сколотил свою клику из крупных военачальников и каждому пообещал высокие должности в случае своего прихода к власти. Титул одного из цезарей был обещан племяннику Галерия.

По поводу приближающегося двадцатилетия своего царствования в ноябре 304 года Диоклетиан объявил всеобщую амнистию. Касалась она и христиан, но довольно своеобразно: выпускать на свободу предписывалось только тех, кто публично отрекался от своей веры и приносил жертвы языческим богам. А тех, кто упорствовал, надлежало пытать.

За два года диоклетиановских гонений были казнены и замучены десятки тысяч христиан. Максимиан, соправитель Диоклетиана, свой день рождения отпраздновал тем, что отдал христианина Агапия в цирк, диким зверям на съедение.

Но еще худшие, более жестокие времена настали, когда Диоклетиана на троне сменил Галерий. Его правление по числу мучеников на востоке Империи представляется самым кровавым периодом христианских гонений. И лишь терпимость Констанция Хлора на западе значительно смягчала общую картину дикой жестокости.

Читаем у Лактанция о зверствах, чинимых Галерием:

«Против христиан он принял законы, по которым они, признанные виновными, после различных истязаний подвергались еще пыткам тлеющими углями... Несчастные были привязаны к столбам, под ними весьма долго поддерживали слабый огонь до тех пор, пока кожа, окончательно сморщенная жаром, сама не отделялась от костей... После этого к отдельным частям тела подносили факелы... а лица страдающих между тем обливали водой, чтобы не пересыхало горло, отчего тут же к ним возвращалось сознание... Любой в конце концов лишался сил... когда сила огня достигала нутра...»

*

1 мая 305 года произошло событие весьма редкое в истории всех времен и народов — отречение двух императоров от власти.

В своем эдикте по этому поводу Диоклетиан подчеркнул: главной причиной ухода он считает, что «управление государством требует молодых сил».

Воинственно настроенный Лактанций пытается доказать: оставить трон императоров вынудил Галерий. Историк говорит о том, что Галерий неоднократно пугал обоих великими гражданскими потрясениями, если они не сдержат своего обещания уйти после двадцати лет правления.

Правда, другие историки пишут о добровольном уходе Диоклетиана, например, Аврелий Виктор: «Диоклетиан отпраздновал 20-летие своей власти и, будучи в добром здоровье, сам сложил с себя заботу об управлении государством».

А вот в отношении ухода его соправителя, Максимиана, мнения летописцев схожи: отречься тот не хотел, не один раз уговаривал Диоклетиана остаться императором и его, Максимиана, оставить на троне. И все-таки старший август, хоть и с трудом, но уговорил отца Фаусты отречься вместе с ним.

*

Накануне этого исторического события в жизни Империи между августом Диоклетианом и цезарем Галерием состоялся тайный разговор. Лактанций так пересказывает его.

Вопрос о двух новых августях не возникал. Ими должны были стать Констанций Хлор (отец Константина) и Галерий. Спор начался об их будущих преемниках, новых цезарях.

Галерий изрек:

— Надо назвать цезарями таких людей, которые находились бы в полной моей власти, боялись бы меня и не делали ничего, что мной не велено.

— Так кого же мы назначим? — спросил Диоклетиан.

— Флавия Севера.

— Этого танцора, кутилу и пьяницу, обратившего ночь в день, а день в ночь?!

— Он достоин быть цезарем, потому что доказал свою верность воинам, и я уже отправил его к августу Максимиану, чтобы тот облек его в пурпур и дал регалии.

Это был сильный ход Галерия.

— Пусть будет так, — согласился Диоклетиан, не желавший никаких конфликтов со своим соправителем, августом Максимианом. — Кого ты предлагаешь второго?

— Этого, — сказал Галерий и показал пальцем на стоявшего неподалеку Дазу, молодого полуварвара, которому он недавно приказал добавить к своему имени что-то более звучное. И тот взял одно из имен самого Галерия: Максимин.

— Кто он, на которого ты указываешь? — спросил Диоклетиан.

— Мой родственник. (Даза был племянником Галерия. В другом месте Лактанций так говорит о Дазе: он, бывший пастух, возвышенный сначала в щитоносцы, затем в телохранители... а на другой день и в цезари, после зверей и лесных дебрей получил в поправление и изнурение Восток, и, разумеется, он — уже не воловий, а солдатский пастух — не знал толк ни в военных, ни в государственных делах.)

— Да, — вздохнул Диоклетиан, — не таких ты мне предлагаешь людей, нельзя им поручить попечение о государстве.

— Я проверил их, — самоуверенно отвечал Галерий. Что он имел в виду, не ясно. Диоклетиан, который уже твердо решил поскорее отойти от дел, спорить не стал. Но напоследок сказал:

— Ты еще увидишь, кому передаешь кормило Империи. Но теперь за все отвечаешь ты. Я достаточно потрудился и постоянно, пока правил, заботился, чтобы государство пребывало в благоденствии. Если же что-то случится плохое, в том уже не будет моей вины.

Церемония отречения состоялась в пригороде Никомидии. В трех милях от города имелось высокое место, на котором Диоклетиан сам двадцать лет назад принял порфиру августа. С тех пор там стояла устремленная ввысь колонна с изображением Юпитера.

На церемонию со всей страны прибыли высшие чиновники: консулы, префекты, магистраты. Пышное зрелище пришли посмотреть тысячи горожан.

Императорский трон был поставлен на большой платформе на самой вершине холма. Когда к трону прошел Константин с полудюжиной отборных гвардейцев, толпа разразилась ликованием, в Никомидии он пользовался популярностью. На платформе пониже восседал Галерий, облаченный в пурпур цезаря, и особо приближенные военачальники.

Церемония началась с жертвоприношения быка. Затем Диоклетиан, одетый в роскошную мантию и с жемчужной диадемой на голове, занял свое главенствующее место. Со слезами на глазах, как пишет историк, император обратился к собравшимся и сказал, что он уже слаб для такого трудного дела и ему нужен отдых. Глашатай зачитал указ об отречении. Он заканчивался провозглашением двух новых августов Империи: Галерия и Констанция Хлора.

На первое из этих имен толпа отреагировала улюлюканьем. На второе — взрывом восторга. Сердце Константина переполняла гордость за отца, но он не мог не заметить хмурого лица Галерия, для которого восшествие на престол омрачала ревность к сопернику, пользующемуся такой любовью армии и народа.

Пришло время Диоклетиану провозгласить двух младших соправителей Империи — цезарей. Все ждали имя всеобщего любимца Константина. Но император неожиданно назвал имена Севера и Дазы.

Читаем у историка: «Все оцепенели. Константин во всей красе был подле, на трибунале, и все в недоумении шептались между собой: неужели изменено имя Константину — как вдруг Галерий, на глазах у всех оттолкнув Константина, вывел из-за спины своего племянника Дайю (так историк называет Дазу. — С. В.), и поставил его в центре...»

Диоклетиан довольно равнодушно набросил на плечи Дазы собственную порфиру, сняв ее с себя. Затем бывший властелин сел на простую галльскую повозку и удалился. Он вновь стал Диоклом.

Борьба за трон императора, по сути, только начиналась. Была провозглашена новая тетрархия во главе со старшим августом Галерием. Его соправителями стали: август Запада — Констанций Хлор, цезарь Востока — Максимин Даза, цезарь Запада — Флавий Север.

Галерий, получив титул старшего августа, вскоре стал считать себя полным властелином Империи. Он весьма пренебрежительно относился к своему соправителю Констанцию Хлору. Как пишет Лактанций, ни во что его не ставил, оттого что и характером тот мягок и болезнью обременен и вот-вот умрет или вынужден будет отречься от власти.

Кстати, предчувствия Галерия оказались верными. Отец Константина был августом всего лишь немногим более года.

*

Итак, в верховной четверке места Константину не нашлось. Его обошли. Для молодого честолюбивого человека это было сильным унижением. Очень скоро верховная власть Империи испытает на себе суровую справедливость мысли одного римского историка, который сказал: «Сыновей августов и цезарей надо либо выдвигать, либо казнить».

С Константином не сделали ни того, ни другого. Он по-прежнему оставался главным охранником Диоклетиана, который, отправившись на покой, с небывалым энтузиазмом взялся разводить в своем огороде капусту.

Отречение Диоклетиана, следует заметить, вызвало в стране всеобщее восхищение. Много веков спустя великий Вольтер писал в своем «Философском словаре» о Диоклетиане:

«Он сказал, что начал жить в день своего отречения, и когда его просили вернуться на трон, он ответил, что трон не стоит покоя его жизни и что ему больше радости доставляет ухаживать за садом, чем управлять всем миром».

Диоклетиан-Диокл в роли провинциального садовника прожил еще добрый десяток лет и оставил этот замысловатый мир на шестьдесят девятом году жизни. Как утверждает историк Аврелий Виктор, бывший властитель умер не своей смертью, а «покончил жизнь добровольно из чувства страха». Эта довольно странная история случилась в 313 году, когда Диоклетиан получил от августов-соправителей Константина и Лициния приглашение на свадебный пир и ответил отказом, сославшись на

старость и недостаток сил. И тогда вскоре он получил письмо с угрозами и обвинениями в том, что он в свое время благоволил к врагам нынешних августов — Максенцию и Дазе. Решив, что ему готовят позорную насильственную смерть, Диоклетиан принял яд. Так рассказывает Аврелий Виктор.

Лактанций же уверяет, что сей финал жизни — это наказание Диоклетиану за его гонения на христиан.

Во время раскопок в немецком городе Аугсбурге была найдена металлическая табличка, датированная 290 годом. Надпись на ней посвящена человеку, живьем изжарившему на кострах тысячи своих сограждан:

«Проницательнейшему принцепсу, правителю мира и господину, установившему вечный мир, Диоклетиану Благочестивейшему, Счастливому, Непобедимому Августу, великому понтифику, Германскому Величайшему, Персидскому Величайшему, наделенному властью народного трибуна в седьмой раз, консулу в четвертый раз, отцу отечества — наместник провинции Реции, преданный его воле и величию, дал и посвятил».

(Каков, однако, стиль! Это искусство мне кажется совершенно недостижимым.)

Но вернемся к нашему главному герою. Начавшийся 306 год открывал новый, переломный этап в жизни Константина.

Глава 8

БРИТАНИЯ

Тем временем на западе Империи вспыхнуло очередное восстание. На сей раз против власти Рима взбунтовались племена пиктов, обитавших в Северной Британии. Констанций Хлор, давно мечтавший воевать бок о бок с сыном, послал письмо Галерию с просьбой отпустить сына к нему в помощь для подавления восстания. Галерий, как ни странно, легко согласился.

Константин ликовал, сбывалось наконец-то его заветное желание — быть полководцем.

В ночь перед отъездом его разбудил военачальник Галерия, Лициний, и шепотом сообщил:

— По дороге, на одном из альпийских перевалов, тебя попытаются убить. Галерий дал команду устроить там засаду.

— А почему ты открываешь мне эту тайну?

— Я воевал вместе с твоим отцом, — ответил Лициний, — и уважаю его.

Пропуск, выданный Галерием, позволял Константину получать на маршруте императорской почты еду, жилье и свежих лошадей. На этом пути его и ждали наемные убийцы.

Сначала Константин ехал почтовым маршрутом. Это была ухоженная дорога, каждая миля ее была отмечена каменной колонной на квадратном постаменте — с указанием имени и года начала правления того императора, при ком этот знак был установлен.

Выезжая из Адрианополя, Константин громко заявил, что едет на северо-запад, к Дунаю, а сам поехал на юго-запад, в сторону Неаполя. Это позволило ему избежать верной смерти. Есть версия, согласно которой Константин, спасаясь от погони, перерезал сухожилия на ногах лошадей службы императорской почты и тем самым не оставил никаких шансов своим преследователям. Что ж, его можно понять: он так много лет жаждал освободиться от роли политического заложника. Эта мечта наконец осуществилась.

В Неаполе Константина ждала радостная встреча с возлюбленной. Фауста расцвела, из подростка превратившись в зрелую красавицу. Но по-прежнему она была для него недоступной. Он звал ее в жены, а она, как и прежде, твердила, что выйдет замуж только за цезаря. Никак не меньше.

— А ты, между прочим, мог бы уже стать августом Востока, — сказала Фауста.

— Каким это образом? — удивился Константин.

— После отречения Диоклетиана тебе никто не мешал обратиться к солдатам от имени твоего отца, и они провозгласили бы тебя августом. В армии не любят Галерия после его поражения в Персии. А твоего отца в армии обожают. Да и тебя теперь тоже, после твоих побед на востоке.

— Но Галерия августом сделал сам Диоклетиан. Твоя идея обернулась бы войной.

— Войны все равно не избежать, — уверенно ответила Фауста. — Мой отец спит и видит себя снова на троне. И он уже при всех поклялся вернуть его себе. Мой брат Максенций, как и ты, оказался обделенным, а он давно мечтает о пурпурной мантии. Нет, они не успокоятся, пока не добьются своего.

— Даже если для этого придется перевернуть всю Империю вверх дном?

— Конечно, — спокойно отвечала Фауста. — Но только зачем ее переворачивать? Поезжай к своему отцу, становись при нем цезарем. От цезаря Запада только два шага до августа всей Империи...

Фауста не переставала изумлять своего возлюбленного.

*

«Боги призвали тебя!» — так начинается приветственная речь по поводу прибытия Константина в Британию.

Встреча с отцом была для обоих событием. Они долго не разжимали объятия, хотя не были сентиментальны. Констанций Хлор не скрывал слез радости. Но он сильно сдал за последний десяток лет. Сын заметил на его лице глубокие морщины, он осунулся и очень похудел. Император признался сыну, что в последнее время его все чаще мучают приступы лихорадки — следствие военных походов...

Выходя от отца, Константин встретил Эрока, своего товарища по годам военной учебы в Никомидии. Того самого Эрока, с которым по приказу

Галерия ему пришлось скрестить копья и которого он тогда ловким приемом выбил из седла. Теперь Эрок носил титул царя алеманнов, самого сильного племени в Галлии, и посему на его плечах был пурпурный плащ, а его лохматую голову украшала царская диадема. Эрок в то же время командовал у Констанция Хлора всей кавалерией. Старые друзья обнялись и вечер провели в воспоминаниях юности. Отныне судьба соединит их на долгие годы.

От Эрока Константин узнал, с кем ему предстоит воевать. Восставшие против власти Рима пикты были отличными воинами. Огромного роста могучие парни, вооруженные очень тяжелыми мечами. Перед атакой они наряжались в шкуры диких животных и шли в бой с душераздирающими воплями, нагоняя страх на противника.

*

Сначала Константин был назначен командиром одного из легионов, готовящегося к походу в северную Британию против восставших пиктов. Но после заседания военного штаба, где Константин предложил совершенно неожиданный для всех план операции, Констанций Хлор назначил его своим первым заместителем и командующим всей кампании на севере Британии.

План Константина состоял в незаметной для пиктов переброске в их тыл римских солдат и кавалерии. Сделать это он предлагал на легких судах под покровом темноты.

Надвигалась зима. А вместе с ней и штормы, мешавшие этому замыслу. Было решено ускорить начало операции.

Она прошла блестяще. Очень скоро грозный вождь пиктов Бонар был пленен в районе стены Адриана (ныне это Шотландия).

Констанций Хлор распорядился казнить Бонара. Но Константин позволил себе не выполнить это распоряжение отца и августа Запада. Он обращался с Бонаром весьма уважительно, как того заслуживает вождь сильного и смелого народа. Он провез Бонара по югу Британии, показал ему ухоженные сельские хозяйства, рудники, где добывали серебро, расходящееся по всей стране...

И вождь пиктов понял, что ему хотел наглядно доказать Константин, а именно: его маленькому народу выгоднее дружить с Римом, чем воевать с ним. Тут же, недалеко от Лондиния, был подписан мирный договор,

согласно которому Бонар становился правителем самой северной провинции Римской империи.

Константин отправился вместе с ним на север острова и представил в новом ранге Бонара его собственному народу. Эта поездка для Константина была двойным триумфом — он проявил себя смелым военачальником и мудрым дипломатом.

Но насладиться ролью победителя Константин не успел. За стеной Адриана его ждало срочное письмо, в котором сообщалось о серьезной болезни отца. Час спустя Константин уже мчался верхом на юг в сопровождении маленького отряда телохранителей. В Лондини он застал отца на смертном одре.

Константин удивился, заметив у постели умирающего императора христианского священника. Он знал, что отец сочувствует христианам, но, как он думал, не настолько, чтобы звать их священника в такую минуту.

Последними словами императора, обращенными к сыну, были:

— Я умираю счастливым, оставляя дела в таких надежных руках, как твои. Только бойся Галерия, он не захочет делить ни с кем корону... Жаль, что я так давно не видел Елену...

*

Указ о назначении Константина преемником августа Запада был приготовлен заранее. Поставив на нем подпись, император Констанций Хлор испустил дух. Константин обратился к священнику, бывшему при отце все эти дни:

— Помолитесь за него своему богу. И скажите, сколько за это я вам должен.

— Никто не примет платы за такую молитву. Твой отец, хоть и не был христианином, но обращался с нами очень по-доброму. Надеюсь, сын продолжит политику отца...

— Вашим людям не будет от меня никакого вреда, — ответил Константин, и это обещание у постели только что почившего отца прозвучало как клятва.

Кремация августа Запада Констанция Хлора проходила при небывалом стечении народа. Погребальный костер был сложен на высокой платформе, украшенной императорским знаменем. Со всех сторон ее окружали высшие армейские чины.

Факел к сухим дровам поднес сам Константин и тем самым отдал последний долг своему великому отцу.

Затем он обратился к народу:

— От имени всей нашей семьи я благодарю вас за последнюю почесть, которую вы воздали моему отцу. Он любил эту землю и своим правлением всегда стремился нести ей покой и благополучие. Я уверен, что наш император умер счастливым, зная, что война на севере окончена и по всей стране снова воцарился мир.

Когда отзвучали прощальные речи официальных панегиристов, из армейских рядов вышел Эрок. Он снял с себя пурпурный плащ, подошел к Константину и, высоко подняв его руку, громко крикнул:

— Да здравствует август Константин!

Эти слова были подхвачены солдатами и многократно усиленные сотнями глоток разнеслись над толпой.

Эрок набросил свой плащ на плечи Константина. Затем встал перед ним на колени и возложил его ладонь на свой лоб — традиционный символ вассальной верности.

— Да здравствует Константин, август и император! — отозвались громовым раскатом тысячи солдат. В ответ, в знак согласия, Константин поднял вверх обе руки.

*

25 июля 306 года самая сильная в Империи армия провозгласила его августом. Императору было 34 года.

Начинался долгий восемнадцатилетний путь Константина к единоличной власти. Этот путь не был усеян розами. Константину пришлось выбираться из-под развалин тетрархии, построенной Диоклетианом. И надо признать, что в борьбе за абсолютную власть он порою весьма жестоко расправлялся со своими бывшими союзниками.

В то же время он умел подолгу терпеть в ожидании подходящего момента для решающего хода.

Судьбу своей семьи он подчинил судьбе верховной власти в Империи. И поплатился трагедией в своей семейной жизни.

Глава 9

ГАЛЛИЯ

Константин написал Галерию письмо, в котором признавал себя недостойным короны императора и просил у старшего августа одобрить действия армии лишь частично, то есть утвердить его в ранге цезаря.

Письмо Константина оказалось для Галерия просто подарком, ведь, опасаясь мощи западной армии, старший август Востока вряд ли бы решился пойти против воли ее солдат. А тут — великодушная просьба самого Константина. Как бы идя ему навстречу, Галерий утвердил его цезарем Британии, Галлии и Испании. Августом же этих территорий он назначил цезаря Севера.

В то же время шпионы донесли Константину, что Галерий ездил в Салоны, во дворец Диоклетиана, и просил его «поставить на место этого выскочку Константина». Диоклетиан никак, не отреагировал на слова разгневанного зятя, он как будто не услышал их.

Вскоре побывал в Салонах и отец Фаусты, Максимиан. Он упрашивал Диоклетиана вернуться вместе с ним к верховной власти, «пока эти мальчишки не развалили Империю». Но на это предложение бывший правитель ответил, что разведение капусты и цветов в своем саду он теперь не променяет ни на какое занятие в мире.

*

Врагов у Константина сразу прибавилось. Среди них оказался брат Фаусты и зять императора Галерия — Максенций. О нем историк Лактанций отзывался весьма нелестно: «Человек скверного и дурного характера, настолько надменный и строптивый, что не чтит ни отца, ни тестя. А потому ненавистен он был обоим».

Неприятнь Галерия к своему зятю отмечают многие историки. И она легко объяснима: Максенций, женатый на дочери Галерия Максимилле, жил на своей вилле неподалеку от Рима и там, нисколько не стесняясь жены, предавался кутежам с участием женщин легкого поведения. Об этом знали не только в Риме, но и в восточных провинциях, где правил Галерий.

Забияка Максенций не старался скрывать и своего пренебрежения к

новому цезарю Константину и частенько публично грозил ему расправой, как только он, Максенций, станет августом. Об этом Константину поведала Феодора, вторая жена отца.

— Из всех твоих врагов, — сказала она, — больше всех опасайся Максенция. Он самый коварный.

— Но отец перед смертью то же самое сказал мне про Галерия, — ответил Константин.

— Значит, остерегайся обоих. А еще лучше — остерегайся всех...

*

Получив титул цезаря, Константин послал в Неаполь сватов к Фаусте, надеясь теперь-то получить ее согласие на брак. Но Фауста повела себя подобно старухе из сказки о золотой рыбке — она отказывалась от прежнего обещания и пожелала выйти только за августа, верховного правителя.

Нам остается лишь предполагать, что, искренне любя Константина, она таким образом хотела ускорить его восхождение к императорскому трону. И, может быть, потому это восхождение было столь стремительным. Уже через год Константин был официально провозглашен августом.

А пока он обосновался в Треверах, столице Галлии, во дворце отца (Треверы — нынешний немецкий город Трир на реке Мозель). В том же дворце жила его мачеха, Феодора, с шестью детьми, старшему из которых было десять лет, а младшая дочка только училась ходить. Своих сыновей Констанций Хлор и Феодора называли так: Константин, Аннибалиан и Констанций. А три их дочери носили имена Констанция, Анастасия, Евтропия.

Константин сохранил за Феодорой титул августы и передал ей половину состояния отца, обеспечив безбедное существование ей и шестерым ее детям.

*

В первый свой приезд в Треверы Константин был поражен той основательностью, с которой его отец обустроил здесь жизнь. Ровно мощеные улицы, красивые высокие дома, крепкий каменный мост через Мозель, прекрасные трехэтажные бани, величественный императорский

дворец, прекрасный цирк для состязаний на колесницах и прочих спортивных игр. Город окружала мощная стена, превратившая его в труднодоступную крепость.

Константину был как бы преподан наглядный урок в сложной науке завоевания правителем авторитета. Он еще раз понял, что престиж его отца, восторженное к нему отношение большинства людей стояли на прочном фундаменте истинной его заботы о своем народе.

Забегая вперед, скажем, что Константин показал себя достойным сыном своего отца. Наследство было для него больше, чем просто царствование. И в том, как он осуществлял правление, его подданные видели продолжение отцовских принципов. Это выразилось и в умелом строительстве городов, и в мудром заселении опустошенных областей пленными варварами (вместо их убийства), и в развитии системы образования...

Константин с успехом продолжил начатый отцом обычай приглашать в свое войско лучших представителей варварских племен, в первую очередь алеманнов. Это военное сотрудничество позволило избежать многих конфликтов с традиционным врагом Империи. Когда же варвары нарушали границы и начинали грабеж и убийства, Константин проявлял необходимую жесткость, но избегал жестокости.

Очень важной чертой отцовского наследия была его терпимость в вопросах веры. Константин принял и с годами развил ее с блеском. Одним из первых его деяний было строительство в Треверах храма языческого бога Аполлона. Однако первую дочь он назвал христианским именем — Анастасия.

Для Константина, как видим, было естественным соединением того, что для Диоклетиана было несовместимым.

Итак, он унаследовал страну, раздираемую внутренними и внешними противоречиями. Страну, лишенную единой веры. Через три десятка лет он оставит своим наследникам мощную державу с сильной армией, с новой прекрасной столицей и, главное, — с единой государственной религией, христианством.

Эта держава простоит после его смерти тысячу с лишним лет.

*

Между тем в 306 году на севере Галлии, на территориях, подвластных Эроку, вспыхнуло очередное восстание двух германских племен. Их вожди,

нарушив договор о мире, заключенный ими с Констанцием Хлором, переправились через Рейн и разбойничали к югу от реки, разоряли селения, грабили, убивали.

Об этом Константину доложил Эрок. Он не решился выступить один против двух непрошенных гостей, нагло хозяйничавших на его законной территории, и обратился за помощью к новому цезарю. Константин с охотой откликнулся. Он твердо решил наказать вероломных вождей.

Когда вожди-изменники оказались в плену, Константин приказал заковать их в цепи и отправить в Тревёры. Сотни плененных солдат он передал Эроку, с тем чтобы тот продал их галлам как рабов. Именно так поступал Диоклетиан с готами, совершавшими набеги из-за Дуная.

Эта победа оказалась очень важна для укрепления власти и престижа Константина. Весть о ней быстро облетела селения, и на пути в Тревёры его встречали с ликованием.

Не меньший восторг вызвал в Галлии праздник по случаю победы Константина над мятежными племенами. Он проходил в огромном цирке, который задолго до начала был заполнен радостной публикой. Торжество началось с гонок на колесницах. Затем несколько часов продолжались гладиаторские бои.

Наконец, когда зрители были приведены в достаточно сильное возбуждение, на арену въехал Константин на золотой колеснице, запряженной шестеркой белых коней. Ею правил Эрок. Это было яркой демонстрацией признания верховной власти Константина. Галльский вождь был хорошо известен и уважаем у себя на родине, и такой выезд произвел на народ гораздо большее впечатление, — чем любая самая пламенная речь.

— Да здравствует Константин, август Галлии! — прокричал Эрок, и толпа многократно ответила ему, кидая вверх шапки и мехи с вином, которые в избытке продавались при входе в цирк:

— Да здравствует август Константин! Да здравствует август Константин!..

За колесницей молодого, увы, пока только цезаря, а не августа, следовала кавалерия, за ней — галльские и британские легионеры. Процессию замыкала открытая повозка с плененными германскими вождями, по-прежнему закованными в цепи. Константин взошел на почетную трибуну, где в императорской ложе уже сидела августа Феодора со старшими детьми. Но он не сел на предназначенный для него трон, а обратился к ликующим зрителям со словами:

— Жители Галлии! Мой отец честно служил Империи. И я без

колебаний отдам свою жизнь на этой почетной службе. Даю вам торжественное обещание править честно и делать все, что в моих силах, для защиты вас от врагов и для создания вам достойной жизни. А теперь вы должны решить участь тех, кто нарушил клятву, данную императору, кто напал на ваши дома и убил ваших близких, — он указал на двоих пленников.

— Отдать на съедение диким зверям! — раздался чей-то крик, он тут же был подхвачен тысячами голосов.

— Так тому и быть, — провозгласил Константин.

Он начал править — пока еще только частью Империи — железной и справедливой рукой.

Сам он жил весьма скромно, занимал со своими слугами небольшую часть императорского дворца. Не позволял себе и окружающим никаких излишеств и роскоши. Основные расходы казны он направлял на обучение и содержание новых и довольно многочисленных легионов. Он делал ставку на создание самой мощной и, главное, хорошо обученной армии. История показала, что это было стратегически верно.

Глава 10

АРЕЛАТ

Первый указ Константина касался налогов. Он увеличил поборы с крупных землевладельцев и уменьшил их с зависимых крестьян. Это позволило тем, кто собственными руками производил продукты, разумную их долю оставлять у себя. Продавая затем эту долю, крестьяне становились зажиточнее и платили больше налогов. Вскоре казна стала полнее.

Второй, негласный указ Константина позволял христианам восстановить их церкви. Он не был запротоколирован, чтобы не вызвать ненужного гнева августиана Галерия, но был устно передан епископу Евмению, который с радостью взялся оповестить всех священников об указе нового цезаря.

Повсеместно в Галлии и Британии началось строительство церквей. Возобновились публичные службы. Число христиан на западе Империи стало стремительно расти. В то же время никто никому не мешал поклоняться и римским богам, приносить им традиционные жертвы.

Константин с еще большим, чем у отца, рвением продолжал благоустраивать города, мостить дороги, строить переправы через реки. Мастеров он поощрял, бездельников гнал прочь. Словом, он правил в своих землях на зависть всей Империи. И слава Константина неизменно росла.

*

А в это время Рим был готов взбунтоваться: для его граждан Галерий отменил свободу от обложения налогами. В течение веков это было исключительным правом жителей великой столицы. Возмущенные римляне собирались на площадях и посылали проклятия Галерию, сидевшему в своей восточной столице — Никомидии.

Коварный Максенций, сын бывшего августиана Максимиана, решил воспользоваться народными волнениями. Он пообещал в сенате вернуть Риму его прежнее положение первого города Империи, намекнув, что будет не прочь, если его провозгласят августом Италии. Сенаторы, весьма сердитые на последний указ Галерия, так и сделали.

28 октября 306 года Римский сенат провозгласил Максенция августом

Италии и Африки.

Максенций принял порфиру августа и сразу же отправил вторую порфиру своему отцу в Неаполь, назначив его августом-соправителем. Максимиан, который отрекся от власти против своей воли, принял порфиру с великой радостью. Итак, уже давно пустовавший трон в Риме вновь обрел господина, вернее, сразу двух. Но пользы трону это не принесло.

Узнав о двух новых августах в Риме, взбешенный Галерий велел августу Северу любой ценой призвать узурпатора Максенция к порядку. (Престарелого Максимиана Галерий не принимал всерьез.)

Север вошел со своими войсками в Италию и направился к Риму. Но Максенций и Максимиан умудрились нанять целую армию агентов, которые стали подкупать солдат Севера и делали это очень успешно: получив золото, солдаты тут же дезертировали. Вскоре Север обнаружил, что его армия весьма сильно поредела, и был вынужден отступить к Равенне, надеясь за ее крепкими стенами дождаться подкрепления.

Коварный Максенций, вовсе не желая усиления одного из своих явных соперников, направил к Северу послов. И те пообещали законному августу великодушное отношение двух самозванцев. Север доверчиво вышел из своего укрытия, явился на «мирные переговоры» с Максимианом и Максенцием. И был ими отравлен. По другой версии, ему вскрыли вены.

Так в 307 году совершился еще один передел власти на западе Империи. Место законного августа заняли два узурпатора, которые вскоре станут Константину близкими родственниками и кровными врагами.

*

Узнав о гибели Севера, Галерий срочно собрал большое войско и сам возглавил поход на Италию. Но здесь он увидел, что население на занятых им территориях не оказывает его армии никакой поддержки, а иногда тайком и вредит. Он вспомнил, чем кончились для него похожие передвижения на чужих землях в Персии.

Достигнув стен Рима, который он видел впервые, Галерий был поражен его необычайными размерами. Никогда не представлял он себе, что город может быть столь велик и величествен. И все же он предпринял осаду Рима. Она была длительной. Когда стало ясно, что взять Вечный город не удастся, Галерий решил вернуться на восток, в Никомидию, оставив победу за двумя самозванными правителями.

Но тут случилось непредвиденное. В его армии начался бунт. Солдаты

были недовольны тем, что тесть (Галерий) пошел войной на зятя (Максенция) и, как пишет историк, «римские воины лишились Римской империи, постоянно меня знамена».

Особо решительно настроенные солдаты предложили отвезти Галерия к воротам Рима и передать его Максенцию. И уже начались приготовления для такой небывалой выдачи императора. Для старшего августа Империи дело принимало весьма серьезный оборот. Как с ним поступит ненавистный зять, у него не было никаких сомнений.

И Галерий, сломив гордость и забыв мужество, а также боясь участи Севера, бросился в ноги своим солдатам и стал заклинать их не отдавать его врагу. И так он упрашивал их, пока не изменил настроение самых решительных воинов своими обещаниями наград и званий. Наутро его армия ушла от ворот Рима. Сам же Галерий умчался прочь еще ночью, взяв с собой лишь небольшой отряд самых преданных солдат.

Боясь погони, Галерий предоставил своей армии право грабить и уничтожать все на своем пути. Все было разграблено. Угнаны скот и лошади. Но заодно — убиты тысячи жителей, обещены девушки, подвергнуты истязаниям родители и мужья, от которых требовали, чтобы они отдавали своих дочерей, жен и богатства...

До самой восточной границы плодородной Италии старший август Империи оставил после себя широкую полосу опустошенной земли, как будто это была не земля его предков, а чужая, вражеская страна.

Вернувшись в свою столицу, Галерий в ноябре 308 года назначил двумя новыми августами Востока военачальника Лициния, своего старого боевого товарища, и цезаря Дазу. В правление Лицинию передавалась Иллирия, Дазе — Сирия и Египет. Сам Галерий оставался старшим августом Востока с правом окончательного решения всех вопросов на всех подвластных трем августам землям.

Теперь расклад сил был явно не в пользу запада. Против троих сплоченных августов на востоке здесь были только два августа, Максимиан и Максенций, да и то не слишком законные. К тому же отец и сын постоянно и открыто враждовали.

*

О Константине как бы забыли. Галерий по-прежнему считал его только цезарем, при этом опасаясь его более, чем кого-либо другого из

соправителей.

Спустя несколько месяцев после того, как армия в Британии провозгласила Константина августом, к Галерию был отправлен образ Константина, увенчанный лаврами. Это было в традициях императорского Рима. Лавр символизировал победу и могущество, а портрет с лавровым венком как бы спрашивал: «Доколе терпеть?»

По сути, это было заявление Константина на власть, требование объявить его императором. Взбешенный Галерий приказал сжечь живьем того посланника, кто привез это изображение. И лишь в последний момент друзья отговорили его от подобного безумия, напомнив ему о настроении солдат в его собственной армии.

Да, солдаты Галерия были недовольны тем, что он пренебрег мнением армии и не назначил Константина августом. И если бы Галерий в самом деле казнил посланника Константина, то это могло бы кончиться еще одним бунтом в армии старшего августа Империи.

Константин всю жизнь был для Галерия постоянным источником раздражения. Не однажды Галерий пытался его убить. Как-то раз, это было еще в Никомидии, под видом забавы он втокнул Константина в клетку с дикими зверями и закрыл засов, весело при этом смеясь. В другой раз устроил поединок Константина с пленным варваром, двухметровым гигантом, которого Константин все-таки победил. Мы помним и о других попытках Галерия покончить с самым опасным своим соперником. Но теперь Константин был недостижим для него, и это раздражало старшего августа еще больше.

Тем не менее изображение в лавровом венке сыграло свою роль. Галерий послал-таки Константину порфиру августа, но не сразу, а по прошествии нескольких месяцев, чтобы казалось, будто он по собственной воле принимает того в соправители.

Порфира от Галерия оказалась, однако, второй. Чуть раньше плечи Константина украсит другая пурпурная накидка августа. И сделает это человек, который совсем недавно выгнал Константина прочь из своего дома...

*

В Риме, центре Империи, назревал очередной скандал. Отношения августа Максимиана с сыном Максенцием очень скоро стали таковы, что оба только и ждали момента, как бы избавиться друг от друга. Бесконечные

ссоры между отцом и сыном привели к окончательному разрыву.

Максенций стал особенно дерзок с отцом после того, как ему удалось переманить на свою сторону преторианскую гвардию, а она в Риме всегда играла чуть ли не главную роль в политике. Теперь Максенций всерьез обдумывал, как избавиться от отца, которого он сам так опрометчиво сделал своим соправителем.

Но и Максимиан тоже думал о свержении сына. Старец смотрел на его дела с нескрываемой ревностью и негодовал, что сын не позволяет ему совершать то, что он хочет. Максимиан не мог понять, что его время ушло. Он не мог забыть ту пору, когда он наслаждался реальной властью, и лелеял мечту эту пору вернуть.

И вот однажды Максимиан держал речь в сенате и заговорил о пороках, имевших место в государстве. Он говорил весьма пространно, и некоторые даже начали скучать, как вдруг он указал рукою на сына и заявил, что именно тот виноват во всех бедах и несчастьях страны. Затем решительно подошел к сыну и сорвал с его плеч порфиру августа. Римский сенат давно не видывал таких сцен.

Максимиан кинулся вниз по ступеням, но его встретила разгневанная толпа сенаторов и солдат. Они с криками набросились на него, отобрали у него порфиру и вернули ее на плечи Максенция. Решением сената Максимиан был изгнан из Рима.

Поразительно, но и после этого он не успокоился. Как сообщает Лактанций, Максимиан отправился в Никомидию, к Галерию, чтобы убить его и захватить власть на востоке. Этой его безумной попытке помешал Диоклетиан, которого Галерий пригласил к себе погостить. Убивать зятя в присутствии тестя Максимиан не посмел. Он вернулся в свой дворец в Арелате и там пока затаился...

*

Константин не принимал участия во всех этих безумных играх. Он тихо-мирно правил на северо-западе Империи, но был хорошо осведомлен обо всех происходивших событиях через своих агентов. Шпионить друг за другом и в те времена у верховных правителей было принято.

Однако оставаться нейтральным цезарю Британии и Галлии пришлось недолго. Хитрый Максимиан решил сделать Константина своим союзником. Но как? Ведь в последнюю их встречу Максимиан обошелся с ним очень невежливо. Выгнал его и не велел больше показываться на глаза.

Странно, что до сих пор Константин никак не проявил желания отомстить ему за тот позор.

Положение Максимиана было теперь отчаянным. Константин оставался его последней надеждой. И старец решил использовать самое действенное средство: красавицу-дочь.

Максимиан отправил к Константину в Тревёры посла с приглашением в Арелат на торжественную встречу. Для нее Максимиан назвал два повода. Первый — присвоение Константину законного титула авгу́ста Британии, Галлии и Испании. Второй — свадьба Константина с Фаустой. О предыдущем грозном отказе Максимиана, прозвучавшем три года назад, было «забыто».

Константин, конечно, очень обрадовался. С тем же послом он передал будущему тестю письмо со своим согласием и роскошное жемчужное ожерелье для невесты.

Перед отъездом в Арелат Константин зашел к Феодоре. (Напомню, она была сводной сестрой Фаусты: при одном отце, Максимиане, у них были разные матери.) Феодора по-прежнему жила со своими шестью детьми в том же дворце, который великодушно уступил ей Константин.

— Я рада, что ты войдешь в нашу семью, — сказала ему Феодора. — Но только мой отец выбрал для этого не очень подходящий момент. Для всех совершенно очевидно, что он хочет заручиться поддержкой самого сильного правителя Империи.

— Благодарю тебя, авгу́ста, за столь лестное мнение обо мне, — ответил Константин, — я постараюсь оправдать его. Поверь мне, я знаю цену Максимиану. Но я так люблю Фаусту, что согласен быть зятем самого последнего преступника.

В покоях Феодоры Константин заметил смуглого человека в рясе священника. Феодора представила его как своего духовника. Константин впервые слышал это слово.

— Это епископ Осий из Кордобы, из Испании, — сказала Феодора, — с твоим отцом они были близкими друзьями.

Когда они остались вдвоем, Константин спросил священника:

— Скажите, мой отец все-таки был христианином?

— Он был законопослушным гражданином и был вынужден следовать указам старшего авгу́ста, — ответил Осий. — Поэтому открыто он никогда не называл себя христианином. Но я знаю, что в душе он им был. Христианином он был по своей сути, по своей доброте, по своему умению

прощать.

— Августа Феодора назвала тебя своим духовником. Что это значит? — спросил Константин.

— Все люди грешны, — ответил епископ, — но Христос обещает нам прощение наших грехов, если мы будем открыто говорить о них. Духовник — это тот, кто принимает такие исповеди и берет на себя право снимать грехи с души человека.

— Я слышал, что у христиан есть обряд, которым смывают все грехи.

— Да, это обряд крещения, — ответил Осий. — Но ведь и после крещения большинство из нас грешат снова.

— Значит ли это, — допытывался Константин, — что если обряд крещения принять перед самой смертью, то можно снять с себя все грехи, совершенные в жизни?

— Именно так, август. Поэтому многие христиане и принимают крещение перед самой смертью.

Для Константина это было откровением. С тех пор он часто встречался с испанским епископом. Их долгие беседы оказали сильное влияние на мировоззрение будущего христианского императора.

*

Свадьба Фаусты и Константина была первой из двух пышных церемоний в Арелате. На другой день в присутствии царственных особ из Испании, Галлии, Африки Константин был облачен в императорскую порфиру верховного правителя трех западных провинций. И хотя большинство его подданных и так считали, что он носит титул августа, все же такая церемония стала официальным признанием. Роскошный пурпурный плащ Максимиан накинул на плечи Константина в величественном храме Аполлона.

Здесь, в Арелате, Константин получил известие о том, что Галерий прислал ему в Треверы императорскую порфиру. Теперь у него их стало целых две...

Константин был официально провозглашен августом в 307 году. Верховным правителем он будет ровно тридцать лет. Удивительно, что оратор, славивший нового августа на торжественной церемонии в Арелате, произнес провидческие слова:

— Здесь ты видишь твоего Аполлона в сопровождении Виктории,

предлагавшей тебе лавровые венки победы числом тридцать... Мы узнаем тебя в том образе, которому принадлежит господство над всем миром не только при жизни.

Это было словно предсказание ясновидца.

*

Итак, в Империи закончился очередной передел власти. Тетрархия, созданная Диоклетианом, казалось бы, на века, рухнула. Но разрушительное деление, начатое им, продолжалось. То, что при Диоклетиане было разделено на две части, сейчас разбилось на три.

Теперь в стране было шесть правителей. Западом правил Константин. Италией и Северной Африкой — Максимиан и его сын Максенций. Востоком управляли старший август Галерий и августы-соправители Даза и Лициний. Но всем было ясно, что это хрупкое равновесие будет нарушено при первой же возможности.

А пока Константин наслаждался счастьем с молодой женой в Арелате — уютном и очень благоустроенном курорте, который иногда называли маленьким галльским Римом. (Ныне это французский город Арль, рядом с Марселем.) Арелат был основан финикийцами раньше Карфагена. Здесь Юлий Цезарь строил свои галеры перед нападением на Южную Галлию. Теперь здесь был важный морской порт.

В Арелате же обосновался и отец Фаусты, Максимиан, которого, как мы помним, с позором выгнали из Рима.

Константин великодушно забыл, что когда-то отец Фаусты был с ним весьма невежлив. В свою очередь Максимиан в Арелате жил с уверенностью, что теперь он воссоединился с самой выдающейся силой Империи. И здесь он не ошибался.

В Арелате Фауста родила первого ребенка, девочку. Константин был рад вдвойне — еще и потому, что в будущем не хотел конкуренции в борьбе за трон между своим первым сыном, Криспом, и сыновьями Фаусты. Для него преемственное право Криспа было неоспоримо. Но и в том, что жена станет неистово отстаивать права своих будущих сыновей, не было никаких сомнений. Так в итоге и оказалось...

*

Тем временем неугомонные германские вожди снова и снова предпринимали набеги на Галлию, и Константин всякий раз сам во главе своей армии отправлялся на их усмирение. Битвы с алеманнами и франками носили очень ожесточенный характер. Пленного царя франков Константин велел казнить за его жестокое обращение с пленными римлянами. На Рейне новый император построил несколько крепостей, а у Кельна возвел каменный мост небывалых размеров — 420 метров в длину. Мост соединил город с главным бастионом на северных рубежах Империи — крепостью Дейтц.

Константин отметил свои первые военные успехи большой серией золотых монет с надписью: «Франция и Алемания — радость римлян». Эти победы упрочили его положение на вершине властной пирамиды Империи. Но эти победы прославили и ударную силу галльского войска, которому вскоре предстояло одержать более значительные, исторические победы под руководством Константина.

В 310 году племена франков в очередной раз нарушили границу Империи, реку Рейн, и начали грабить села и города. Константин поспешно стал собирать войско. Максимиан, однако, убедил зятя не брать с собой много солдат: мол, с этими варварами можно справиться и малыми силами. Не слишком еще опытный полководец, Константин доверился тестю, ничего не подозревая о его коварном замысле.

И вот после очередного сражения на берегах Рейна Константин получил из Арелата ошеломляющее известие. Его тесть объявил, что Константин убит, и провозгласил себя вместо него августом Галлии, Британии и Испании. Он щедро осыпал золотом оставшиеся легионы, стараясь купить их верность. Золото это было из казны Константина. Так тесть платил ему за то, что получил у него убежище.

Оставив Эрока добивать франков (что тот с успехом и сделал), Константин вернулся на юг. При его приближении к Арелату во главе большого отряда кавалерии Максимиан, прихватив с собой дочь и внучку, бежал в прибрежный город Массилию (ныне Марсель).

*

Шпионы донесли Константину, что среди солдат Максимиана, да и среди населения мало кто сомневается в том, что он, Константин, действительно погиб в битве с франками. Настолько убедительно Максимиан поставил спектакль: прибытие гонца с депешей от Эрока, в

которой сообщалось со всеми деталями и подробностями о смерти императора. Правда, очень скоро гонец исчез, и больше его никто не видел.

Массилия, где спрятался хитрец-тесть, взявший в заложницы жену и дочь Константина, представляла собой крепость. Ее можно было захватить с помощью штурма или осады, в обоих случаях с многочисленными жертвами. Но ситуация была необычной и требовала такого же неординарного решения. Константин нашел его.

*

С первыми лучами солнца золотая императорская колесница появилась у стен города. В ней стоял Константин в своем пурпурном плаще, который развевался на ветру и сиял в лучах солнца. Стоявший рядом с возницей трубач сыграл боевой марш, и Константин обратился к солдатам, в избытке собравшимся на городской стене:

— Как видите, ваш август жив и здоров. Приказываю легиону Массилии арестовать самозваного августа Максимиана и выдать его мне! Если к сегодняшнему вечеру мое распоряжение не будет выполнено, завтра утром я начинаю штурм.

Проехав на колеснице вдоль стен города, он повторил свою краткую речь несколько раз. Затем вернулся в свой лагерь и стал ждать. Ждать пришлось недолго. Только начало смеркаться, когда к его палатке стража привела... Фаусту с дочерью. Хитрый Максимиан послал их к Константину в качестве парламентариев.

Фауста со слезами кинулась на грудь мужу и стала его уговаривать простить отца. Он не виноват, уверяла она, так как сама видела того, кто принес весть о гибели Константина.

Вскоре у палатки послышался топот ног, это дюжина солдат привела Максимиана. Тот начал весьма агрессивно.

— Я требую ареста этого центуриона, — он указал на того, кто пришел во главе солдат. Константин узнал его, они вместе воевали в Египте.

Максимиан продолжал:

— Они захватили меня, когда я уже готовил указ о сдаче тебе Массилии. Но слава всем римским богам, что ты жив, мой любимый сын! — Он кинулся было обнимать зятя, но натолкнулся на его ледяной взгляд и отпрянул.

Мятежного императора, отца нечестивого, тестя вероломного, как пишет Лактанций, заставили выслушать обвинения в совершенных им

преступлениях, сорвали императорские одеяния, но сохранили жизнь.

Константин простил тестю измену, и семейство в полном составе вернулось в Арелат.

*

Однако не прошло и двух месяцев, как Максимиан снова предпринял попытку захватить власть. Он решил попросту убить Константина, подкупив стражу... К счастью, один из стражников доложил императору о готовящемся покушении. Константин положил в свою кровать слугу и предупредил, чтобы тот не спал и ожидал нападения, а сам спрятался в соседней комнате.

В полночь в спальню Константина прокрался Максимиан с обнаженным кинжалом. Он хорошо ориентировался почти в полной темноте, видно, заранее подготовившись к покушению. На свою беду слуга, лежавший в постели, все-таки заснул, а Константин замешкался и кинулся на тестя, когда тот успел дважды всадить кинжал по самую рукоятку в тело несчастного. Когда Максимиан увидел Константина, стоявшего у кровати с мечом в руке, он издал звериный вопль, отбросил окровавленный кинжал и кинулся к двери. Но там уже стоял верный императору стражник с обнаженным мечом.

— Я не хочу позорить себя убийством тестя, — сказал Константин Максимиану. — Но ты не заслуживаешь ничего иного, кроме смерти. Ты можешь сам выбрать способ уйти из жизни. Это единственное снисхождение, какое я могу тебе даровать.

На другой день ему донесли, что старый император повесился в своей спальне. И хотя почти весь город уже знал об измене Максимиана, Константин распорядился, чтобы его кремировали и похоронили со всеми почестями, какие подобают августу.

Глава 11

ТРЕВЕРЫ

В 311 году они переехали из Арелата в Треверы. Здесь Фауста родила второго ребенка и снова — девочку. Это очень ее огорчило, но обрадовало Константина. Он уже подумывал о своем преемнике и хотел сам заняться воспитанием Криспа. Потому-то и послал за сыном в Дрепанум.

Вскоре перед ним предстал широкоплечий светловолосый подросток — уменьшенная копия своего отца. Только глазами он походил на мать, покойную Минервину.

— Завтра я отправляюсь в инспекционную поездку по Галлии, — сказал император сыну, — и хочу взять тебя с собой. Ты должен хорошо знать страну, которой тебе предстоит править. Когда ты подрастешь, я провозглашу тебя цезарем Галлии. Для начала. А там посмотрим на твои способности...

Они увидели благоустроенную процветающую провинцию, и в каждом городе, в каждом крупном селении христиане возвели церкви. Прихожане были хорошо организованы, с их помощью стало легко поддерживать общественный порядок. Священники приходили благодарить Константина за его доброе отношение, и он в очередной раз убедился, что поступил весьма мудро, избавив христиан от гонений.

Из этой поездки Константин вернулся с убеждением, что христианство — при верном к нему отношении — может стать не только сильной религией, но и средством большой политики в Империи.

Однако он не спешил отречься от язычества. Оно по-прежнему преобладало в мире, и Константину как первопроходцу приходилось искать свой путь, двигаясь весьма осторожно. В первые годы своего правления он восстанавливал языческие храмы и как верховный понтифик терпеливо исполнял обряды традиционного культа. В галльском дворце его окружали языческие философы и ученые. И даже два десятилетия спустя, в 330 году, освящая Константинополь, он будет использовать как христианские, так и языческие ритуалы...

По возвращении в Треверы Константин застал жену в скверном

расположении духа: она устала жить в провинции и хотела вернуться в Рим.

— Но в Риме правит твой брат Максенций, — возражал Константин.

— Отправь его в какую-нибудь провинцию, в Сирию или в Африку.

— Но это кончится войной, а мне она сейчас не нужна, — раздраженно ответил Константин.

Характер жены стал явно портиться. Далее она жаловалась на несправедливость судьбы: она хочет родить ему сына, а на свет появляются девочки. А вокруг подрастают чужие сыновья, претенденты на трон. У Феодоры их трое, Крисп уже почти юноша.

— Разве дети твоей сводной сестры чужие для тебя? — удивился Константин. — А Крисп разве тебе чужой?

— Я говорю о своей родной крови.

Этот разговор еще раз напомнил Константину, что Фауста готова преступить любые препоны ради того, чтобы ее сыновья, еще даже не родившиеся, оказались на вершине власти.

*

Константин тяжело переносил разлад в семье. До сих пор, уезжая в дальний поход, он чувствовал за спиной прочный домашний тыл. А теперь... С кем он мог поделиться самым сокровенным? Мать была далеко. Крисп еще молод. Самая близкая прежде женщина, Фауста, отдалялась от него...

В это нелегкое для себя время Константин нашел неожиданную опору в лице испанского епископа Осия. Он жил по-прежнему в Треверах, у Феодоры, хотя частенько говорил, что сердце его рвется на родину. С Осием можно было обсуждать любые темы, и этим Константин часто пользовался. Когда ему принесли текст эдикта Галерия о запрете гонений на христиан, он позвал к себе Осия и дал ему прочесть.

— Что скажешь, Осий? — спросил император, когда тот вернул ему эдикт.

— Это просто подарок для всех христиан Империи.

— Но могут ли они принять его от человека, который еще совсем недавно проявлял к ним столько жестокости и отправлял на лютую смерть тысячи христиан?

— Я думаю, что да, могут, — ответил Осий. — Весь вопрос в том, насколько искренне раскаивается человек в своих грехах. И мне кажется,

что этот эдикт Галерия доказывает его искреннее покаяние.

— Боюсь, что ты ошибаешься, Осий, и слишком хорошо думаешь о человеке, который просто до смерти перепуган, что его болезнь — это кара за его непомерную жестокость. Тем не менее я сегодня же прикажу объявить этот эдикт во всех моих территориях.

— А я буду молиться за здоровье Галерия, — сказал Осий.

— И ваш Бог примет молитву за такого богохульника?

— Вполне возможно, — ответил Осий, — я ведь говорил тебе, август, что для нашего Бога важнее всего глубина искренности в раскаянии грешника.

— Я вижу, что с твоей помощью я мог бы лучше понять суть вашей веры, — сказал Константин. — Не примешь ли ты мое предложение стать моим советником?

— Для меня это большая честь, август.

На следующий день был издан указ Константина о том, что христианский священник Осий из Кордобы назначается личным советником правителя западной части Империи.

*

В мае 311 года в Никомидии умер старший император Востока Галерий.

Незадолго до смерти он публично признался: гонения на христиан оказались тщетными, они лишь ослабили Империю, но не самих христиан. Своим эдиктом о веротерпимости Галерий признавал свое бессилие против христиан. Отныне гонения в Империи прекращались. Христиане могли строить церкви и жить по своей вере. В эдикте Галерия говорилось:

«Среди прочего, что постоянно свершали мы для пользы и блага государства... желали мы... заботиться о том, чтобы и христиане, которые оставили путь прародителей своих, возвратились к благим мыслям... И поскольку очень многие из них не оставляли своих убеждений, и... мы видели, что как не воздается должное почитание небесам, так и не уважается бог христианский, по соображению мягчайшей нашей кротости и согласно постоянной любви, мы готовы оказать всем людям снисхождение... Простирая великодушие наше, мы постановили, чтобы вновь свободно жили христиане. И пусть устраивают свои собрания, но так, чтобы никто из них не нарушал порядка... По великодушью нашему, пусть молят бога своего за избавление наше...»

Галерий в то время был смертельно болен, но он, как мы видим, еще надеялся, что молитвы христиан помогут ему.

Но не получил Галерий снисхождения от Бога за свои злодеяния. Эдикт его был обнародован в Никомидии за день до майских календ, то есть 30 апреля 311 года. Буквально через несколько дней после этого Галерий умер.

Смерть Галерия была мучительнейшей, и Лактанций весьма обстоятельно доказывает, что она стала расплатой за те страдания, которые Галерий принес тысячам христиан:

«Уже шел восемнадцатый год правления Галерия, когда Бог поразил его невыносимым страданием. Возник опасный нарыв в нижней части его детородных органов и начал распространяться вширь. Врачи вырезают язву и очищают рану. Но боль бередит уже затянувшуюся рану и, поскольку лопнула вена, началось кровотечение, приближая опасность смерти. С трудом кровь все-таки останавливают. Но возникает новое кровотечение... Рана уже перестает воспринимать действия лекарств. Повсюду вокруг язвы распространяется раковая опухоль, и чем больше ее срезают, тем более она свирепствует, чем более лечится, тем более растет в размерах... Отовсюду привозятся прославленные врачи, но бессильны руки человеческие. Галерий обращается к идолам. Заклинает Аполлона и Асклепия, вымалывает лекарство. Аполлон проявляет свою заботу, и недуг увеличивается еще более. Смерть уже не отступала, низ был поражен язвой полностью. Сгнило снаружи мясо... Зловоние от этого распространилось не только по дворцу, но и по всему городу... Тело, съеденное червями... умирало с невыносимыми болями».

Тех врачей, которые ничем не могли помочь императору и отчаялись спасти его, безжалостно казнили...

Смерть Галерия — это веха в христианской истории. Умер последний из самых ярых гонителей. За восемь лет на кострах, на крестах, на плахах погибли полторы тысячи христиан, не пожелавших отречься от своей веры. Тысячи остались изувеченными.

Это гонение было великим испытанием и великим триумфом Церкви. Да, многие отреклись — и простые прихожане, и епископы. Но вскоре большинство из них умоляли вновь принять их в ряды христиан. А рассказы о мучениках, которые пострадали за веру, переходили из общины в общину, из поколения в поколение. И эти рассказы, ставшие легендами о невероятной стойкости, сыграли очень важную роль в укреплении

христианской веры. Кровь мучеников, говорил Тертулиан, была семенем. И всходы не заставили себя ждать. Церковь оказалась сильнее Империи. Об этом замечательно сказал Вил Дюрант:

«На человеческой памяти нет драмы более величественной, чем эта: горстка христиан, презираемых или притесняемых чередой императоров, переносящих все суды с яростным упорством, мирно расширяющих свои ряды, строящих порядок, пока их враги порождают хаос, сопротивляющихся мечу словом, зверству — надеждой и в конце концов одолевающих могущественнейшее государство из всех, что знала история. Цезарь и Христос встретились на арене амфитеатра, и Христос одержал верх».

*

Смерть старшего августа явилась как бы сигналом к новому этапу борьбы за власть. Верховных правителей осталось четверо: Константин, Максенций, Даза, Лициний.

Двое последних сразу же после смерти Галерия двинули свои войска для захвата территорий умершего. Однако после первого же столкновения оба пришли к выводу, что сейчас война не нужна ни тому ни другому. И через несколько дней был составлен мирный договор, по которому азиатские земли Галерия отходили старшему августу Востока Дазе, а европейские, в их числе и весь Балканский полуостров, — его соправителю Лицинию. Лициний теперь обосновался в Сирмии, на Дунае (неподалеку от нынешнего Белграда). Даза правил из сирийской Антиохии.

Получив во владение территорию втрое больше прежней, Даза весьма скоро превратился в деспота. Он принялся обирать своих подданных без всякого разбора. Его солдаты грабили амбары, винные погреба; стада крестьянских коров и овец сгонялись с пастбищ в императорские загоны без каких-либо объяснений. А тех законных владельцев, кто пытался протестовать, попросту избивали. Богато и красиво одетого человека могли раздеть по одному лишь кивку Дазы прямо на улице.

Напуганный ужасной смертью Галерия, Даза старался вести свою антихристианскую политику скрытно. Если кто из христиан попадал к нему, то он приказывал тайно утопить его в море. Сам же он ежедневно совершал во дворце жертвоприношения. По его приказу все животные, которых он употреблял в пищу, убивались не поварами, но жрецами на

жертвеннике.

Публично Даза объявил о своей снисходительности к христианам. И посему запретил убивать рабов Божьих, приказав их увечить. Поэтому исповедникам христианства выкалывали глаза, отсекали руки, ноги, отрезали уши и носы...

Историки единодушно обвиняют Дазу в патологическом разврате. Его гонцы обшаривали город, и где бы ни оказывалась красивая девушка или женщина, ее отрывали от отца или мужа. При этом оглядывали ее обнаженное тело, нет ли какого изъяна, недостойного царского ложа. Если какая-то девушка такому насилию противилась, ее топили. Некоторые мужья, узнав, что столь диким образом обесчестили их жен, лишали себя жизни.

Но Даза пошел еще дальше. Он ввел закон, по которому никто не женился без его позволения. При этом он сам должен был первым отведать прелести каждой невесты. Свита подражала властелину, совершая насилия в своих охраняемых опочивальнях.

Лактанций пишет, что дочерей незнатных граждан кто хотел, тот и умыкал. Знатных девушек, которых не могли похитить, эти разбойники получали от владыки в качестве милости. И нельзя было такому противиться, если разрешение на свадьбу подписал император. Так что девушке следовало либо умереть, либо стать женой какого-либо варвара, часто из числа телохранителей Дазы. А их он набирал из бывших рабов, попавших в плен при завоевании окраин Империи.

*

Наконец, пишет Лактанций, Даза возжелал также и августу Валерию, которую еще недавно именовал матерью. Речь идет о вдове Галерия, дочери Диоклетиана. А ведь оба императора были благодетелями Дазы. В ту пору Валерия еще не успела снять траур по мужу, а Даза уже потребовал ее себе в жены, намереваясь изгнать свою супругу, если получит согласие Валерии.

Та ответила откровенно, насколько могла: во-первых, не должно помышлять о свадьбе в поминальных одеяниях, когда не остыл еще прах супруга ее; во-вторых, он бессовестно поступает, когда гонит прочь преданную ему супругу, он и с ней, с Валерией, может так же поступить.

Когда Дазе доложили о столь дерзком ответе, его страсть обернулась в ярость. Он тотчас объявил дочь Диоклетиана вне закона и конфисковал все ее имущество. Прислугу ее пытали долго и без всякой цели, а насытившись

кровью, жестоко убили. Всех подруг Валерии Даза упрятал пожизненно в тюрьму, якобы за измену мужьям. А саму Валерию сослал в безлюдную пустыню Сирии. И сколько потом Диоклетиан, до самой своей смерти, ни просил Дазу отпустить к нему дочь, тот был неумолим.

Но это еще не все. Желу видного сенатора Даза заподозрил в том, что именно она посоветовала Валерии дать ему такой ответ. Даза приказал схватить ее вместе с дочерью-красавицей, отвезти в Никею, подалее от столицы, и там истязать, пока не сознается. Ничего не добившись, изуверы казнили обеих женщин. А когда муж казненной, сенатор, стал возмущаться неслыханной жестокостью, Даза велел найти свидетеля преступления его жены. «Свидетеля» нашли в тюрьме, некоего иудея, и обещали свободу, если он докажет вину женщины. Он «доказал», сенатор притих. Но назавтра иудея распяли на кресте. Уже пригвожденный к поперечине креста, пишет Лактанций, он открыл всю тайну и при последнем издыхании сказал, что казнены были невинные.

Так, окруженный многими подельщиками, пастух-император правил востоком, словно стадом...

*

Вскоре шпионы донесли Константину, что Даза и Максенций ведут тайные переговоры, чтобы объединиться против него. В этом союзе был заинтересован прежде всего Максенций, который пребывал в политической изоляции. Союз с Дазой он воспринял как дар небес еще и потому, что лелеял мысль отомстить Константину за смерть своего отца, но начинать с ним войну не решался. Теперь же, когда у него появился такой сильный союзник, Максенций объявил войну мужу своей сестры.

Он приказал снести и разрушить статуи Константина и убрать его имя со стен общественных зданий по всей Италии. Это был открытый вызов. Константин никак на него не ответил. Он сделал вид, что не знает о выпаде шурина.

Но было ясно, что Империя стоит на пороге жестокой гражданской войны. Тысячи и тысячи жертв должны быть принесены, чтобы два-три человека решили спор — кому быть первым. Других способов эта цивилизация не знала.

Между тем хозяин Рима продолжал вести жизнь веселую и разгульную, вызывая все большее негодование горожан. Максенций не стеснялся утолять свою страсть к роскоши, а нехватку денег восполнял довольно простым способом: продавал должности консулов и глав провинций тем, кто больше ему платил. Он обложил все население и даже сенаторов новыми налогами.

Но самое большое возмущение вызывало патологическое распутство и насилие. Красивых жен и дочерей знатных римлян Максенций и его приспешники открыто принуждали проводить с ними время в банях. Часто Максенций отпускал своих солдат со словами: «Идите, напивайтесь и развратничайте!»

Громкий скандал разразился в Риме, когда один из военачальников Максенция надругался над юной дочерью римского купца, и та покончила с собой, кинувшись в Тибр.

Вскоре после этого случая к Константину в Треверы тайно прибыла делегация римских сенаторов. Они просили его освободить Рим от тирана. Это было на руку Константину. Он хотел быть освободителем, но не завоевателем. Теперь надо, чтобы сенат проголосовал за смещение Максенция и призвал Константина в Рим для выполнения этого решения.

Константин пообещал сенаторам освободить Италию. Но потребовал от них, чтобы они шли за его войсками и объявили бы в столице, что это они призвали Константина и его армию, а не он сам напал на Рим.

Константин принес в храме жертву Юпитеру и повел свое войско на юг. Сына он назначил помощником командующего кавалерии Эрока и попросил старого приятеля не отпускать Криспа далеко от себя.

Глава 12

ТИБР

Именно на берегу Тибра в 312 году произошла битва, решившая судьбу Римской империи. Битва, победа в которой на многие века определила пути духовного развития человечества.

Тысячу миль Константин прошел с триумфом. Ежедневно он принимал посольства от городов и провинций с благодарностью за освобождение от тирана. Народ встречал его как императора. Рядом с ним гарцевал юный Крисп, сидя в седле подобно маститому кавалеристу.

Оставив за спиной северную половину Италии, Константин подошел к столице Империи. За ее высокими надежными стенами укрылся Максенций со своей армией — хорошо обученной преторианской гвардией и кавалерией мавров, собранной им во время экспедиции в Африку.

Числом войско Константина было вдвое меньше: около ста тысяч солдат против двухсот тысяч Максенция.

По свидетельствам историков, Максенций был яростным язычником. Ни одно серьезное дело, особенно военную кампанию, не начинал он без обращения за советом к магам и чародеям. Для своих чародейств он частенько разрезал чрево беременных женщин, рылся во внутренностях новорожденных. А иногда убивал сразу нескольких львов, клал их полукругом и обращался с молитвами к демонам, чтобы те отвратили от него войну. Не обошелся Максенций без подсказок магических сил и перед битвой с Константином. Но на сей раз они сыграли с ним злую шутку.

*

Константин разбил свой лагерь в семи милях к северу от города, на равнинном берегу Тибра. Длительная осада Рима не сулила ему ничего хорошего, поэтому главной его задачей бы-98 ло выманить противника из-за укрепленных стен. Но как опытный полководец он понимал, что сделать это будет очень непросто. Вместе с ним в этом походе был и епископ Осий.

Несколько дней Константин пребывал в мрачном настроении. Ситуация требовала какого-то неординарного решения, а оно все не приходило. Шпионы между тем донесли Константину, что Максенций

попросил верховного жреца Рима обратиться к Книге Пророчеств и узнать, на чьей стороне будет победа.

Эта Книга хранилась за семью печатями, и ее использовали лишь в исключительных случаях. Считалось, что содержащиеся в ней предсказания Сивиллы, жрицы Аполлона, — это окончательный приговор богов.

Книга Пророчеств языком Сивиллы предрекла смерть врагу Рима. Максенций решил, что враг Рима не кто иной, как Константин, и устроил в городе грандиозный пир. Верховный жрец многократно провозглашал приговор небес. Максенций позаботился, чтобы он стал известен и солдатам Константина.

Это известие нанесло большой вред армии, осаждающей Рим. Дух воинства был подавлен. Если уж сама Сивилла предсказала смерть врагу Рима, то какие тут могут быть сомнения? Константин сразу почувствовал перемену в настроении своих солдат. Передалось оно и ему. Константин еще больше помрачнел.

*

Как-то вечером император вызвал епископа Осия к себе в палатку и сказал:

— Перед походом я принес жертву римским богам, но, похоже, они не услышали меня. Как я могу просить милости у вашего Бога?

Осий был весьма удивлен.

— Надо обратиться к Нему с открытым сердцем, — ответил он. — Наш Бог отвечает всем, кто искренне верит Ему.

Константин попросил Осия обучить его христианской молитве, а потом, взяв у священника распятие, надолго остался один...

День клонился к закату, солнце лишь изредка прорывалось сквозь темные тучи. И вдруг в лагере поднялся шум. Солдаты показывали пальцами в небо и падали ниц, громко крича: «Знамение Аполлона!»

Константин вышел из палатки и увидел на небе яркое свечение, хорошо заметное на фоне обрамляющих его туч.

Узор солнечных лучей, действительно, напоминал эмблему Аполлона. И если так, то это было предостережением тому, кто ведет наступление.

Но Константин заметил, что два основных снопа света перекрещиваются посередине и образуют символ, которому он только что —

впервые в жизни — молился, стоя перед распятием.

Ночью он долго не мог заснуть, а потом ему приснился странный сон: пастух — с той картины на стене, что он видел десять лет назад на берегу Евфрата, в полуразрушенной церкви, — несет знамя, на котором четко начертан тот самый узор, что он сам и его солдаты видели сегодня на закате.

Это были две буквы: «Х» и над ней, чуть поменьше, «Р», как бы растущая из перекрестия первой буквы.

Константин понял, что ему явлено божественное откровение. Пастух тихо, почти ласково произнес:

— Сим ты победишь.

*

Константин уже не спал и отчетливо слышал эти слова. Он немедленно послал за епископом Осием, и когда того, полусонного, привели, сказал:

— Я видел вашего Бога.

Сон священника как рукой сняло. Он попросил императора рассказать все в подробностях, а затем стал пояснять:

— «Х» и «Р» — это тайный знак Иисуса Христа, образованный первыми греческими буквами его имени. Это символ победы над смертью, одержанной Христом.

— А знамя, с которым Он шел? — спросил Константин.

— Иди в сражение под этим знаменем, и ты победишь. Так я понял и Его явление, и Его слова, — ответил Осий.

— Если я, в самом деле, одержу над Максенцием победу, то я поверю в вашего Бога и Он станет моим, — сказал на прощанье Константин.

*

Еще не рассвело, когда он вызвал мастеров и приказал немедленно сделать знамя непривычно больших размеров. И крупно начертать на нем знак Христа: две перекрещенные буквы «Х» и «Р». К вечеру ему принесли знамя. Оно было изготовлено из копья и роскошной ткани, неизвестно откуда добытой. На ней драгоценными камнями были вышиты две

священные буквы.

Константин распорядился выставить знамя на видном месте, чтобы солдаты, глядя на этот знак, могли нацарапать его на своих щитах.

Утром следующего дня к палатке императора примчался гонец и доложил, что армия Максенция... покинула город и переправляется через Тибр по плавучим мостам.

— Предсказание пастуха уже начало сбываться, — сказал Константин Осию благоговейным шепотом. — Каким же еще чудом можно объяснить, что Максенций решился покинуть надежное укрытие да к тому же сделать такую откровенную глупость — отрезать себе рекой путь к отступлению? Я сам поведу армию в бой, и Его знамя будет передо мной.

Он не знал, что Максенций еще вчера и не думал совершать такого безумия — покидать неприступные стены Рима. Но в осажденном городе вспыхнул мятеж: его жители собирались огромными толпами и громко кричали Максенцию: «Трус! Трус!» И римский владыка испугался толпы.

*

Константин собрал своих высших начальников и пояснил план боевых действий: дождаться, когда противник переправится на этот берег, а затем прижать его к реке, разрушив на ней переправы.

В армии Константина было немало христиан, а уж они-то поняли символику нового знамени. Но важнее всего было то, что все воины воспряли духом. Знамя Константина реяло гордо и обещало победу.

Приближающиеся войска Максенция могли бы навести страх на любого противника. В центре шли преторианцы, сверкая доспехами. С обеих сторон их обрамляли мавританские всадники в белоснежных плащах с блестящими на солнце кривыми саблями.

Эрок, глядя на эту впечатляющую армаду, попытался еще раз отговорить Константина самому вести войска в бой. Взглянув на величественное знамя, развевающееся в руках стоящего рядом с ним всадника, тот ответил:

— Когда в сражение с тобой идет сам Господь, как можно быть где-то еще, если не впереди? Возможно, это самая важная из моих битв. И в ней мне погибнуть не суждено.

*

Горнист дал сигнал к атаке. Константин первым ринулся вперед и ворвался в ряды преторианцев, мастерски орудуя копьем и мечом одновременно.

Решающую роль в схватке сыграла конница неукротимого Эрока. Страшные сабли мавров оказались малоэффективны против копий галльской конницы, которые поражали темнокожих всадников раньше, чем те успевали достать противника.

Тот же Эрок пустил часть своей конницы в обход войск Максенция. Смелые галлы разметали охрану мостов и, перерубив канаты, пустили их плыть по течению.

Один мост они оставили целым и храбро сражались на его подступах. Солдаты Максенция сбились в кучу на этом мосту и устроили на нем самую настоящую давку. Войска Константина без труда их истребляли.

В конце концов мост под чрезмерной тяжестью преторианцев в металлических доспехах рухнул. Вместе с ними в воде оказался и Максенций.

Два часа спустя после начала битвы, поняв, что ее судьба решена, Константин вернулся в тыл своих войск и взошел на холм. Его душу переполнило ликование, когда он увидел, как остатки грозной армии противника слабо отбиваются от его солдат, полных решимости довести бой до полной победы.

Теперь Константин уже не сомневался, что судьба битвы была решена Богом христиан, который шествовал по равнине Тибра впереди его армии и в этой решающей схватке был вместе с Константином.

*

На другой стороне реки он вдруг заметил воина, пытающегося выбраться на берег. Золотые доспехи выдавали в нем первого человека в армии противника. Встречи с ним в течение всей битвы и искал Константин. Он пришпорил коня и помчался к берегу.

Течение реки было довольно сильным, поток не раз захлестывал и седока, и лошадь с головой. Но вот наконец копыта коснулись дна, и Константин выбрался неподалеку от того места, где тело Максенция в золотом панцире уже начало тонуть.

Враг был мертв. Историческая битва закончилась его сокрушительным поражением.

В тот октябрьский день 312 года на берегах Тибра сражались не просто

две армии и два полководца Римской империи. Нет, сражались два апологета разных вероисповеданий: язычества и христианства.

В битве у Мильвийского моста победило христианство. Эта победа знаменовала начало новой эры в истории Империи.

Константин велел пронести окровавленную голову Максенция по улицам Рима, а затем отправить ее в Африку и там пронести по улицам городов, недавно жестоко разоренных бывшим августом.

Это устрашающее свидетельство полной победы Константина в то же время напоминало жителям дальних провинций, что к власти пришел сильный правитель, который не потерпит непослушания и бунтов.

В том же 312 году Константин обращается к народам Империи с такими словами:

«Я привел к великой победе свое войско, неся перед собой печать Бога. И если благо государства опять призовет меня, я буду следовать тому же знаку высшей Силы и снова брошусь на врага. Всемогущий Боже, я посвятил Тебе свою душу. Я люблю Твое имя и почитаю Твою власть, которую Ты доказал знаками и укрепил мою веру».

Половина Империи была теперь в его руках. Другая ее половина, на востоке, оставалась пока во власти августов Дазы и Лициния.

Глава 13

РИМ. ТРИУМФ

28 октября 312 года Рим торжественно открыл свои ворота новому хозяину Италии и Северной Африки. Историк передает восторг римлян в самых возвышенных тонах. По его выражению, дома и холмы, казалось, столпились там, где въезжала разукрашенная императорская колесница. Так плотно сбился народ, так тесно сбилась свита сенаторов, что трудно дышать. Те, кто стоит близко, считают себя счастливыми. Толпа столь велика, что остается удивляться, как много людей осталось в живых после шести лет тирании прежнего императора.

Константин, как того и требовал древний обычай, посетил сенат, цирк, сделал пожертвования. Но когда процессия достигла Форума и должна была затем последовать к храму Юпитера для жертвоприношения, колесница неожиданно свернула и император исчез в стенах дворца. Традиционная жертва впервые за многие века не была принесена.

Здесь проходит разделительная линия между старым и новым временем. Константин больше никогда не приносил жертв. И на двух скульптурных фризах Триумфальной арки, воздвигаемой сенатом в его честь, он велел убрать жертвенных животных, замыкавших свиту императора.

Позже историк-язычник осыплет Константина упреками «за пренебрежение святынями отцов». Отныне, по его мнению, начинается эра несчастий для Империи.

Константин, по свидетельству Евсевия Кесарийского, первого его биографа, уже был внутренне готов к революции в религиозной жизни страны. Но он не собирался в один день ломать вековые традиции. Он попросил епископа Осия передать христианам Рима, что их никто не станет больше преследовать за веру. По сути, этим он неофициально объявлял свободу вероисповедания.

*

Константин передал один из лучших дворцов города с его землями римскому епископу. Он распустил преторианцев, снес их казарму и на ее

месте воздвиг базилику, епископскую церковь и крестильную часовню.

Настроение Константина в ту пору помогает понять выпущенная им в 315 году серебряная монета. Эта самая известная из его монет приурочена к десятилетию его правления. На лицевой ее стороне — Константин в воинских доспехах. На его голове традиционная диадема августа — наиболее почитаемая часть его вооружения. А на ней явно выделяется знак, который заключает в себе истинный смысл монеты. Это монограмма Иисуса Христа: две пересекающиеся буквы: «X» и «P».

Монета подсказывает, какое событие выбрал Константин как наиболее важное за минувшие десять лет. На реверсе монеты изображен полководец, он стоит на возвышении и обращается к своим солдатам. В его руках скипетр с крестом. Эта сцена возвращает нас на три года назад, когда Константин, получив на берегу Тибра знамение свыше, обратился к солдатам с приказом начертать крест на щитах.

Скипетр с крестом будет постоянно встречаться и на более поздних монетах Константина. Крест над земным шаром — таков выразительный язык образов.

Римский сенат увековечил имя Константина, дав его величественной базилике на Форуме Романум. Она была только что закончена и должна была носить имя прежнего императора Максенция. В ее западном приделе возвели циклопических размеров статую Константина. До сего дня сохранились только ее фрагменты. Высота головы — более двух с половиной метров. Можно себе представить, какое впечатление на зрителя производил образ сидящего на троне императора.

Правая рука Константина, как свидетельствует историк, рассказывавший о создании статуи, сжимала «высокое копьё в виде креста». Об этом же говорит и оставленная самим Константином надпись: «Сим спасительным знаменем я вырвал город Рим, спас сенат и народ из-под ярма тиранического господства и восстановил их в прежней свободе и достоинстве». Константин снова и снова возвращается памятью к событиям на берегу Тибра, к битве у Мильвийского моста.

Этот крест-копье стал прообразом лабарума — личного знамени Константина, на котором будут стоять те же две буквы: «X» и «P».

*

Иногда обращение Константина в христианство связывают с 312 годом — годом его знаменитой победы над Максенцием под Римом. Но не надо

забывать, что Константин и в более поздние годы своей жизни был ярким сторонником культа солнца. Воскресенье он иначе не называл, как *dies solis* (день солнца). Культ «непобедимого Солнца», олицетворенного персидским богом Митрой, был серьезным соперником христианства и пользовался во времена Константина широчайшим распространением во всей Империи. Почитание бога Митры обеспечило Константину огромную популярность у населения всей Империи, как на западе, так и на востоке.

Так что обращение Константина в христианство правильнее связывать с самыми последними годами его жизни. Повторюсь, вся его жизнь была исканием Истины, и я полагаю, что он был честен в этих исканиях.

Объективности ради отметим, что некоторые историки Византии утверждают, будто прагматик Константин никогда не верил в Бога и лишь хитро использовал организационные возможности Церкви для укрепления своей личной власти. Иными словами, он как ловкий политик, решив обмануть и своих современников, и своих потомков, объявил себя искренне верующим, а на самом деле был скептиком в вопросах веры и предпочитал ту религию, из которой можно было извлечь больше пользы.

Сторонников такой точки зрения среди византологов много. Приведем высказывания лишь некоторых. Вот мнение французского историка XIX века В. Дьюри:

«Подобно Бонапарту, старавшемуся примирить церковь и революцию, Константин задался целью заставить жить в мире, один рядом с другим, старый и новый режим, благоприятствуя, однако, последнему. Он понял, в какую сторону шел мир, и помогал этому движению, не ускоряя его. Слава этого государя заключается в том, что он оправдал название, которое начертал на своей триумфальной арке: *quietis custos* (страж покоя)... Мы попытались проникнуть в глубину души Константина и нашли в ней скорее политику, чем религию».

*

Да, подобных скептических высказываний много. Но по сути, они повторяют идею самого, пожалуй, яростного критика Константина — популярного немецкого историка середины XIX века Якоба Буркхардта. Его нападки на первого христианского царя изложены ярким языком и полны утверждений, претендующих на истину в последней инстанции. Так может писать человек, проживший немало времени рядом со своим героем. Работы немецкого историка сильно повлияли на формирование

общественного мнения об основателе Византии.

По словам Буркхардта, Константин — это «эгоист в пурпуровом одеянии, который все, что делает и допускает, направляет к возвышению своей собственной власти».

Сочинение Евсевия о Константине (один из главнейших источников жизни и биографии императора) Буркхардт называет «совершенно недостоверным». В своей книге «Время Константина Великого» (Лейпциг, 1898) Буркхардт пишет:

«Часто пытаются проникнуть в религиозное сознание Константина и начертать картину предполагаемых изменений в его религиозных воззрениях. Это совершенно напрасный труд. Относительно гениального человека, которому честолюбие и жажда власти не оставляют спокойного часа, не может быть и речи о христианстве и язычестве... Такой человек по существу совершенно безрелигиозен... Поняв, что в христианстве заключается мировая сила, он воспользовался им именно с этой точки зрения. В этом и состоит самая великая заслуга Константина».

Позволю, однако, не согласиться с господином Буркхардтом. Есть, по крайней мере, весьма серьезный контраргумент, показывающий уязвимость его точки зрения. Многие византологи сходятся во мнении, что во времена Константина христиан и в обществе, и в структурах власти было явное меньшинство. Преобладание сторонников язычества было многократным. Например, профессор В. Болотов считает преобладание язычников в Империи Константина десятикратным. «Всякое представление, — пишет он, — что христиан было более 10 процентов в массе населения, явно рискованно».

Но мог ли Константин как серьезный политик строить свою стратегию, делая ставку на десятую часть населения страны? Причем — часть весьма пассивную, часто не желающую вмешиваться в общественную жизнь? Нет, конечно!

В том-то и состоит гениальность Константина, что он каким-то шестым чувством учуял, что в БУДУЩЕМ, уже после его смерти, христианство станет главным скрепляющим элементом разношерстной и разноплеменной державы.

Но значит ли это, как уверяют многие, что именно политика была причиной личного обращения Константина к христианскому Богу? Сей вопрос для меня так и остается открытым...

Торжества по случаю своей победы у Мильвийского моста Константин сделал непопулярными. Его больше занимали дела по устройству нормальной жизни Рима. Шесть лет правления Максенция принесли много зла.

Первым делом Константин преобразовал сенат, превращенный бывшим августом в рассадник интриг и заговоров. Он ввел в сенат глав многих провинций и тем самым подтолкнул его к решению насущных проблем населения.

В своей речи перед сенатом он поклялся сохранять его старинные привилегии. Но при этом тонко намекнул на то, что отныне это будет всего лишь совещательный орган, лишенный права вмешиваться в решения императора.

Явным подтверждением того, что Рим отныне утрачивает свое былое главенство, стал указ Константина о переводе в Галлию преторианской гвардии. Ее легионы теперь были разбросаны вдоль всей границы по Рейну, что лишало преторианцев возможности устраивать кровавые мятежи, которыми они всегда славились.

Константин возвратил законным владельцам поместья, нагло конфискованные Максенцием. Облегчил доступ к себе граждан всех сословий. Все эти справедливые и благоразумные меры вызвали общее одобрение. Не случайно поэтому на Триумфальной арке, возведенной в центре Рима в честь Константина, по распоряжению сената были начертаны слова: «Освободителю столицы. Учредителю нашего благоденствия».

Сенаторы передали Константину письма императора Дазы, который неоднократно требовал от римского сената утвердить его первым августом государства. Можно представить себе ярость Дазы, когда он узнал, что за освобождение Рима от тирана Константин удостоен сенатом звания первого августа Империи.

Триумфальная арка Константина — единственный полностью сохранившийся до наших дней памятник первому христианскому императору. Грандиозная постройка двадцатиметровой высоты из белого мрамора когда-то сияла разноцветными красками, создавая у зрителя

впечатление победного императорского великолепия. Поскольку времени у художников и скульпторов было очень мало, они использовали прежние произведения из жизни былых императоров: Адриана, Марка Аврелия, Траяна...

И вышло так, что в трех композициях Константин вместо своих предшественников приносит жертву языческим богам. Две сцены Константин велел заменить, а третью, где он поклоняется богу солнца, все-таки оставил. Потому ли оставил, что хотел пощадить религиозные убеждения большинства своих подданных? (Ведь и римский сенат, столь ласково встретивший нового императора, еще долгое время в большинстве своем состоял из приверженцев старой веры.)

Или Константин оставил эту сцену, так как считал, что вера в Христа может сочетаться с поклонением богу солнца?

Вряд ли кто сегодня даст однозначный ответ.

И все же один оригинальный барельеф, охватывающий Триумфальную арку в ее верхней части, был выполнен. В шести сценах он изображает подвиги освободителя города, в том числе и битву при Мильвийском мосту, и торжественный его вход в Рим, и его обращение на Форуме к своим солдатам. В одной из сцен Константин уподоблен солнцу, сияющему яркими лучами. Триумфальная арка словно говорила: на землю снизошел истинный бог, «основатель мира».

*

В течение 312 года Константином были написаны три письма, адресованные в Африку христианским общинам. Он сообщал, что конфискованная у них собственность им возвращается, что через епископа Карфагенского церквям будут сделаны щедрые пожертвования, что духовенство освобождается от службы государству.

В своем третьем послании император прямо пишет: для государственности возникла большая опасность вследствие пренебрежительного отношения к почитанию Бога, и напротив, обращение к Высшему Имени принесло наибольшее счастье. (Опять он имеет в виду свою победу у Мильвийского моста.) Константин наставляет духовенство: своей посвященной Богу службой вы даете максимальную выгоду всем.

Чудовищные события эпохи гонений на христиан в одном из своих писем император представляет частью суда Божьего. Божество дало почувствовать свой гнев потому, что пренебрегли христианским

богослужением. А когда оно будет полностью восстановлено, пишет он, то это принесет всей стране процветание.

Эту мысль Константин будет повторять многократно.

*

После взятия Константином Рима Империя еще более четко разделилась на две части — запад и восток. На востоке правили Даза и Лициний. Искать союза с Дазой было бесполезно, тот ненавидел Константина, и любое соглашение с ним было бы хрупкой иллюзией. Оставался Лициний — тот самый, кто когда-то спас Константина, предупредив о готовящемся на него покушении Галерия в Альпах. И в скором времени союз с Лицинием станет важным дипломатическим успехом Константина.

312 год был воистину переломным в истории Империи. Триумфальная победа Константина на берегу Тибра в корне изменила расстановку сил в государстве.

Напомню, что право законодательства, которое по традиции принадлежало в Империи самому старому августу, сенат отдал Константину. И тем самым провозгласил его первым императором. К нему перешло общее руководство страной, в том числе и религиозная политика.

Это было явным ущемлением прав августа Востока Дазы, который был старше Константина и раньше него получил титул цезаря. Даза отказался от своих претензий на власть, но, как мы вскоре увидим, сделал это лишь для вида.

Глава 14

МЕДИОЛАН

В Риме Константин провел не более двух месяцев. В конце 312 года с семьей, двором и большей частью армии император переехал в Медиолан (ныне Милан).

Здесь в марте 313 года Константин издал свой знаменитый эдикт о веротерпимости, позже названный историками Медиоланским. На многие века он стал основополагающим документом по вопросам религии. Суть его выражена в строках:

«...Мы, заботясь о благе и пользе подданных, решили предоставить как христианам, так и всем прочим гражданам полную свободу жить в той вере, в какой кто хочет и которую считает наилучшей для себя самого, чтобы высшее Божество было благорасположено к нам и ко всем, которые находятся под властью нашей, и чтобы оно могло и далее дарить всем нам свою милость и благосклонность...

Мы постановили... что вообще не следует никому отказывать в выборе, если кто-то предал мысли свои богопочитанию христианскому или религии, какую счел для себя наиболее подходящей...

Мы постановляем, чтобы каждый из тех, кто питает стремление к религии христианской, отныне законно и открыто, без какого бы то ни было беспокойства и тревоги для себя, почитал ее... Вместе с тем... нами было решено и другим дать возможность так же открыто и свободно соблюдать свою религию, да успокоится от этого время наше, и чтобы каждый имел добрую волю выбрать себе веру...

Мы не желаем, чтобы отныне умалялось право каждого почитать любую религию...»

Далее в эдикте говорилось о возвращении христианам всех церквей, молитвенных домов и имущества, которые были у них отобраны. То же самое касалось и захваченных у христиан земель, при этом указывалось, что если эти земли уже кому-то проданы или подарены, то «пусть он уповает на возмещение убытков от нашей милости».

Медиоланский эдикт дошел до наших дней в двух вариантах. Первый был опубликован в Палестине и включен Евсевием в его «Церковную историю». Другой опубликован в Никомидии. Различия между ними невелики, разве что вместо «высшего Божества» говорится: «всё что есть

Божественного на небесах». Эту поправку в никомидийском варианте приписывают Лицинию, убежденному солнцепоклоннику.

Но суть, конечно, не в этом. Отныне все указы о гонениях на христиан и законы, ограничивающие их свободу, отменялись. Подобные ограничения признаны ошибочными и «чуждыми императорской доброте».

Важно отметить, что эдикт 313 года объявлял христианство равноправным с язычеством. Забегая вперед, скажем, что лишь десятилетие спустя Константин признает христианство единственно истинной верой, а язычество — заблуждением. И тем не менее, до самой смерти Константина, до 337 года, язычники (за редкими исключениями) не испытывали особых притеснений: они могли поступать на государственную службу, могли молиться в своих церквах...

*

Здесь хотелось бы остановиться на одной довольно распространенной ошибке. Не раз приходилось слышать такое утверждение: Константин, мол, провозгласил господство христианства и поставил его первым в ряду прочих религий. Это неверно.

Эдикт Константина провозгласил веротерпимость ко всем религиям. Толерантность.

Эту мысль подтверждает письменное распоряжение императора Константина, направленное префекту Никомидии. По сути, оно разъясняет смысл эдикта и передает его иными словами. Прочитируем это письмо:

«...Твоей светлости должно быть понятно, что всякий, кто хочет соблюдать христианскую веру, пусть соблюдает ее свободно и искренно, без всякого беспокойства и затруднения. Мы заблагорассудили объявить это... как можно обстоятельнее... Вместе с этим и для других предоставляется открытое и свободное право соблюдать свои обычаи и свою веру, чтобы всякий пользовался свободой почитать то, что избрал. Так определено нами с той целью, чтобы не казалось, будто мы хотим унижить чье-либо достоинство...»

Итак, в 313 году впервые в истории христианская вера была взята под защиту государства. Но — еще раз подчеркнем — государство не отрекалось и от всех прочих культов.

Есть в обоих вариантах Медиоланского эдикта одна очень важная фраза, которая помогает понять причины обращения Константина к

христианской вере. Речь идет о его личном опыте. Константин говорит о «божественной благосклонности, которую мы узнали в таких больших наших делах и которая в будущем обеспечит благоденствие государства». Это в духе Константина. Осознав и оценив значение свободы выбора, он спешит предоставить эту свободу своим подданным.

И здесь же проводится мысль, которую Константин впоследствии будет неоднократно повторять: религия — это культ, и от правильного его соблюдения зависит судьба государства. Он как бы предостерегал последующие поколения и страны. Жаль, что не все его услышали.

*

Юбилейная монета Константина, копье-крест в руках его статуи, его африканские письма, наконец, эдикт 313 года — все они так или иначе связаны с чудесной победой в неравном бою у Мильвийского моста. Все они свидетельствуют: решение Константина является глубоко осознанным, и Константин будет за него стоять до конца.

Начинался новый этап его жизни. Он уже правил как первый христианский император. Таким его имя навсегда войдет в историю.

Медиоланским эдиктом Константина всем префектам и управляющим на местах было строжайше предписано ни под каким видом не допускать притеснения христиан. Христиане могли отныне свободно совершать богослужения. Им возвращались все гражданские права.

«Так как мы знаем, — говорилось в эдикте Константина, — что христиане имели во владении не только те места, в которых они обыкновенно собирались, но и другие, составляющие собственность не частных лиц, а достояние целого общества, то и эти мы приказываем возвратить христианам».

То есть впервые христианская община получала права юридического лица. Это обстоятельство создавало совершенно новое положение для христианства в юридическом смысле.

Константин освободил священников, подобно языческим жрецам, от государственных повинностей и податей. Он наделил всех граждан правом делать завещания в пользу Церкви, тем самым впервые за Церковью признавалось право наследования.

Были даны и неведомые ранее полномочия епископским судам. Их решения должны были признаваться окончательными, даже если дело уже было начато в гражданском суде.

Были открыты двери многочисленных тюрем и рудников, освобождены тысячи людей, осужденных за их веру.

Казалось, что Диоклетианов век канул в прошлое.

*

Самое величественное сооружение Рима — собор Святого Петра — построен в XVI веке. Но во время недавних раскопок под ним были открыты более древние фундаменты, положенные в начале IV века, при Константине. Это весьма символический факт. Нынешний мир покоится на фундаменте, заложенном Константином Великим.

Эдикт 313 года был составной частью великого плана Константина по созданию единого и могучего государства. В этом плане христианской Церкви отводилась не менее важная роль, чем армии.

Но эдикт предписывал не допускать притеснений и других верующих. Однако, забегая вперед, скажем, что последователи Константина переусердствовали. И гонения на тех, кто не принял христианство, через много лет выльются в страшную религиозную резню, которая унесет миллионы жизней приверженцев разных конфессий.

В V веке на острове Филае, в Египте, «христиане» забьют камнями сотни беженцев, не желающих принять христианство. Знаменитую библиотеку в Александрии «христиане» сожгут дотла как рассадник язычества...

*

Константин собирался в очередную инспекционную поездку по стране, когда шпионы ему донесли, что Даза готовит заговор с целью его убийства. Пришлось на время остаться дома.

Ежедневно во дворец Константина являлись добровольные доносчики, называя имена заговорщиков. Из перехваченных писем также вырисовывалась зловещая картина. Огромные деньги уже были потрачены агентами Дазы на подкуп стражи. Убийство Константина и захват власти намечались со дня на день... Благодаря многочисленным арестам этот дерзкий заговор удалось сорвать.

Именно в такой драматический момент Константин принимает

решение, которое изменит расстановку сил в верховном триумвирате Империи. Он предложил свою единокровную сестру, Констанцию, в жены императору Лицинию. Тот сразу же согласился. Единственным условием Лициний поставил, чтобы этот брак Запада и Востока был заключен не в Риме, а где-то на более нейтральной территории. Медиолан его устраивал.

Свадьба юной Констанции и августа Лициния, годившегося ей в отцы, если не в дедушки, была пышной. Это важнейшее политическое событие года приехали торжественно отметить в Медиолан все цари и высшие наместники всех провинций Империи с великолепными дарами для новобрачных. Как мы помним, на эту свадьбу был зван и бывший правитель Диоклетиан, но он не прибыл, сославшись на плохое здоровье...

Великолепием свадьбы была довольна даже Фауста, которая поначалу категорически не хотела ее проведения в «захолустном» Медиолане.

Глава 15

ФРАКИЯ

Узнав о заключении этого политического брака, старший август Востока Даза счел его предательством со стороны своего соправителя Лициния. Даза дождался, когда Константин увел свою армию на север Галлии, где в очередной раз восстало одно из племен франков, и предпринял молниеносное наступление на земли Лициния. Дазу не смутило даже то, что время для ведения такой масштабной войны было самое неподходящее. Стояла зима, и из-за ливней, грязи и холода погибли почти все вьючные животные в его армии, когда она еще была на своей территории. Несмотря на это, Даза переправился через Босфор и осадил Византий. Город-крепость, защищаемый горсткой солдат, продержался одиннадцать дней.

Лициний тем временем, не слишком торопясь, привел свое войско к Адрианополю во Фракии (ныне турецкий город Эдирне). С ним было тридцать тысяч солдат, у Дазы имелось семьдесят тысяч.

Как пишет Лактанций, Даза назначил битву за день до майских календ, то есть на 30 апреля. На следующий день он хотел отпраздновать свою победу над Лицинием одновременно с восьмой годовщиной наречения его самого цезарем.

Накануне битвы Даза «дал такой обет Юпитеру, что если он одержит победу, то истребит имя христианское и уничтожит его до основания».

Наступление первым начал Даза. Две армии разделяло пустое и голое поле, которое называли Серены (поэтому сражение вошло в историю под именем битвы на Серенских полях). Когда воины Дазы достигли середины того огромного поля, навстречу им выехал Лициний с небольшой свитой и попросил вызвать императора Дазу для переговоров. Оба августа остались наедине, и Лициний предложил заключить мир. В ответ он услышал решительный отказ:

— Нет, у меня совсем другие планы — сегодня победить тебя, предатель, а завтра — усилить свою армию твоими солдатами и двинуть дальше, на этого ублюдка Константина...

И вот с обеих сторон загудели трубы, взметнулись знамена, засверкали мечи, полетели стрелы. Как ни странно, при явном численном

превосходстве солдаты Дазы стали вскоре отступать. Видя это, Даза принялся кружить по полю сражения и склонять воинов Лициния на свою сторону, одаривая их щедрыми подарками. Эффект вышел обратный: солдаты Лициния, придя в ярость и негодование от такой наглости, стали сражаться с *еще* большим воодушевлением.

Понеся большие потери, войска Дазы бежали с поля боя, многие сдались. Историки объясняют это странное, казалось бы, поражение тем, что солдатам Дазы никто не объяснил, за что они сражаются и почему они должны убивать своих недавних союзников.

Сам Даза, увидя поражение своей армии, снял с себя порфиру и, облачившись в одежды раба, бежал. Он переправился через Босфор и уже через день был в Никомидии. Там он взял с собой жену, детей, небольшую дворцовую свиту и умчался в сторону Евфрата. Только достигнув Каппадокии, провинции на восточной окраине Империи, он решился вновь облечься в царские одежды и принялся собирать новое войско.

*

Лициний тем временем собрал под свои знамена солдат Дазы и с умноженной вдвое армией преследовал врага. Он настиг его в Тарсе, городе на юго-востоке Малой Азии, на берегу Средиземного моря, и взял его немногочисленное войско в плотное кольцо. Далее свидетельства историков расходятся: одни уверяют, что Даза был отравлен кем-то из приближенных; иные — что он отравился сам. Но и те и другие сходятся в том, что Даза принял ужасную смерть.

Яд убил его не сразу, но боль была столь нестерпимой, что в течение четырех дней он рыл руками землю и пожирал ее, дико ревя, подобно зверю. И бился головой о стену, пока глаза его не вылетели из орбит...

Говорят, что перед смертью он помянул имя Христа и прорычал нечто вроде раскаяния, после чего испустил дух.

Описывая жуткую кончину Дазы, историк Лактанций проводит ту же мысль, что и в рассказе о смерти Галерия: это кара Господня за непомерные грехи.

Константин, по свидетельству Евсевия, расценил смерть Дазы как очередной знак свыше.

— Ваш Бог защищает меня, — сказал он священнику.

— НАШ Бог, император, — поправил тот.

В целом всю военную кампанию своего родича Лициния Константин воспринял с одобрением, но он был поражен известием о необъяснимой жестокости своего союзника по отношению к родне Дазы.

Лициний приказал казнить даже восьмилетнего сына и семилетнюю дочь Дазы, а их мать велел утопить в реке — той самой, где по ее приказу часто топили целомудренных женщин, отказывавшихся отдаться ее распутному мужу, императору Дазе. Такие были времена...

Заканчивался 313 год. Из шести прежних соправителей Империи остались двое.

*

Имея в своем подчинении огромные территории, Константин вскоре понял, что один он не справляется. Крисп подавал большие надежды, но ему еще не было и двадцати — маловато для цезаря. И Константин стал подыскивать себе помощника. В сенате ему назвали имя богатого и знатного римлянина — Басиана, род которого был известен многими политиками и сенаторами. Константин приблизил к себе Басиана и пообещал ему титул цезаря. Но для начала назначил его исполняющим обязанности правителя Италии и Африки. Басиан очень скоро показал себя дельным руководителем, и Константин, желая еще более упрочить их связи, выдал замуж за Басиана свою единокровную сестру Анастасию, дочь Феодоры. Вскоре Басиан был провозглашен цезарем.

Однажды во время шторма в Черном море императорская галера спасла от гибели тонущий корабль. Он принадлежал брату Басиана, торговцу, который вез товары из Италии в восточные края. Солдатам удалось спасти деревянную шкатулку с документами и письмами. Капитан тонущего корабля почему-то пытался утопить ее в море. В шкатулке было найдено письмо Басиана к Лицинию.

Когда Константин прочел его, он понял, что против него готовится заговор. В письме оговаривались детали. Итак, заговорщиками были... мужья двух его сестер — Констанции и Анастасии. Константин велел арестовать Басиана в Риме и привезти его к себе. Через две недели тот в цепях был доставлен к императору. Но еще раньше во дворец стали приходить доноски и называть имена других участников заговора. Их было немало. Лициний и Басиан в случае успеха многим обещали награды и должности.

Для Константина все это оказалось полной неожиданностью. Говорят,

именно после этого потрясения его характер стал портиться, а его подозрительность, даже к самым близким людям, стала чрезмерной.

На допросе Басиан поначалу вел себя дерзко. Ему зачитали строки из его собственного письма о золоте, которое должен был прислать Лициний для подкупа армии Константина. Но и после этого Басиан продолжал спорить с императором.

— Чего тебе не хватало, Басиан? — спросил Константин. — Я сделал тебя третьим человеком в Империи. Но как быстро ты забыл, что еще совсем недавно был никем...

— Я никогда не был «ником», в отличие от других, — опять Константину намекали на то, что он считался незаконнорожденным.

— Но почему твое знатное происхождение позволило тебе с такой легкостью стать предателем?

— Страной должны править те, кто имеет благородное происхождение, — все еще горячился Басиан. — А ты набрал в сенат простых крестьян и торговцев.

— Да, Басиан. И пока я здесь сижу, эти крестьяне будут сенаторами. Потому что они благороднее тебя. А ты отправляйся на эшафот. — Константин кивнул секретарю: — Занеси в протокол — бывший цезарь Басиан приговорен к смертной казни.

Басиан изменился в лице. Он кинулся императору в ноги, вымаливая прощение. Но тот был неумолим...

*

Как же теперь Константин должен был поступить со своим родственником и соправителем Лицинием? Долго размышлять над этим не пришлось, Лициний сам все решил за обоих. Узнав о казни Басиана, он сразу же повел себя дерзко. Лициний приказал разрушить статуи Константина вдоль границы между их владениями и вместо них поставить свои изображения. Это был откровенный вызов, и Константин принял его. Он приказал десятитысячной галльской армии, возглавляемой Эроком, незамедлительно подойти к Сирмию, резиденции Лициния, с севера, а сам с таким же по числу отрядом кавалерии стремительно зашел с юга.

Лициний встретил их с сорокатысячным войском. Как всегда, Константин вступал в бой в меньшинстве. Но умно выбранная позиция (среди холмов, до поры скрывавших часть конницы) дала ему преимущество. Неожиданно окруженная с трех сторон армия Лициния

была загнана кавалерией Константина в овраг и уже вскоре после начала битвы в беспорядке отступила.

Сын Константина Крисп блестяще проявил себя в бою. Его конный отряд был лучшим. После сражения Константин торжественно присвоил ему звание первого трибуна. Сын был возведен в этот высокий ранг на два года раньше отца.

Преследуя остатки армии Лициния, Константин часто встречал разоренные церкви. Из разговоров с прихожанами он сделал вывод, что христиане на востоке подвергались гонениям при Лицинии с той же жестокостью, что и при Галерии.

Догнать противника в его столице Константину не удалось. Из Сирмия тот улизнул, захватив все самое ценное. Было ясно, что Лициний ушел на восток, чтобы собрать новое войско. Это он мог сделать в Египте или Сирии. Константин на чужой территории такой возможности был лишен.

*

Перед тем как повернуть свои войска назад, он вместе с Криспом заехал в Наисс, город, в котором родился и провел детство. Его родной дом почти не изменился. Ту ночь он провел в своей комнате. Воспоминания юности нахлынули на него. Он понял, что еще любит свою первую жену Минервину, мать его первенца, который сейчас спал в соседней комнате. Константин вошел к сыну, слегка коснулся его мягких, пшеничного цвета волос, и они напомнили ему Минервину — нежную, ласковую. Только сейчас Константин осознал, что мать Криспа обладала редкой добротой, умела тонко понимать чужую душу, всегда была искренней. Ах, как сильно на ее фоне проигрывала Фауста — с ее жеманством, неумным самолюбием, с патологической, абсолютно неженской жадой власти...

Здесь, в своем родном доме, он понял, что тогда, двадцать лет назад, он, простой солдат, влюбленный в простую девушку, был счастливее, чем теперь. Не много же он приобрел, став владыкой чуть ли не всей Римской империи.

Когда поутру Крисп проснулся, он услышал от отца, что с сегодняшнего дня назначается цезарем Британии, Галлии и Испании.

— Ты рад, цезарь? — с улыбкой спросил Константин.

Ошеломленный Крисп не знал, что ответить. Он хотел было кинуться к отцу в объятия, но сдержался. Император сам привлек его к себе и потрепал золотые кудри сына, пряча от него глаза, в которых блестели

слезы радости и в то же время огорчения. В эту минуту он горько сожалел, что судьба оторвала от него любимого сына и большую часть жизни они проведут порознь.

Крисп, как и требовала в этом случае традиция, встал перед отцом на колени, положил его руку себе на голову и торжественно поклялся:

— Именем Аполлона обещаю доказать, что я достоин твоего высокого доверия, доминус!

Константин послал к Лицинию гонца с предложением мира. Условием мира он ставил передачу ему во владения Греции, Македонии, Дакии, Далмации. Лициний принимал его условия. В тот же день был подписан договор. Этот непрочный мир позволил на несколько лет отсрочить еще одну большую войну между востоком и западом.

Побежденный Лициний, однако, осмелился к условиям договора прибавить одну свою просьбу — чтобы ему было позволено провозгласить цезарем своего сына Лициниана. Константин не возражал. Во-первых, он сам только что провозгласил своего сына цезарем. А во-вторых, сыну Лициния не исполнилось еще и двух лет.

Но именно с этого момента римский престол станет передаваться по наследству. Эпоха Диоклетиана, когда император выбирал себе преемника, кончилась.

Шел 315 год от Рождества Христова. На девять лет между двумя августами — Константином и Лицинием — установилось хрупкое перемирие. В эти годы под властью Константина были три четверти Империи. И он занялся активными преобразованиями в подвластных ему территориях.

*

Он разделил страну на префектуры, а те — на провинции, поставив во главе их префектов и проконсулов.

Он ввел первую в истории «табель о рангах» — деление высших чиновников и аристократов на сиятельных, почтеннейших и светлейших. В первую категорию попадали самые высокие чины: патриции, префекты, дворцовые магистраты.

Он разделил гражданские и военные должности. Военное дело теперь было в ведении двух магистров армии: магистра конницы и магистра пехоты.

Он поделил армию на пограничные и маневренные войска.

Он узаконил самое суровое наказание за взятки и вымогательство вплоть до сожжения на костре.

Для похитителей детей и для отцеубийц он придумал весьма радикальное наказание — преступников зашивали в мешок с ядовитыми змеями и бросали в море или пропасть.

Он отменил казнь через распятие.

Константин издал указ, дававший право городскому населению во время цирковых представлений выражать свое одобрение или неодобрение деятельностью властей. (Указ этот сыграл важную роль в создании целой системы так называемых «димов» — партий цирка, ставших, по сути, политическими организациями.)

Он запретил привлекать крестьян в страдную пору к чрезвычайным работам.

Он ввел наказание за ложные обвинения.

Он отменил наказание женщин за безбрачие.

Он узаконил отпущение рабов, производимое в церквах, как это делалось раньше в языческих храмах.

Он запретил разделение семей рабов при их продаже.

Он освободил священников от личных повинностей, а Церковь — от многих податей.

Он наделил священников правом вершить гражданский суд, если обе стороны были согласны на это.

Он запретил насильно привлекать христиан на языческие празднества. Но так же запретил и какие-либо репрессии против язычников. Еще долгие годы в Риме существовали культы Аполлона, Геркулеса, Адониса и Митры. Язычники по-прежнему беспрепятственно могли занять любые, самые высшие должности. Это и было истинной веротерпимостью.

Константин ввел закон, ограничивающий право хозяина раба на его убийство и на чрезмерно жестокое обращение с рабом.

Еще одним законом он отменил запрет на браки между рабами и свободными гражданами. Но одновременно ввел суровое наказание за любовную связь замужней женщины со своим рабом.

Он взял под императорское покровительство детей-сирот.

Он запретил кровавые игрища в цирке.

Ввел праздник воскресного дня — в честь воскресения Христа...

В его указе 315 года читаем:

«Если кто к рудникам приговорен, не должен получать клеймо на лице.

По подобию небесной красоты созданный лик не должен быть испорчен».

В том же году Константин издал закон, который позже был назван одним из самых прекраснейших законов вообще. Он предписывал, что каждый заключенный имеет право хотя бы раз в день видеть солнечный свет.

Глава 16

ДОНАТОВ СПОР. ПОРАЖЕНИЕ

Свои громкие военные победы, одержанные при значительном численном перевесе противников, Константин приписывал провидению Божьему. Евсевий отмечает, что в размышлениях Константина частенько проскальзывала та мысль, будто Всевышний творит историю через отдельных своих избранников, и одним из них является он сам, Константин.

Сознание своей богоизбранности временами приводило его к явным оплошностям. Не стоит забывать, что Константин прежде всего был воином. Его познания, особенно в таких сложных сферах, как теософия, были весьма скудными. Тем не менее он дерзко решил вмешаться в первый же крупный конфликт, возникший внутри христианской Церкви. Это был так называемый донатистский или донатов спор.

Здесь необходимы некоторые пояснения. Во времена гонений на христиан было немало священников, которые отреклись от веры, отдали на поругание церковные сосуды и священные книги. Их называли отрекшимися. Но были и те, кто стойко перенес все испытания. Они образовали как бы особую церковь — церковь мучеников. Во главе ее стоял карфагенский священник Донат, красноречивый оратор и страстный публицист.

Донатисты поставили под сомнение действенность церковных таинств, если их проводил священник, некогда предавший веру. Этой бескомпромиссности «церкви мучеников» противостояло более снисходительное отношение к «отрекшимся».

Спор между «донатистами» и их противниками охватил все общины Северной Африки, бывшей теперь в подчинении Константина. Конфликт, однако, мог бы вскоре затихнуть, если бы не вмешался Константин. Не долго думая, он принял сторону противников Доната. Непримируемость донатистов была ему не по нутру, он предпочитал решать споры путем компромисса.

Спор со вступлением в него императора разгорелся с новой силой и принял характер настоящего раскола. По инициативе Константина Донат был отлучен от Церкви.

В начале 316 года (как свидетельствует Опат Милейский в трактате

«Против донатиста Пармениона») Константин в своем послании к викарию Африки Цельсу просто учит священников, как надо служить Всевышнему, и откровенно угрожает им:

«Я покажу своим приговором этим донатистам, какое почитание подобает Богу и какой вид богослужения доставляет ему радость... Я выведу на свет Божий, что скрывают эти глупые и неразумные люди. Тех, кто совершает дела, противные воле Божьей, я уничтожу и раздавлю. Для меня нет ничего более важного, чем разрушить все заблуждения и заботиться о том, чтобы все исповедовали истинную религию».

Право решать, что есть «истинная религия» и что таковой не является, Константин оставляет исключительно за собой.

Не очень-то большая терпимость проявлена им в отношении к донатистам — тем же христианам, только имеющим дерзость остаться при своем мнении.

Вообще говоря, это удивительное по откровенности послание. Наверняка тот же Евсевий знал о нем, но утаил от потомков. Это и понятно: он был панегиристом Константина и сильно идеализировал императора.

*

Дальше — больше. Искра, раздутая Константином в пожар, привела к серьезным беспорядкам в Северной Африке. Императору пришлось вести свою линию до конца. Донатистские церкви были закрыты, епископы изгнаны. Это был первый в истории случай применения механизма преследования со стороны Римского государства в пользу христианской Церкви. Окончился он провалом.

К донатистам примкнули странствующие монахи. Донатисты захватили в свои руки многие церкви, в том числе базилику в Константине — городе на севере Африке, названном в честь императора. Сам Донат стал национальным героем. Его рукописи переписывались и передавались верующими по цепочке. Одна из них была озаглавлена так: «Что общего имеет император с церковью?»

Сегодня, с высоты XXI века, так легко произнести: это было очевидное фиаско императора.

А если бы он одержал победу?

Или нет, лучше другое «если» — если бы он вовсе не вступал в этот спор? Тогда (дерзну предположить) вся история большей части Евразии могла бы сложиться иначе. Могла быть не столь кровавой...

Но есть и третье «если» — самое, может быть, важное. Если бы в Империи победил донатизм, главная идея которого — отделить Церковь от государства?.. Впрочем, История не знает сослагательного наклонения.

*

Да, полководец и политик Константин на той стадии своего восхождения на Олимп Истории не был готов к роли первосвященника Империи, которую он столь решительно на себя взял. Империя потом долго платила по его счетам: религиозные споры стали тяжким грузом для внутренней государственной политики.

Но поражение, которое Константин понес в донатистском споре, многому его научило. Он всегда умел извлекать уроки из собственных ошибок. Как-то вдруг, для многих неожиданно, он стал терпимее по отношению к донатистам. Он позволил вернуться из ссылки многим их епископам, возвратил отобранные у них церкви.

Чересчур велеречиво (что, впрочем, и говорит о его смущении) он попробовал обосновать свою неожиданную линию поведения в послании к епископам Африки:

«К чему обязывает вера и что может творить чистота, я, как вы знаете, попытался сделать в своей службе человечеству. Поэтому по нашим законам мир священного братства, милость которого Бог вложил в сердца своих рабов, должен всегда сохраняться благодаря всеобщему согласию...»

Всеобщее согласие — вот чего он ждал от христианства. С самого начала он был под гипнозом силы и власти Церкви. Церковь для него была прежде всего Организацией. И он хотел поставить ее на службу своей Империи, своей власти. Легенда приписывает Константину слова: «Приставь лестницу и взбирайся один на небо».

*

Известный критик Константина, немецкий историк XX века Эдуард Шварц, писал о нем так:

«Его государственный ум признал в строгой организации Церкви уже готовый инструмент, который нужно было только взять, чтобы получить подданных и помощников своей монархии, которые бы служили императору как человеку Божьей воли».

Шварц (как, впрочем, и многие другие) отрицает искренность религиозной веры Константина и подчеркивает чисто прагматический его подход к христианству. За два века до него ту же мысль высказал и Вольтер.

«Лучшим адвокатом Константина был и остается Евсевий. Для него первый византийский император — самый что ни на есть верный слуга Всевышнего, божественный из божественных. Он писал о Константине, что тот «видел свою великую цель в обновлении мира через религиозное обновление».

Если так, то, забегаая вперед, скажем, что Константин своей великой цели не добился.

Наоборот, сделав внутренние проблемы Церкви делами государства, он сильно усложнил и без того непростую жизнь Империи. Мало ей было своих светских раздоров и бесконечных наскоков варваров со всех четырех сторон света. Тут еще добавились религиозные споры, сложнейшие по своей философской сути и малопонятные для широкой публики.

Пожалуй, и для самого Константина, с его поверхностным теологическим образованием, философия этих споров не до конца была ясна.

Критики Константина правы: решая церковные проблемы, он ставил превыше всего политическую актуальность, а отнюдь не религиозную суть вопроса. Но чего иного можно ждать от человека, который политическую актуальность ставит не только выше религиозных споров, но выше интересов своих детей и своей семьи?

*

Жизнь Константина была исканием Истины. Нашел ли он ее? Не знаю. Но уверен, что главное его открытие человечество упорно не желало признавать в течение многих веков.

Веротерпимость, толерантность — вот фундаментальный итог духовных исканий Константина. Главный его завет. Его автограф на скрижали мироздания.

Признав, уже ближе к смерти, христианство главной религией Империи, Константин не позволял (за редкими исключениями) притеснять сторонников других культов. Он помнил, что сам не так давно поклонялся древним римским богам. Язычество и христианство при Константине мирно уживались. Пройдут столетия, и мир узнает, что такое ужасы межрелигиозных конфликтов. Но, увы, даже познав их, упрямое

человечество не захочет вспоминать завет Константина. Не хочет оно вспоминать его и сегодня, семнадцать веков спустя...

*

Константина мало трогали выпады его критиков. Он продолжал активные преобразования в своей Империи.

В своей налоговой политике Константин исходил из все возрастающей потребности в деньгах для армии, администрации и двора. Кроме привычного подушного налога он ввел целевые подати для всех трудоспособных. Сенаторов он обязал платить налог в зависимости от размера их землевладений. Высшая городская знать каждые пять лет, к юбилею его правления, платила так называемое коронное золото в виде золотых венков или золотых монет. А торговцы тот же коронный налог вносили золотом в зависимости от товарооборота.

И только низшим слоям были даны серьезные послабления. Константин старался быть их заступником. В его указе 316 года сказано:

«Если сборщик налогов или прокуратор жестоко обойдется с кем-то, тот должен без раздумий подать жалобу на его издевательство и грабеж. Если эта жалоба соответствует действительности, мы предписываем, чтобы чиновник, который позволил себе нечто подобное в отношении провинциала, был публично сожжен».

Иногда в своей активной законотворческой деятельности Константин выглядит романтиком. Один из его указов гласит:

«Любой человек, какого бы сословия и ранга он ни был, который сможет доказать, что мои судьи, высшие чиновники, друзья или придворные совершили что-то несправедливое и несправедливое, пусть безбоязненно приходит и обращается ко мне. Я лично сам все выслушаю и расследую.

Если выяснится, что это правда, я сам отомщу тому, кто до сих пор меня обманывал. Того же, кто представит доказательство, я вознагражу званиями и имуществом. И этого, да хранит меня всемогущий Бог, я буду придерживать для счастья и процветания государства».

Историки, к сожалению, умалчивают о том, много ли жалобщиков обращались лично к Константину и много ли дел он сам сумел расследовать.

Весьма интересен рассказ историка Либания о нравах времен Константина, в частности о том, как население пыталось спастись от уплаты непосильных налогов:

«Есть большие деревни, и каждая из них имеет над собою много господ. Жители таких деревень прибегают к помощи воинов, что размещены у них на постое... Воинам они платят продуктами либо золотом... Обретя такую защиту, деревенские жители покупают себе полную свободу творить произвол: нападают на соседей, захватывают их участки земли... уводят скот... Хозяева, видя это, льют слезы, а эти насмеваются... и даже угрожают захватить остальное. И все это благодаря тому, что они содержат у себя воинов, которые большей частью сидят в деревне и предаются сну после обильной мясной трапезы и выпивки...

А законы в таких случаях не значат ничего.

Когда в такую деревню являются для сбора податей люди, коим это вменено в обязанность, то сначала они требуют подати спокойно и тихо, но встречают презрение и насмешки. Тогда сборщики... изрекают угрозы в адрес деревенских властей, но бесполезно. Наконец, они хватают их и тащат за собой, но те... пускают в ход камни. И вот сборщики возвращаются в город с ранами вместо податей... Несчастные сборщики узнают, что если они подати не доставят, то подвергнутся бичеванию.

Тогда они... со слезами продают своих рабынь и рабов, которые тщетно обнимают колени продающего их хозяина.

Затем они продают свои поместья... И цена за землю идет на уплату податей. И, наконец, когда нет уже никаких возможностей, они вынуждены просить милостыню. Так сенатор или член городского совета вычеркивается из списков по причине отсутствия имущества...»

Налоги в Империи часто были поводом для народного гнева. А иной раз и для настоящих бунтов, для свержения цезарей и августов. Константин на долгие годы обрел общенародную любовь одним своим указом — хозяева земель и те, кто их обрабатывал, освобождались от земельных податей каждый четвертый год. Это касалось и всех их потомков. Не одно поколение земледельцев и землевладельцев будет вспоминать Константина добрым словом.

В 316 году Фауста снова родила, и наконец-то мальчика. Константин расценил это как знак одобрения Небес его государственных усилий. Младенца назвали Константином. На радостях счастливый император провозгласил сына будущим цезарем, пока без территории. Тем самым была заложена традиция передачи власти в Империи по наследству.

Минуло несколько лет. Константин все яснее понимал, как был прав покойный уже Диоклетиан, говоривший, что с каждым годом пурпурный плащ становится тяжелее.

Теперь он частенько обращался за советами к Библии, а когда чего-то в ней не понимал, просил Евсевия объяснить. Священник часто бывал рядом с императором, став его духовным наставником. Однажды, после чтения Священного Писания, Евсевий сказал:

— Ты законченный христианин, доминус.

— Нет, я еще не готов им стать, — ответил Константин. — Я очень многим обязан милости Бога и хочу быть достойным его учеником. Это значит следовать его заповедям не только на словах, но в делах и мыслях. А до этого мне еще далеко.

Глава 17

ХРИЗОПОЛЬ

Постепенно углублялся конфликт между двумя императорами. Если Константин в западной части страны проводил политику в поддержку христианской Церкви, то Лициний у себя на востоке по-прежнему подвергал ее гонениям и активно поддерживал язычество. Он разорил множество церквей и на их средства построил на Босфоре флотилию из четырехсот боевых кораблей.

Лициний был одержим жаждой единоличной власти и чрезмерно подозрительно относился к возможным соперникам. Он методично уничтожил всех конкурентов — детей бывших правителей: Диоклетиана, Галерия, Севера и, как мы уже говорили, детей Дазы.

Лициний казнил даже Кандидиана — рожденного от рабыни и усыновленного дочерью Диоклетиана Валерией. Приказал он казнить и саму Валерию, но та успела скрыться. Лициний велел ее найти. В течение двух лет несчастная дочь некогда всесильного императора скиталась по дальним провинциям, облачившись в плебейское одеяние. И все же в конце концов ее выследили, схватили вместе с матерью и привезли к Лицинию. Тот приказал отрубить обеим головы, а тела их бросить в море.

Теперь в Империи у Лициния оставался единственный конкурент в борьбе за верховную власть — Константин.

Лициний усиленно готовился к войне с ним и ждал только повода. В 324 году повод нашелся.

*

Отражая очередное нападение тевтонских племен на северные земли, войска Константина проследовали по территории Лициния. В этом не было ничего противозаконного: старший август имел на то полное право. Но Лициний назвал это нарушением границы и объявил Константину войну.

Решающая битва состоялась 18 сентября 324 года близ Хризополя. Через много лет Константин назовет ее главным сражением своей жизни. Это была смертельная схватка между христианством и язычеством.

Константин опять был в меньшинстве. Его армия насчитывала 120

тысяч пехоты и кавалерии, у противника было на 40 тысяч больше. Сражение удалось выиграть благодаря военной хитрости Константина и его личному героизму.

Он приказал сыну Криспу с отрядом конницы пробраться в тыл противника и напасть на него в тот решающий момент, когда основные силы начнут переправу через реку. Крисп начал свою атаку, а солдаты Константина вдруг оказались бессильны наладить плавучий мост. Когда они пытались перетащить на тот берег веревку, тянущую за собой головной конец моста, лучники Лициния осыпали их градом стрел.

Уже погиб не один десяток смельчаков, бравшихся за веревку. Ситуация была драматичной, Крисп вряд ли сумел бы долго продержаться...

Спасая сына и его воинов, Константин бросился к реке. Он взял веревку и поплыл вместе с лошадью. За ним последовали полсотни гвардейцев его личной охраны. Когда убили его лошадь, Константин пересел на другую, всадника которой тоже поразила стрела. Так повторялось еще дважды.

Наконец он выбрался на берег и привязал веревку к дереву. Вместе с ним из воды вышли живыми не более десятка воинов. А по мосту уже перебирались основные силы его армии.

Лициний понес большие потери и отступил в сторону Византия — крепости на Босфоре, где укрылся с остатками войска. Осада Византия заняла более недели. Но схватить Лициния не удалось. Через подземный ход он бежал вместе с семьей и золотом в Никомидию. Оттуда он послал к Константину свою жену Констанцию (напомню, сестру Константина), чтобы она вымолила для него жизнь.

Константин великодушно согласился сохранить жизнь своему зятю, но взял с него клятву, что тот никогда не будет претендовать на трон. Лициний поклялся и был отправлен на вечную ссылку в Солунь.

По свидетельству историка Иордана, Лициний вскоре начал вести тайные переговоры с вождями сильного северного племени готов, чтобы с их помощью снова захватить власть. Один из готских вождей донес об этом Константину, и в 325 году Лициний был казнен.

Этот случай помог Константину наладить добрые отношения с весьма воинственными готами. Сначала он использовал их лишь от случая к случаю для отражения набегов на Империю других враждебных племен. Но потом создал целые готские ополчения численностью до сорока тысяч человек, хорошо оплачивая их услуги золотом и продовольствием. При

Константине они были в числе самых смелых и верных его войск.

Такую же миролюбивую и дальновидную политику проводил Константин и в отношении карпов — сильнейшего племени на нижнем Дунае и на Пруте. Карпы часто нападали на римские провинции Фракию, Македонию, Дакию, разоряли города, облагали их данью.

Константин превратил их из врагов Империи в союзников. Папирус начала IV века, найденный в северной Африке, называет Константина даже «предводителем готов и карпов».

*

Последствия борьбы между Константином и Лицинием выходят далеко за пределы чисто личного соперничества двух императоров. Евсевий Кесарийский заканчивает свой труд «История Церкви» так:

«Лициний лежал поверженный. Константин же, могущественный победитель... вместе со своим сыном цезарем Криспом, во всем похожим на отца, завладел Востоком и создал по старому образцу единую Империю римлян. В ней под его мирным скипетром были все страны от востока до крайнего запада вместе с севером и югом. У людей пропал страх перед теми, кто их притеснял. В блеске и великолепии начались праздничные дни. Все было наполнено светом... Прежние горести были забыты, и похоронено всякое воспоминание о безбожии. Везде были развешаны указы победоносного императора, полные человеколюбия и терпимости...

Тирания была устранена, Константин и его сын получили Империю, которая им принадлежала по праву. И они изгнали из жизни ненависть к Богу».

Став единственным августом в Римской империи, Константин вскоре пришел к необходимости цементировать устои своего государства с помощью единой религии. Но какой именно? По разным источникам, число христиан в стране колебалось от пяти до пятнадцати процентов. Точной цифры наверняка не знал никто. Было немало и иудеев. Но все же большинство населения составляли язычники, почитатели древних богов. Преобладали они и в правительстве.

Не слишком ли рискованно, не слишком ли преждевременно было провозглашать новую религию общегосударственной?

Константин пошел на такой риск, и в этом его особая заслуга. Если эдикт 313 года давал христианству равноправие с язычеством, то его два

новых эдикта 324 года объявляли о главенстве христианства. Глава Империи впервые от имени верховной власти назвал христианство «единой истинной верой». А язычество он назвал заблуждением.

Но при этом — вот истинная широта души и мысли — никакие преследования язычников не допускались. Жертвоприношения отныне категорически запрещались, но язычники имели свои храмы, своих жрецов, поступали на государственную службу.

В одном из эдиктов Константина 324 года читаем:

«Для сохранения мира я постановил, чтобы и те, которые еще остаются в заблуждении язычества, пользовались бы таким же спокойствием, как и правоверные. Пусть и те, которые удаляются от послушания Богу, пользуются, если хотят, своими посвященными лжи храмами».

Император в своем эдикте обращается с увещанием к язычникам принять христианство и тем самым способствовать объединению народа вокруг одной веры.

*

Весьма важно отметить: по отношению к христианству в Константине надо отличать государственного мужа от обыкновенного человека, который по велению сердца стремится разгадать великую тайну бытия и много раз подступает к отгадке, и не всегда к одной и той же.

Даже на Триумфальной арке, воздвигнутой в Риме в 312 году по поводу его исторической победы над Максеннием, нет ни единой христианской черты. Все ее надписи, все архитектурные и художественные подробности (медальоны, барельефы) относятся исключительно к языческим богам. Хотя только недавно Константин сам говорил об обретении им иного Бога.

Значит, и после чудесной победы над более сильным соперником на берегу Тибра, которая ниспослана была ему новым Богом (как он сам признавался), Константин все же не рискует совсем откреститься от древних богов? Или здесь что-то другое?

Интересный разговор с Константином приводит в своей хронике Лактанций. Уже после эдикта 313 года Константин откровенно говорит о том, что Бог христиан более могуществен, нежели языческие боги, и что через него можно получить больше благ и для человека, и для государства.

Не здесь ли кроются причины обращения к Христу мудрого

полководца и императора? Кто теперь даст уверенный ответ?

*

Как бы там ни было, многие его современники считали Константина искренним и убежденным христианином. После оглашения Медиоланского эдикта его отношение к Церкви было неизменно радушным. Он часто встречался со священниками, живо интересовался делами общин, делал немалые пожертвования на благотворительные учреждения Церкви.

Константин освободил христианское духовенство от обычных повинностей, лежавших на римском гражданине. Утвердил за Церковь право принимать в свою пользу наследство по завещанию. Наделил церковные учреждения обширными земельными участками, а также денежными и хлебными выдачами за счет казны. Особое значение имело для священников дарованное им Константином право решать гражданские споры между христианами.

Отношение Константина к христианскому духовенству характеризует его весьма оригинальный закон о переходе к Церкви части наследства всех умирающих граждан Империи. В языческом Риме был другой обычай: умирающие в духовном завещании всегда часть своего имущества отписывали царствующему императору. И этот доход составлял видную статью его прибылей.

А вот со времени Константина стало чуть ли не преступлением обойти Церковь в завещании. Это считалось оскорблением самого Бога. Таким образом Константин старался обеспечить духовенству безбедное житие. Для этой же цели он велел выдавать на духовное ведомство большое количество съестных припасов: хлеба, вина, молока и проч.

Все это, с одной стороны, гарантировало доброе отношение императора к духовенству, но с другой — Константин делал его послушным орудием своей государственной политики.

Постепенно во всей Империи христиане занимают ведущие роли — и в администрации, и в армии. Это придает государству совершенно новый, уникальный характер — характер первого христианского государства, которое затем получит столь прекрасное имя — Византия.

Став единоличным правителем, Константин назначил сына Криспа цезарем всего Запада: Галлии, Британии, Италии, Испании, — а сам решил остаться на Востоке. У него созрел очередной грандиозный план — создать

здесь, на берегу Босфора, первую христианскую столицу мира.

Глава 18

ВИЗАНТИЙ

Власть в Империи, от Шотландии до Армении, от Рейна до Нила — отныне, как когда-то при Диоклетиане, принадлежала одному человеку. И этому человеку суждено было найти гениальное решение, которое позволило восточной половине Империи прожить целое тысячелетие (да еще, как уверяют многие, прожить столь блистательно) после гибели ее западной части.

Вся огромная держава, давно и не без успеха раздираемая со всех концов на части самыми разными племенами, была обречена. Константин понял, вернее, почуял, что спасти ее целиком не удастся. И он решил спасти хотя бы одну ее половину. Ту половину, в которой он родился и которую он больше любил.

За четырнадцать лет единоличного правления он успел сделать невероятно много. И главное — он заложил фундамент Византии. Первый камень Константинополя был первым камнем Византийской империи. История Византии — это, по сути, история города Константина.

Идея создания новой столицы впервые пришла ему в голову в Риме во время празднеств виценналий — двадцатилетия его восхождения на трон. Торжество закончилось конфликтом. Он отказался участвовать в праздничном жертвоприношении римским богам в храме Аполлона. Это вызвало у сената и большинства римлян большое негодование. Они восприняли такой поступок как оскорбление.

И Константин понял, что никогда в Риме он не будет себя чувствовать как дома. Но и Медиолан тоже не стал ему родным домом.

Возвращаясь из Рима, он думал о своей новой столице. Она появится в невероятно короткий срок на западном берегу Босфора на месте небольшого поселения — Византия.

*

Константин не первым оценил уникальное положение Византия. Еще в начале VII века до Рождества Христова — за тысячу лет до Константина — мегарцы основали там свою колонию, назвав ее Византием в честь

командира первой их экспедиции — Визы. Позже этим именем стали звать и крепость, и выросший вокруг нее небольшой город.

Но Константин свой выбор сделал не сразу. Сперва он хотел основать свою новую столицу в городе, где родился, — в Наиссе. Потом — в Солуни (нынешние Фессалоники). Наконец он начал строить новую столицу в Илионе, на месте древней Трои. И уже были определены очертания будущего города. Уже были поставлены первые городские ворота... Еще не одно столетие с кораблей, проплывающих по морю мимо троянского берега, люди будут видеть камни несостоявшегося Константинополя.

Почему же Константин в последний момент передумал возводить свой город на месте великой Трои?

Созомен, христианский писатель V века, объясняет это подсказкой Бога. По его словам, однажды ночью Константину во сне явился Господь и посоветовал поискать иное место для первой христианской столицы.

Наверное, мы охотнее поверили бы этой легенде, если бы другие историки, тот же Евсевий, не использовали столь часто этот драматургический ход в объяснении эпохальных решений Константина.

Позволю напомнить, что еще при жизни его называли Великим. Константин сумел оценить исключительно важное положение города на границе двух частей света — Европы и Азии — для развития торговли и необычайные преимущества его положения при военных действиях — господство над двумя морями, Черным и Средиземным.

Основание новой столицы на Босфоре было актом высокой государственной мудрости. Именно Константинополь обеспечил восточной части Империи столь долгое благоденствие после гибели ее западной части.

Может быть, высшим проявлением политического гения Константина были удачный выбор места для новой столицы и превращение ее во всемирно-исторический город. Перенеся на Босфор столицу Древнего мира, Константин в одно и то же время спас древнюю культуру и создал все условия для распространения новой религии — христианства.

В течение многих веков город Константина будет играть историческую роль посредника между Востоком и Западом. Но заслуга этого великого города еще и в том, что он даст приют культуре всей Римской империи, когда на нее всерьез обрушатся варварские племена и попытаются уничтожить ее завоевания в области искусства и науки. Новые европейские народы, постепенно сделавшись способными понимать блага культурной

жизни, смогут черпать полной рукой из многочисленных архивов и библиотек, заложенных по велению основателя Константинополя.

Именно после создания города на Босфоре он войдет в историю под именем Константина Строителя.

*

Поначалу его великий город по-прежнему называли Византием. Потом стали звать Новым Римом, потом — Константинополем. Русичи, восторгаясь его великолепием, называли Царь-градом.

Границы Нового Рима Константин сам начертал на земле копьем своего стражника. Предание гласит: когда следовавшие за ним по пятам приближенные выразили изумление размерами будущего города, Константин ответил: «Я буду идти до тех пор, пока не остановится тот, кто идет впереди меня».

Изумлять город Константина будет еще очень многих — своим величием и великолепием. Небывалые по красоте дворцы, театры, колоннады, портики, величественные храмы украсили новую столицу. В нее свозились сокровища античного искусства со всего света — из Греции, Персии, Италии, Африки... Из греческих Дельф, например, привезли колонну-змею и десятиметровую статую Геркулеса. Так что новая столица вскоре стала своеобразным музеем древнего искусства.

Не обошлось без перегибов. Усердные исполнители, чтобы поскорее исполнить приказ Константина и придать подобающий блеск новой столице, умудрились даже переплавить металлические крыши в городах Малой Азии и пустить этот металл на украшения новых улиц и площадей.

При оформлении города было проявлено много изобретательности. Даже место публичной казни на одной из центральных площадей было украшено громадным бронзовым быком — он служил печью для сожжения преступников. Эту площадь прозвали площадью Быка, а потом просто Быком.

Неподалеку от Хлебного рынка Константин воздвиг мраморную колонну с крестом на вершине, наподобие того, что он видел на небе перед битвой у Мильвийского моста.

Одна из главных площадей города была названа именем его основателя — Форум Константина. Ее украшали искусно выполненные портики и величественные триумфальные арки, а посередине возвышалась порфиновая колонна, привезенная из Рима, из храма Аполлона.

После смерти Константина на вершине колонны была установлена его статуя. Судьба ее символична и перекликается с судьбой города и самой Империи. Колонна пострадала от сильной бури и молнии в царствование Алексея Комнина в 1105 году. Статуя Константина рухнула вниз и разбилась. Молния оставила на колонне черный след, и с тех пор ее стали называть Обожженной, по-турецки — Чембертаж. Так в нынешнем Стамбуле и зовется бывший Форум Константина — Чембертаж...

*

Как большой дипломат Константин построил в своем городе и величественные христианские церкви, и языческие храмы — такие, как храм богини Тихе, покровительницы Рима. Так на практике проявлялась веротерпимость Константина.

Резиденция Константина располагалась в Большом дворце. Это был целый конгломерат зданий, занимавший громадное пространство на холме, возвышавшемся над морем. Здесь были, кроме покоев императорской семьи, огромные залы для приемов, пиршеств и торжеств.

Здесь были церкви, обширные парки, сады и галереи, отдельные здания для персонала и для царской гвардии, военные склады, конюшни, трибунал и даже темница. Мраморные лестницы спускались от Большого дворца к императорским пристаням. По сути, это была часть города, причем весьма немалая.

Константин позаботился, чтобы его дворец был украшен работами лучших художников и скульпторов. Многие из них сохранились до наших дней.

Как военный стратег Константин хорошо продумал систему защиты города от внешних врагов. Высокая, мощная стена отрезала город от материка и сделала его неприступным с суши. Две другие стороны этого каменного треугольника защищали Мраморное море и бухта Золотой Рог.

Пройдет время, и в прежних границах городу Константина станет тесно, тогда иные императоры возведут два ряда новых стен, но прежние, константиновские, будут защищать столицу Византии и ее жителей до самой последней точки ее истории — до 29 мая 1453 года.

«Основание Константинополя — это загадка, — пишет французский историк Ф. Лот, — новая столица родилась из каприза деспота, охваченного религиозной экзальтацией».

В ученом мире было немало попыток принизить значимость основания Константинополя. Но все они разбиваются мелкими брызгами, подобно волнам у подножия морской скалы. Константинополь — это лишняя тысяча лет жизни, подаренная Константином Империи. Более того, это город, породивший новую, доселе неведомую культуру — греко-восточную. Позже ее стали звать византийской.

Торжественное открытие Константинополя состоялось 11 мая 330 года. Празднества и увеселения длились сорок дней.

Рим, древняя столица мировой державы, медленно, но верно становился рядовым, провинциальным городом Империи.

*

В своей новой столице, построенной с такой дерзостью и с такой любовью, Константин мечтал создать оазис примирения. Примирения и веротерпимости. Нынешний Константинополь, то бишь Стамбул, словно издевается над своим основателем. Ни единого упоминания его имени — имени «неверного» — нет в названиях улиц, площадей, станций... Имя святого Константина Великого просто вытравлено с карты города кислотой религиозной нетерпимости.

В руинах дворца Буколеон на берегу Мраморного моря — приют для бездомных, ими же и загаженный. А ведь этот дворец был задуман Константином как символ красоты и великолепия, созданных руками человеческими.

Остатки городских строений времен Константина используют как общественный туалет в парке у подножия дворца Топкапи.

Руины Большого дворца Константина также являются отхожим местом...

Редко можно увидеть где-то еще на свете столь дикое пренебрежение к памяти одного из величайших людей мировой истории. Мириться с этим варварством, по моему убеждению, человечество не имеет право.

Но что тут можно сделать? Обратиться к жителям Стамбула с просьбой, чтобы они не использовали священные камни как отхожее место?

Впрочем, есть идея получше — вернуть Стамбулу его законное имя — Константинополь. Может быть, тогда его жители сами всё поймут и их не надо будет ни о чем просить?

Наивные мечты?..

*

Французский историк Рамбо называл Византию «искусственным образованием, управлявшим двадцатью различными национальностями и объединявшим их в формуле: один повелитель, одна вера». Чтобы дать Империи недостающие ей единство и силу, нужна была хорошая администрация. Константин прекрасно это понимал.

В его новой столице учреждения Римской империи продолжали существовать, казалось бы, в прежнем виде. Но суть некоторых из них изменилась. Например, сенат. Вместе с двором Константин перевел его из Рима на берег Босфора. Но здесь это было уже иное учреждение — малочисленное собрание высших сановников, подчиненных воле государя.

Сенаторскую аристократию Константин разделил на восемнадцать разрядов, каждый из них отвечал своей должности. Высшие из них назывались: магистр, проконсул, патриций, протоспафарий. На административном византийском языке высший сановник обозначался двумя наименованиями, одно указывало его ранг, другое — должность. Например, протоспафарий и глава финансового ведомства. Магистр и domestik схол — высший глава армии. И только император мог включить новое лицо в состав сенаторской знати.

Определяя роль чиновника, Константин говорил: собирать налоги аккуратно, но не притесняя подданных и воздерживаясь от взяточничества. Он желал видеть чиновника, который проводит «политику чистых рук».

*

В Константинополе изменила свой характер и сама императорская власть. Именно с Константина и его первой христианской столицы стало развиваться новое представление о власти государя. Император становился отныне владыкой государства по божественному праву. Он был избран Богом и обладал абсолютной властью.

Более того — император приравнивался к Богу.

Эта традиция, поначалу чуждая Риму эпохи Константина, была близка и понятна Египту времен фараонов. Именно оттуда, с Востока, перешли в Византию многие дворцовые церемонии. Это и восточная, явно чрезмерная

роскошь, и сложный церемониал, и необыкновенно многочисленный двор, окружавший императора. Во время аудиенции подданные были обязаны падать перед ним на колени (как мы помним, этот обычай в Римской империи ввел Диоклетиан).

Именно с эпохи Константина личность государя считалась священной, и ко всему, что он делал и что его окружало, прилагался тот же эпитет. Императорский дворец назывался священным двором. Указы, издаваемые государем, совершаемые им деяния, защищавшая его охрана — все именовалось священным.

Чтобы подчеркнуть этот новый характер императорской власти, простая одежда цезарей была заменена пышным облачением. Цезарю было положено носить богато украшенную тунику. Сам император на людях был неизменно одет в пурпур. Во время церемоний он держал в руке скипетр и носил на голове корону с жемчугами и драгоценными камнями. Когда он отправлялся в военный поход, на нем были золотой панцирь и великолепный шлем.

Начиная с 326 года, с торжества виценналий — двадцатилетия правления — Константин стал носить диадему, традиционный символ абсолютной императорской власти. Торжественная церемония помазания императора тоже подчеркивала характер его власти как отражение власти божества. Весь этот сложный этикет отделил царя от остального человечества. Император уже был не человек, но — почти Бог.

*

Такому внешнему возвеличиванию соответствовали и колоссальные статуи Константина. Например, одна из них, установленная на римском Капитолии, во дворце Консерватории, достигала десяти метров в высоту. При том что император был изображен сидя.

Итальянский историк Балдинелли так описал свои впечатления от колосса: «Это был новый тип императорской статуи, которая возвышала правителя над смертными. Это было почти культовое сооружение... Безжизненное лицо оживлено только огромными глазами, из которых льется магическая сила взгляда и одухотворенность...»

В своем титуле слово «непобедимый» Константин заменил на более активное — «победитель». С тех же пор в его изображениях на монетах и медальонах появился нимб вокруг головы. Впрочем, в своем

превозношении он знал меру. Когда панегирист во время виценналий предложил увековечить в его титуле слово «божественный», император строго запретил это делать.

Но возвышение верховной власти для Константина с самого начала было связано с авторитетом всего императорского дома — его династии Флавиев. Значение династических сил он осознал еще в юности. Многие его внутривластные соглашения отмечены династическими связями, вспомним хотя бы его инициативу по заключению брачного союза его сестры Констанции с потенциальным врагом Лицинием.

Константин очень рано поспешил возвысить и всех своих детей, и детей второй жены отца Феодоры. Никто не был забыт. Все стали цезарями, консулами или эпархами — правителями крупных городов. Не забывал Константин и пышно чествовать их юбилеи, приглашая на торжества всю родню. Так он укреплял свою династию — династию Флавиев.

*

В 324 году была пущена в обращение золотая монета с профилем Константина. На ней значилось: «Rector totius orbis» — «владыка мира». Эта надпись соответствовала действительности. Победа над Лицинием сделала его хозяином огромного пространства. Но что это: награда или — ответственность? Константин часто размышлял об этом в те годы. Итоги своих раздумий он нередко отправлял своим подданным. Вот строки одного такого послания 324 года:

«Победитель Константин, Великий Август правителям Палестины.

...Мое служение Бог нашел и судил годным для исполнения Его воли. Начав от того британского моря и от тех мест, где... определено заходить солнцу, я, при помощи какой-то Высочайшей Силы, гнал перед собой и рассеивал все встречавшиеся ужасы, чтобы воспитываемый под моим влиянием род человеческий призвать на служение священнейшему закону и, под руководством Высочайшего Существа, взрастить блаженнейшую веру.

Я никогда не бывал неблагодарным к оказанной мне милости и, на это высокое служение смотря как на ниспосланный мне дар, дошел до стран восточных...»

Фрагмент необычайно емкий. Итак, он — слуга Бога, призванный воспитать род человеческий. О своей богоизбранности он упоминал не раз,

к концу земной жизни — все чаще. Да, он признавал себя избранником Божиим. Но! (Это очень важно, ибо нашлись историки, которые утверждали: он возомнил себя Богом.) Константин никогда не обожествлял себя. Константин неизменно говорит о своем служении: он не Бог, а слуга Бога. Особое отношение Бога к себе он принял не как награду, а как трудную миссию по улучшению мироздания.

Легко сказать — улучшить мироздание. А как? Удивительно, но Константин знал ответ. В его письмах есть такая мысль: процветание Империи зависит от нравственной чистоты правителя. Гениально!

Император Юстиниан позаимствовал из правового сборника Константина такую фразу: «Во всех делах справедливость должна возобладать перед буквой закона». Но есть у Константина еще более сильное место: «Человечность выше справедливости».

На этом принципе он и хотел вести свою Перестройку мира...

*

Победа христианства в Империи многое изменила в жизни Константина. Отныне он стал христианским царем, и его высокой миссией были распространение веры, защита ее от врагов и покровительство Церкви.

Константин неизменно осыпал Церковь своими милостями и никогда не отказывал ей в защите. В свою очередь Церковь согласилась признать контроль императора и примирилась с его вмешательством в церковные дела.

Константин, по существу, был первосвященником. Он назначал на церковные должности и управлял материальными ресурсами Церкви. Он созывал соборы, и если сам не мог на них присутствовать, то его там представлял кто-то из высших светских сановников. Он утверждал решения «отцов Церкви», и эти решения приобретали силу закона лишь после ратификации императора.

Когда происходили выборы константинопольского патриарха, синод представлял императору на выбор три кандидатуры. Но если все трое его не устраивали, он имел право выдвинуть четвертого. Так что фактически и патриарха назначал император. Он также имел возможность сместить патриарха, если считал это необходимым.

Из всех светских лиц государства только один император имел право вместе со священниками переступить порог царских врат алтаря.

В отношениях между государством и Церковью Константин установил такой принцип: «Хороший порядок в Церкви — оплот Империи». Первой обязанностью императора он провозгласил «сохранение незыблемой чистоты христианской веры и защиту против всякого потрясения государства святой вселенской апостольской Церкви».

И еще цитата из его указа: «Ничто не может быть более угодно Богу, чем согласие всех христиан в единой и чистой вере». Обеспечение этого согласия Константин считал главным предназначением императора.

Двойной характер царской власти, введенный Константином, сохранялся в течение всего тысячелетнего существования Византии. В то время как Римская Церковь была управляема великими папами и оставалась независимой.

*

В новой столице Империи самым любимым местом горожан был ипподром. Когда там проходили состязания, город словно вымирал. Помня о том, что в Риме представления в цирке сопровождалось, как правило, давкой публики, не помещавшейся на трибунах, Константин позаботился, чтобы ипподром в новой столице был необычайно вместительным. Его длина превышала 370 метров. Ширина арены была 40 метров. Арену окружали 30 рядов каменных ступеней для зрителей. Последний ряд ступеней украшали статуи. По центру арену пересекала невысокая каменная стена — «Спина», на ней возвышались лучшие образцы античной скульптуры.

Императорская трибуна на ипподроме была соединена с дворцом внутренними ходами и крытыми галереями. Это давало царю возможность наблюдать за зрелищем, не показываясь народу, а в случае необходимости всегда можно было спастись бегством.

Константину не довелось прибегать к такому постыдному способу, а вот его преемникам — многократно.

Ипподром вмещал 40 тысяч зрителей. Здесь проводились состязания на колесницах, театральные представления. Но ипподром был не только местом любимых развлечений для всего города. Здесь решались и многие политические и даже церковные вопросы первостепенной важности.

Происхождение партий ипподрома (их названия: венеты, прасины, левки, русии), как и самого ипподрома, скрывается в глубокой древности.

Историки Римской империи относят их ко времени Ромула, основателя Рима. Но в ту пору это были скорее клубы спортивных болельщиков. И только в Константинополе они оформились в политические объединения граждан. Способствовал этому столичный ипподром.

Первые состязания на колесницах прошли здесь 11 мая 330 года, в день торжественного открытия Константином новой столицы. Конные игры придали празднику особую торжественность, и Константин повелел ежегодно отмечать день рождения новой столицы состязаниями на ипподроме.

В последующие века многие византийские императоры как могли украшали ипподром. Феодосий Великий воздвиг там памятник египетскому фараону Тутмосу. Он же установил в царской ложе рельеф, которым увековечил себя со своей семьей и свитой.

Феодосий II украсил ипподром четверкой бронзовых коней работы известнейшего скульптора того времени Лисиппа. (Ныне они венчают собор Святого Марка в Венеции.)

Константин Багрянородный установил на ипподроме громадный столб из тесаных камней, обложенный позолоченными плитами.

Но все эти, как и прочие красоты были уничтожены или разграблены вместе с самим ипподромом — сначала крестоносцами в 1204 году, затем турками в XV веке. В настоящее время от великого сооружения не осталось и следа. На его месте ныне находится большая площадь Атмейдан, к юго-западу от храма Святой Софии. Из камней ипподрома турки построили мечеть Ахмедиез, тюрьму и еще множество зданий Стамбула.

(К ипподрому, со временем ставшему центром общественной жизни столицы, мы еще вернемся.)

*

Древний город Византий был вполне языческим поселением — с древними святилищами на Акрополе. Но Константин поступил с ними мудро: не стал их разрушать, а, деликатно переделав, превратил в общественные здания. То же и со статуями языческих богинь и богов — путем легких переделок они ловко приспособивались для христианского культа. Даже статуе Аполлона был придан христианский характер.

В центре города был построен Августеон — центр политической жизни. Мощенную дорогим камнем площадь окружали роскошные дворцы, колоннады, портики, арки и публичные здания: сенат, палаты патриарха,

библиотека. Центр площади украсило купольное здание на четырех мраморных столбах, от которого отныне исчислялось расстояние от Константинополя по всей Империи. Раньше отсчет вели от Рима.

На площади Константин поставил и статую своей матери, августы Елены, откуда и пошло название площади.

Неподалеку от Августеона Константин возвел величественную колонну, обвитую сверкающей медью в форме лавровых венков. На ее подножии император велел начертать:

«О Христос, Владыка и Повелитель мира, Тебе я ныне посвящаю этот послушный город и этот скипетр и силу Рима. Веди его и избавь от всякого зла».

Свою столицу Константин окружил земляным валом и надежной каменной стеной. Они сослужили большую службу городу в эпоху переселения народов. Когда вестготы утвердились на Балканах, Константинополь стал для них весьма заманчивой добычей. Но их попытки захватить его разбивались об укрепления Константина.

*

Очень скоро новая столица превзошла по своему великолепию столицу прежнюю. Но пока она была не очень-то заселена. Константин проявил необыкновенную изобретательность, чтобы завлечь жителей в свой новый город. Он издал указ, по которому на императорскую службу разрешалось поступать лишь тем, кто жил в новой столице.

Городской округ был освобожден от земельного налога. Всем гражданам города были предоставлены обширные привилегии: торговые льготы ремесленникам, пособия от правительства, бесплатная раздача хлеба, даровые дома для бедных...

В константинопольский сенат зачислялись не только знатные лица греко-римского происхождения, но и иностранцы, и даже варвары, поступившие на военную службу Империи. По тем временам это было неслыханной царской вольностью.

И скоро на Босфор потянулись высокие сановники, мастеровые, купцы, врачи, юристы, простолюдины из Рима, Александрии, Антиохии, других городов.

Население новой столицы росло невероятными темпами. В середине IV века там было 100 тысяч христиан, язычников и иудеев (половина из них

считалась бедняками). В начале V века Константинополь населяли уже 500 тысяч человек.

Неудивительно, что самым характерным признаком Константинополя той эпохи историки называют разнородность его населения по языку и происхождению.

Уже при Константине численность германцев, скифов и прочих варваров в столице настолько возросла, что епископ Синесий громко заявил об опасности превращения Константинополя в германский город. Но, видно, он плохо знал незаурядного дипломата Константина. Расскажем об одном эпизоде, который ярко характеризует его талант «разделять и властвовать».

Историк Евнапий повествует, что предводители германских дружин, знатные по происхождению, будучи обласканы милостями императора, перешли к нему на службу. «И видя, что все пред ними склоняются, разделились на партии. Одна держалась того мнения, что следует довольствоваться выпавшим на их долю счастьем. Другая же, повинувшись чувству германского патриотизма и секретному клятвенному соглашению (при благоприятном случае завладеть страной), стремилась всеми мерами вредить византийцам».

Первую партию возглавлял язычник Фравит, женатый на гречанке, вторую — Ериульф. Константин держал обоих в чести, деля с ними трапезу, свой походный шатер и раздавая им щедрые подарки.

Однажды он предложил им роскошное угощение. После солидной дозы вина выплыли наружу тайные разногласия между вождями. Произошла шумная ссора, Фравит объявил о тайных намерениях Ериульфа предать Константина. После этого пир был, конечно, прерван. Ериульф замер, ожидая расправы. Однако мудрый царь не спешил с обвинениями. Не стал он и наказывать Ериульфа, ведь этим он вызвал бы гнев целого народа. Он выдержал паузу и вскоре снова позвал обоих к себе в гости. На сей раз воинственные вожди мирно решили свои проблемы.

Глава 19

НИКЕЯ

Между тем внутреннюю жизнь Церкви раздирали противоречия. Самый жаркий спор разгорелся по одному из, казалось бы, чисто теоретических вопросов христианского учения: есть ли различие между Богом Отцом и Богом Сыном? Единосущен ли Христос Богу Отцу? Или Он лишь творение Отца и потому не есть Бог вечный, а значит, Он лишь подобен, но не равен Отцу.

В этом споре столкнулись две старейшие школы: Александрии и Антиохии. Представители первой не разделяли природу Бога Отца и Сына. В Антиохии же утверждали, что Они сильно отличаются друг от друга, ибо лишь Отец вечен, а Сын Божий — создан, сотворен Богом и является только Его орудием для спасения мира.

Вторую точку зрения активнее других проповедовал Арий — пресвитер бедной христианской общины из небольшого египетского городка Бавкалиды. Арий был к тому же и весьма популярным поэтом, чьи гимны распевал простой люд: матросы, грузчики, мастеровые. Историк так описывает Ария: «Он был высок и худ, меланхолического вида, а выражение его лица носило следы аскетизма. Он и был известен как аскет, что можно было видеть по его одежде: короткая туника без рукавов, под ней — епитрахиль, служившая ему плащом. Говорил он мягко, речи его были убедительны. Посвященные девственницы... ценили его весьма высоко. Среди высшего духовенства он имел многочисленных сторонников и покровителей».

Своя логика в концепции Ария была: как Сын может быть единосущен Отцу, если Он был рожден Отцом и, значит, Он не вечен. То есть когда-то Сына не было, а значит, Он по рангу ниже Отца.

Учение Ария очень быстро получило распространение и в самом Египте, и за его пределами. На сторону Ария перешли многие священники, в их числе — два самых известных епископа того времени — Евсевий Кесарийский и Евсевий Никомидийский.

Однако Александр, православный епископ Александрии, объявил Ария еретиком и отлучил его от Церкви за проповедь ереси. Синод египетских священников утвердил это решение. Спор между Арием и Александром постепенно перешел в открытую вражду со взаимными

оскорблениями.

Арий отправился в долгое путешествие по стране и продолжал свои проповеди. Так спор захватил всю восточную половину Империи. Нередко дискуссия о божественной природе Христа приводила к публичным столкновениям и потасовкам. Многие священники держали сторону Ария. Им вторили миряне. Чаще всего дискуссии на эту тему на главной площади города кончались настоящим побоищем. Суматоха и беспорядки по поводу арианского спора стали во многих городах чуть ли не традицией.

«Христианская религия, — горестно отмечает Евсевий, — стала предметом нечестивой потехи для язычников даже в их театрах».

Историк Аммиан Марцеллин пишет: «И дикие звери не проявляют такой ярости к людям, как христиане проявляют к тем своим собратьям, которые не согласны с их мыслями».

Кстати, тот же Марцеллин отмечает одну черту, которая весьма невыгодно рисовала вновь обращенных в то смутное время. Люди, называвшие себя христианами, втихую живились грабежами языческих храмов. И некоторые поднялись из крайней бедности до огромных богатств.

*

Константин, после своего неудачного вмешательства в донатистский спор, долгое время старался быть нейтральным по отношению к внутренним церковным раздорам, предоставляя епископам полную свободу действий. Горький урок пошел ему на пользу.

Но здесь он счел, что не вмешаться ему нельзя. Святые отцы возмущали Константина. Его практичному уму весь этот спор казался абсурдным. Какие могут быть разногласия, если обе стороны признают божественное Провидение?

Какой смысл выяснять, было ли время, когда Бог Сын не существовал, если Он рожден Отцом? Зачем порождать взаимную ненависть, углубляясь в чисто теоретическую дискуссию, если разница в двух мнениях столь незначительна?

*

Константин решил выступить посредником и примирить враждующие

стороны. Он направил двум главным оппонентам, Арию и Александру, письма с настойчивой просьбой прекратить раздор. Причем он передал оба послания с епископом Осием, который к тому времени уже стал одним из высших авторитетов Церкви. Константин писал двум воюющим христианам:

«Я внимательно рассуждал о предмете вашего спора... Вы, посредством кого я надеялся принести излечение другим, сами нуждаетесь в еще более сильном лекарстве... Ваш спор расколол святой народ на две части... Я вижу, что причина спора совсем незначительна и не соответствует вашему вульгарному поведению. Оно больше подходит капризным детям, чем проповедникам Бога...

Подобные вопросы могут быть поставлены ради философских упражнений. Но мы должны держать их в уме, а не легкомысленно обсуждать на публичных собраниях. Ибо мало таких, кто в состоянии понять суть столь трудных вопросов. И по этим причинам народ обязательно раскалывается и богохульствует...

Давайте покончим с этим. Ваши взаимные обиды должны быть обоюдно прощены... Несогласие ваших мыслей по незначительным вопросам не позволяет вам управлять таким множеством Божьего народа, который под вашим руководством должен приучаться к порядку.

Мы должны быть едины в отношении основы основ. Пусть будет одна вера и одно понимание великого Бога... Возвратите мне спокойные дни и беззаботные ночи, чтобы я пользовался радостью спокойной жизни».

Главная мысль Константина очевидна: Церковь должна помогать власти управлять народом. А если уж все-таки надо разобраться в догматических тонкостях, то это следует делать по-тихому, без широкой огласки.

Однако примирения не состоялось. Наоборот, спор между сторонниками Ария и Александра разгорелся с новой силой. Он вызвал смуту. Церковь разделилась на два воюющих лагеря. Это был настоящий раскол.

К удивлению Константина, для Церкви вопрос о «единосущии» (homoousia) в противовес «подобосущию» (homoiousia) Сына Отцу был жизненно важен не только с теоретической, но и с политической точки зрения.

Как может всего одна буква, возмущался Константин, расколоть Империю!

Но у Церкви был свой взгляд на проблему. Ведь если Христос не был истинным Богом, то вся структура христианского учения давала трещину. А

если по этому вопросу допустить свободу мнений, то хаос множества верований может разрушить единство и — главное — авторитет Церкви.

Константин, только что завершивший бесчисленные войны со своими противниками, жаждал покоя и мира в своей, теперь ему лишь принадлежавшей державе. И он очень хотел, чтобы Церковь помогла ему сохранить мир в государстве. Но как это сделать, если сами священники становятся главными зачинщиками споров?

Константин решил положить конец этим спорам.

В 325 году, по совету того же Осия, он решил собрать Вселенский собор высших церковных иерархов Империи. Собор начался в Никее, пригороде Никомидии, 20 мая и завершился 25 августа. Он положил начало отсчету Вселенских соборов.

Кстати, не мешает напомнить, что главное отличие действительного Вселенского собора той эпохи от всех прочих состоит в том, что постановления Вселенского собора принимались с одобрения императора и входили в число государственных законоположений. Эта многовековая традиция была заложена Константином в 325 году.

В работе Никейского собора участвовало более трехсот глав христианской Церкви из Греции, Египта, Сирии, Малой Азии, Ассирии и Запада Империи. Эпохальным его итогом было принятие Символа Веры, и здесь инициатива, по свидетельству летописцев, тоже принадлежала Константину.

*

Историк так описывает открытие Никейского собора:

«Когда епископы собрались в назначенное для заседаний место, и каждый занял определенное ему сиденье, тогда вошел император, одетый в золотые одежды, украшенные драгоценными камнями. Все встали и сели тогда, когда он занял свое место. Находившийся по правую от него сторону епископ встал и произнес краткое приветствие. Император затем отвечал в следующих выражениях:

— Я горячо желал видеть вас собравшимися. Ныне мое желание исполнилось, и я благодарю высочайшее существо, Бога, который, излив на меня другие бесчисленные благоденствия, не лишил меня и этой милости — соединить вас всех и быть свидетелем согласия ваших чувств. Внутренние раздоры Церкви для меня страшнее и тягостнее всякой войны, они доставляют мне больше горя, чем все другое. После того как Бог по

Своей милости дал мне победу над врагами, я вознамерился наслаждаться общением с теми, кому Бог даровал через меня свободу. Узнав же о разделении между вами, я понял, что этим нельзя пренебрегать, и поэтому решил немедленно созвать вас, чтобы положить конец злу. Итак, приглашаю вас, любезные служители Божии, пресечь все разногласия и покрыть миром ваши споры. Этим вы угодите Богу и сделаете приятное мне, вашему брату на службе Божией.

После этого собор приступил к своим занятиям по тем вопросам, на которые было указано в речи Константина».

Никея — прелестный городок в ста милях от Константинополя, на берегу живописного озера, — воплощение рая на земле. Константин надеялся, что спокойствие и красота этого места подействуют умиротворяюще на участников собора. Но он ошибся. С каждым днем дискуссия принимала все более жесткий характер.

Чтобы лучше понять расстановку сил на Никейском соборе, мы можем сравнить его с современным парламентом. Православные епископы с Александром во главе составляли правую партию, Арий и его сторонники — левую. Евсевий Кесарийский и его единомышленники были центристами.

Повторим: главный предмет разногласий был скрыт в учении о Сыне Божием. Происходит ли Он из существа Божия и имеет ли одну природу с Богом Отцом (точка зрения «правых») или же Сын, имея начало своего бытия и являясь творением Отца, не единосущен Отцу, а лишь — подобосущен Ему (точка зрения «левых»).

Как видим, это был чисто философский спор. Но он, как ни странно, уже тогда, в IV веке, обозначил суть разногласий между православным и неправославным направлениями христианства. Эти противоречия привели в конце концов к расколу всемирной религии. Константин пытался предотвратить этот раскол в самом зародыше.

*

Если Христос, учит православие, сошедший на землю и вочеловечившийся, — это Бог, то для рода людского в этом есть очень большое утешение — ведь Бог тем самым указал человеку бесконечную цель самоусовершенствования и стремления к совершеннейшему.

В то время как арианство, признававшее в Христе лишь существо,

сотворенное Богом, не имеет в своей основе этих возвышающих человеческий дух элементов.

Сторонники Ария, отрицавшего единую божественную природу Бога Отца и Бога Сына, сначала были в меньшинстве. Но Арий, выступавший на Никейском соборе неоднократно, сумел привлечь на свою сторону около двадцати епископов. Таким образом, его красноречие сократило численность партии православных, и обе стороны теперь количественно сравнялись. Их споры стали еще ожесточеннее.

Ежедневно секретари приносили Константину жалобы священников друг на друга. Когда их набралась целая корзина, он не выдержал и устроил святым отцам показательную сцену.

Утром Константин вошел в общую залу дворца во всем блеске своих дорогих одежд. За ним шли два черных раба и несли большую корзину со свитками и воцелеными табличками. Это были жалобы.

Константин подал знак, и в зал внесли жаровню с горящими углями.

— На соборе, который посвящен примирению нашей Церкви, — начал Константин суровым голосом, — не должно быть места осуждению друг друга. А в этих посланиях каждый обвиняет другого в ереси, в пособничестве врагу. Я приказал не показывать мне больше этих жалоб, потому что они возмущают меня. Разве не вы первые призваны следовать Христу? И разве не Он учил нас прощать заблуждающегося брата, если мы сами надеемся на прощение? Так и я прощаю всех, кто прислал мне эти унижительные документы. И требую, чтобы вы простили друг друга. Пусть ваши раздоры сгорят в этом огне.

И он бросил первые свитки в жаровню, а секретарь стал бросать в огонь остальные.

Нельзя сказать, что его жест круто изменил ход собора. Но после него что-то сдвинулось в сознании священников. Константин на этом не остановился, он потребовал, чтобы на соборе был выработан некий итоговый документ, который бы стал Символом Веры для всех христиан.

— Для тысяч простых людей, и для меня тоже, совершенно неважно, — говорил Константин, — «единосущен» ли Христос Богу Отцу или «подобосущен» Ему.

Но переубедить спорящих было возможно только одним способом — приняв мнение одной из сторон. И Константин сделал выбор. Он принял сторону Александра. Таким образом, Первый Вселенский собор узаконил термин «ЕДИНОСУЩНЫЙ», и заслуга Константина в этом огромна. Если бы не его решительность, этот спор мог бы продолжаться до сегодняшнего

дня.

Арий был сослан. Арианство осуждено как раскольническая ересь. Эдикт Константина повелевал сжечь все книги Ария. Каждому, кто осмелится укрывать их, грозила смертная казнь. Между прочим, Евсевий в своем весьма подробном описании Никейского собора ни словом не обмолвился о главном его событии — об арианском споре. Он пишет о множестве всяких деталей и подробностей, как были одеты участники, какие дары они получили от императора и даже как были вооружены охранники. Но о сути собора — ни звука.

Разгадка в общем-то проста: Евсевий писал свой труд уже после смерти Константина, когда правил его сын Констанций, а тот был сторонником арианства. Историк побоялся навлечь на себя гнев монарха. Значит, не всегда истина дороже? Это, кстати, лишь один пример, который объясняет, почему историки далеко не во всем доверяют Евсевию.

*

Константин, однако, понимал, что осуждение арианства не может считаться большим достижением собора, длившегося столько времени. И он проявляет государственную волю. Он попросил Евсевия подготовить к очередному заседанию черновой вариант Символа Веры. Собор получил текст, с которым можно было работать — править, добавлять, сокращать. И постепенно спорящие стали отходить от крайних позиций и сближаться на некоей компромиссной.

Наконец, после недельных споров, текст был принят как окончательный большинством голосов. Вот он:

«Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, всех вещей, видимых и невидимых.

Верую во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божьего, от Отца рожденного, единосущного, то есть от сущности Отца. Бога от Бога, Света от Света, Бога истинного от Бога истинного, кто ради нас и спасения нашего ради сошел с небес и воплотился, и вочеловечился, и пострадал, и был распят, и погребен, и воскрес на третий день, и взошел на небеса и вновь грядет судить живых и мертвых. Его же царствию не будет конца.

И верую в Духа Святого, от Отца исходящего и с Отцом и Сыном глаголящего пророчества».

Этот Символ Веры был принят исключительно благодаря усилиям Константина. На Втором Вселенском соборе в Константинополе в 381 году Символ Веры будет дополнен несколькими догматами. Но все же его основа была заложена тогда, в Никее. И в этом несомненная заслуга Константина.

В последнем своем слове на Никейском соборе Константин сказал:

— То, что одобрено тремястами епископами, не может быть не чем иным, как доктриной Господа.

В последний день собора Константин пригласил всех его участников к себе во дворец на роскошное угощение. Каждый из епископов получил от него ценный подарок.

Казалось бы, на Первом Вселенском соборе в Никее арианство было разгромлено. Трое самых ярых его сторонников, в том числе и сам Арий, были отправлены в ссылку. О церковном согласии, столь желанном и для себя, и для государства, Константин писал в своем торжественном послании:

«Что ни злоумышлял против нас дьявол, все уничтожено в самом основании. Двоедушие, расколы, смуты, смертельный яд, так сказать, несогласия — все это, по велению Божию, победил свет истины».

Увы, он ошибался, думая, что положил конец церковным спорам и разногласиям. Реальная жизнь не оправдала надежд Константина. Он напрасно ждал от Церкви умиротворения в делах государства. Никейский собор не только не покончил с арианской ересью, но стал толчком для нового, еще более углубленного спора на ту же тему. Выходит, Константин, собирая священников со всей Империи для примирения, не понимал, насколько для них важна суть спора. Он думал, это житейская распря. А это оказалось точкой глубинного философского осмысления всего христианского учения.

Да, христианский мир в лице Никейского собора под высоким патронажем императора вроде бы осудил Ария и арианство. Но Константин был плохо знаком с религиозными настроениями Востока, откуда он теперь правил Империей. А Восток в значительной степени сочувствовал арианству, и легкость, с которой оно было разбито в Никее, оказалась обманчивой. Борьба между арианами и никейцами продолжалась не одно столетие.

И сам Константин, поняв, что большинство населения Востока не принимает решений Никеи, постепенно стал склоняться к арианству. Вскоре, уже через три года, сам же он и вернул Ария из заключения. И вместо него в тюрьме оказались наиболее ревностные защитники никейского Символа Веры, и в их числе тот же Афанасий, ближайший сподвижник епископа Александра, первого врага Ария.

Забегая вперед, скажем, что принять крещение накануне своей смерти Константин пожелал из рук арианина — Евсевия Никомидийского. Но уже лежа на смертном одре, Константин завещал вернуть из ссылки сосланного им же самим Афанасия. То есть простил всех главных зачинщиков знаменитого спора.

Да, он желал быть миротворцем в делах Церкви, но не всегда это кончалось успехом. Ибо приступая к решению сложных религиозных вопросов, он попросту не был к ним готов. Ему не хватало знаний, и он часто полагался на интуицию. А когда не хватало и ее, то он позволял себе, не сходя с трона, топнуть на несогласного с ним красным сапогом василевса. Кстати, с годами он так поступал все чаще и чаще.

После Никеи Константин взял в свои царские руки и церковные дела. Закрепив за собой сан первосвященника — *pontifex maximus*, он соединил в одном лице обе верховные власти Империи. Отныне всякое инакомыслие в богословских делах являлось преступлением государственным. Так был узаконен союз государства и Церкви.

Интересно замечание Карла Маркса по этому поводу:

«Христианство перешло к нам уже в том официальном виде, какой придал ему Никейский собор, приспособивший его к роли государственной религии».

Внешне Никейский собор выглядел огромным успехом Константина. Общую дань уважения выразил ему епископ Осий:

— Человек, который привел к единому мнению триста епископов из ста городов мира, — несомненно посланник самого Бога и самый могущественный из смертных.

О червоточинах сомнений в душах участников Первого Вселенского собора вслух не говорилось.

«Самый могущественный из смертных» вписал свое имя в историю как новатор, как разрушитель старых законов и древних обычаев. Он был первым в истории самодержцем, кто увидел в христианстве громадную нравственную силу, на успешную борьбу с которой не способно никакое, даже самое сильное правительство.

Константин был первым, кто допустил соединение Церкви и государства. И он был первым, кто решился использовать высокое влияние христианской общины для утверждения своей власти в Империи.

Еще раз вернемся к очень важному вопросу, которым не однажды задавались многие историки: а насколько глубоко сам Константин был затронут евангельским учением? Насколько он сам в своей политике следовал нравственным принципам Христа?

Отвечают они по-разному. Не станем скрывать и самые нелестные для нашего героя мнения: Константин, мол, воспользовался новым учением как средством для самоутверждения, как политическим орудием, а божественность евангельского учения мало коснулась его умонастроения.

Надо признать, что среди историков много желающих упрекать Константина в самых разных грехах. Есть и такое утверждение: Константин был намного лучше и благороднее в первые десять лет своего правления, чем в последующие годы, когда он стал деспотом.

Кое-кто обвиняет Константина в том, что он начал войну против второго соправителя Империи Лициния, не имея на то достаточных оснований, а затем, победив его, несправедливо лишил всех владений.

Иные винят Константина, что он, дав клятву сохранить Лицинию жизнь, все-таки распорядился его умертвить.

Третьи приписывают ему чрезмерную подозрительность, жертвой которой стали самые близкие ему люди.

Четвертые упрекают в том, что он слишком свободно тратил деньги из имперской казны.

Несть числа подозрениям и упрекам в адрес Константина, признанного тем не менее святым и равноапостольным. И единственным оправданием для него хулители называют то, что нет таких гениальных людей, которых не способны испортить политический триумф и военное счастье.

А насчет искренности его веры... Кто знает?

Евсевий Кесарийский воспекает Константина как образец истинного христианина. Но в своем великом жизнеописании Константина историк утаил от нас много такого, что чернит светлый образ его героя. Так можно ли в остальном верить Евсевию? Не станем гадать.

Важно, мне кажется, другое. В конце концов Константин пришел к

выводу: насильно веру у человека не отобрать, даже если эта вера самая что ни на есть ложная. А раз так, то каждый имеет право на заблуждение.

Это и было главным открытием Константина как политика, стратега, идеолога. Это и была его Истина. Жаль, что последующие режимы, в том числе и коммунистический, не хотели этим открытием воспользоваться во благо отечества.

Глава 20

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

«Что наша жизнь? Игра». Так сказал классик и был прав уже в том смысле, что самые, казалось бы, серьезные вещи проистекают порой из легкого развлечения, игры.

Константин строил ипподром в новой столице исключительно для проведения игр и конных состязаний. Но сделав его необычайно вместительным и удобным для развлечений, император, как ни странно, создал условия для бурного развития политических партий и серьезной политической борьбы.

Вообще говоря, ипподром играл в жизни Константинополя совершенно особую роль. Это был общественно-политический центр города, место массовых сборов и манифестаций, форум всего населения столицы. Достаточно сказать, что именно здесь происходило провозглашение императора.

Если народ хотел обратиться к императору с просьбой или жалобой, то для этого он использовал игры на ипподроме.

*

Бурное развитие Константинополя можно сравнить с освоением Америки полтора тысячелетия спустя. На новые земли в обоих случаях ринулись люди энергичные, даже авантюрные. Они были изобретательны и активны и в социальной жизни. Просто прийти на ипподром, чтобы поглядеть на бега, — этого им было мало.

Деление единого «демоса» на партии в Византии началось именно здесь — на столичном ипподроме, построенном Константином. Главных партий было две: венеты и прасины. Первая объединяла торговцев и ростовщиков, вторая — аграриев. Постепенно все византийцы примкнули либо к одной, либо к другой партии.

По свидетельству летописца, во время состязаний представители обеих партий сидели вдоль западной, длинной трибуны. Венеты — по правую руку от императора, прасины — по левую. Ипподром, таким образом, был живым воплощением идеи сильной императорской власти,

объединяющей разделенный на части народ.

При Константине новое деление оформилось и в высших кругах византийского общества. Сенаторское сословие и родовитая знать постепенно оттесняются на второй план новой военно-чиновной верхушкой. Борьба между этими двумя группировками происходила по традиции в местах массовых собраний и наиболее острые формы принимала на том же ипподроме или на просторном Форуме Константина. При этом каждая из групп стремилась привлечь на свою сторону «демос». А точнее, использовать его в своих интересах.

Поддержку народа можно было получить и с помощью таких театральных ухищрений, как клакёры (наемные крикуны). Эти заранее подготовленные люди с зычным голосом в самые напряженные моменты публичных действий начинали громко выкрикивать, якобы от имени народа, восхваления или порицания высоким начальникам, политические требования. Такие возгласы весьма мастерски облекались в краткие ритмические лозунги, которые легко могла подхватить толпа. Что она часто и делала, не всегда задумываясь об их сути.

Клакёры были настолько сильным оружием в политической борьбе ранней Византии, что это вынудило Константина издать в 331 году специальный эдикт. Он весьма краток, вот его полный текст:

«Мы всем предоставляем возможность прославлять в общественных местах наиболее справедливых и усердных правителей, с тем чтобы мы могли соответствующим образом их вознаградить, и напротив, предоставляем право обвинять несправедливых и негодных правителей путем возглашения жалоб, с тем чтобы сила нашего контроля воздействовала на них, ибо, если эти восклицания действительно отражают истину, а не являются инспирированными возгласами клиентов, мы будем тщательно расследовать их, причем префекты должны доводить таковые до нашего сведения».

*

Эдикт Константина был прежде всего направлен против главной оппозиционной силы — родовой аристократии. Теряя прежнее положение хозяйки в стране, знать первой прибегла к помощи клакёров. Но среди историков есть мнение, что Константину этот эдикт был нужен не как средство защиты, а как орудие нападения: им он хотел вооружить тех, кто был опорой его власти, — своих чиновников.

Как бы там ни было, эдикт Константина сыграл историческую роль. Он поднял «демос», «плебс» на небывалую доселе высоту в политической жизни Империи. Отныне не местные аристократы, а глас народа должен был давать оценку деятельности властей.

Эдикт Константина был первым, по сути, законом, признававшим конституционные права простого народа. Именно в начале IV века, во времена правления Константина, в текстах историков и писателей появляется понятие народа как самостоятельной силы, противостоящей сенату, родовой знати.

Однако не всегда в этом противостоянии императору удавалось оставаться третьей стороной. Иногда народ имел дерзость выступить против самого порфириноса. И чаще всего такие выступления начинались на столичном ипподроме.

Забегая вперед на два века, упомянем восстание Ника — знаменитый мятеж в Константинополе, унесший сотни тысяч жизней и разрушивший половину столицы. Главные его события проходили на ипподроме и на Форуме Константина — одной из самых просторных площадей города.

Первым актом кровавой драмы стало выступление на ипподроме прасинов против... императора Юстиниана. Прасины взбунтовались потому, что их отстранили от исполнения церемониальных функций в императорском дворце. Словесные баталии середины января 532 года документально зафиксированы сразу несколькими историками. Вот их сокращенный пересказ:

«Прасины: Юстиниан август! Нас обижают, о лучший из правителей. Видит Бог, мы не можем больше терпеть.

Мандатор (чиновник, говоривший от имени императора, который сам не мог умалить своего достоинства разговором с простым народом): Никто вас не обижает... Вы приходите на ипподром не смотреть, а грубить архонтам.

Прасины: Того, кто притесняет нас, постигнет участь Иуды... Терпение — Божий удел. Мы же, обладая даром речи, скажем тебе сейчас все. Мы, трижды августейший, не знаем, где твой дворец и как управляется государство. В городе мы появляемся не иначе как сидя на осле. (На осле обычно по городу возили преступников.)

Мандатор: Вы не боитесь за свои души, висельники!

Прасины: Запрети зеленый цвет (цвет прасинов), и правосудию нечего будет делать. Позволяй убивать и карай сколько пожелаешь. Такого противоречия поистине не выносит человеческая природа. Лучше бы не

родился Савватий (отец Юстиниана), он не породил бы сына-убийцу... Торговца дровами в Зевгме кто убил, автократор?

Мандатор: Вы его убили.

Прасины: Сына Эпагата кто убил, автократор?

Мандатор: Вы его убили.

Прасины: Господи, помилуй! Свободу притесняют... Кто говорит, что правит всем Бог, откуда же тогда такая напасть?..

Мандатор: Клеветники и богохульники, когда же вы замолчите?

Прасины: Спасайся, правосудие, тебе больше нечего делать... Пусть будут выкопаны кости остающихся зрителей!»

С шумом прасины покидают ипподром, нанеся таким образом явное оскорбление императору. Извечная страсть византийцев к бегам отошла на второй план перед жизненно важной проблемой. Вряд ли удастся найти документ, который бы мог служить более яркой иллюстрацией политической жизни Византии. И без всякого зазрения совести можно сказать: такие отношения императора и его подданных — это отдаленный результат реформ, предпринятых Константином.

Очень кратко расскажем о дальнейшем ходе знаменитого восстания и о его последствиях.

После ссоры с императором на ипподроме возбужденная толпа ринулась в город. Там произошли кровавые стычки между прасинами и венетами. Несколько человек были убиты. Префект Константинополя Евдемон (второй после императора человек в городе) выведаль имена семерых зачинщиков бунта и приговорил их к смертной казни: четверых — к отсечению головы, троих — к повешению.

Осужденных для острастки публики провезли к месту казни по всему городу. Но во время исполнения приговора, к счастью троих, виселица сломалась. Они упали на землю и остались живы. Толпа потребовала их освобождения. Но префект был неумолим, и они были повешены во второй раз. И вновь виселица сломалась, и они рухнули наземь.

Тут уж толпа разошлась вовсю — отбила у стражи троих осужденных и отвела в безопасное место, в церковь Святого Лаврентия на другом берегу Золотого Рога. Префект велел войскам окружить церковь и сторожить людей, чудом избегнувших смерти.

На другой день во время ристания на ипподроме не только прасины, но и венеты в один голос потребовали от императора помиловать «спасенных Богом». Тот был глух к народному гласу. Накал страстей был так велик, что за два заезда до конца состязаний (самый острый их момент) публика

принялась хулить императора. Кто будет победителем в скачках, уже никого не интересовало.

С криками «Ника! Ника!» («Побеждай!», отсюда и название восстания) народ покинул ипподром. Явившись к префекту Константинополя, возбужденная толпа потребовала убрать военную охрану церкви и освободить троих осужденных. Когда префект ответил отказом, его помпезная резиденция была сожжена дотла.

Далее читаем у Прокопия Кесарийского:

«Члены обеих партий, ворвавшись в тюрьму, освободили всех заключенных там за мятеж или иное преступление. Лица же, находившиеся на службе у городских властей, были убиты».

Затем восставшие пришли к Большому дворцу, построенному Константином, и подожгли его парадный вход. Отсюда огонь перекинулся на другие строения. Грандиозный пожар уничтожил сотни красивейших зданий столицы, в том числе храм Святой Софии, церковь Святой Ирины, сенат, величественный портик и другие здания центральной площади города — Августеона, знаменитые бани Зевксиппа, странноприимные дома...

Читаем у Феофана: «Входя в здания, они разрушали их до основания... Погибли многие жилища богатых и большие богатства».

Юстиниан, желая отвлечь народ от бунта, устраивает внеочередные состязания на ипподроме. Но не тут-то было. Самое любимое ранее народом зрелище уже мало кого интересует. Озлобленная толпа явилась на ипподром только затем, чтобы его поджечь. В тот день впервые прозвучали призывы к свержению императора.

Не на шутку испугавшись, Юстиниан вызвал войска из нескольких городов. Солдаты разогнали восставших, но самые упорные укрылись в Октагоне, красивом здании восьмиугольной формы, где размещалась созданная Константином Высшая школа. Войска попытались выбить их оттуда, но это не удалось. Тогда солдаты подожгли эту прекрасную постройку, в огне погибли многие из бунтовщиков.

Пожар перекинулся на соседние жилые кварталы. Дотла сгорели сотни домов вдоль центральной улицы города, церкви. Но огонь словно по команде остановился у часовни Святого Константина, стоявшей у порфирной колонны на Форуме его имени.

Город представлял собой груду чернеющих развалин...

На пятый день восстания, в воскресенье, Юстиниан прибыл на полусгоревший ипподром с Евангелием в руках и призвал к себе жителей

города. Как значится в «Пасхальной хронике», скоро «пришел весь народ, и наполнился ипподром чернью». Император произнес (на сей раз сам) такую необычную для него речь:

«Клянусь святым могуществом, я признаю перед вами свою ошибку и не прикажу никого наказать, только успокойтесь. Все произошло не по вашей, а по моей вине. Мои грехи не допустили, чтобы я сделал для вас то, о чем вы просили меня здесь, на ипподроме».

Но если двадцать лет назад похожая речь императора Анастасия здесь же на ипподроме позволила сохранить ему корону, то ныне Юстиниана она не спасла. Большинство народа было против него. Толпа ревела: «Ты даешь ложную клятву, осел!»

Оскорбленный в лучших чувствах Юстиниан поспешно удалился. А восставшие уже называли имя нового императора — сенатора Ипатия.

Дальнейшие события развернулись на Форуме Константина. Сюда был приведен одетый в белоснежные одежды Ипатий. Его возвели на ступени колонны Константина, возложили ему на голову, за неимением диадемы, золотую цепь и провозгласили императором.

Первым делом Ипатий повел восставших все на тот же ипподром.

Юстиниан тем временем прибег к испытанному средству: приказал своим приближенным отправиться к венецам, которые в этом восстании оказались на вторых ролях, и раздать им большие суммы денег. Среди единых до того времени мятежников вновь начались раздоры. Вновь на ипподроме образовались две враждебные толпы — венецы против прасинов.

Солдатам Юстиниана только того и надо было. Они неожиданно ворвались на ипподром с разных его концов и стали рубить мечами всех подряд, не щадя ни женщин, ни стариков. «Толпа падала, как скошенная трава», — читаем у летописца.

В этой мясорубке на ипподроме погибли около 35 тысяч человек. Ипатий был схвачен и доставлен в Большой дворец. Юстиниан велел немедленно казнить его.

Так трагично закончилось крупнейшее восстание ранней Византии в городе, построенном Константином «для пущей славы великой Империи».

*

Но вернемся к нашему герою.

«Самый могущественный из смертных» не знал, что судьба приготовила ему очередное, пожалуй, тягчайшее за всю жизнь испытание.

Власть в Империи была поделена. Самая большая часть ее территорий принадлежала Криспу, старшему и самому любимому сыну Константина. Ему еще не было тридцати. На что же могли рассчитывать подростки дети Фаусты?

К тому времени у нее их было шестеро, причем трое — юноши с честолюбивыми задатками матери. Для них места у верховного трона не было. И ради своих кровных и столь обожаемых детей Фауста решилась на преступление.

План ее был коварен. Сначала Фауста устроила так, чтобы муж застал ее в объятиях подвыпившего Криспа. Затем она подбросила мужу фальшивое письмо, адресованное якобы Криспу, из которого становилось ясно, что Крисп — участник заговора с целью захвата верховной власти. Взбешенный Константин отправил сына в изгнание на Адриатику до тех пор, пока не решит его участь.

Историки расходятся во мнении о дальнейшей судьбе Криспа. Некоторые уверяют, что Фауста убедила Константина в предательстве сына и вынудила мужа издать указ о его казни.

Но Фрэнк Слоттер, один из знатоков византийской истории, выдвинул такую версию: Фауста подговорила учителя ее детей изготовить фальшивый указ о казни Криспа. Фальшивка была сделана очень искусно, с печатью и очень похожей подписью Константина.

И цезарь Запада Крисп был обезглавлен как участник заговора с целью покушения на жизнь императора.

Когда Константин узнал об этом, он впал в отчаяние. В трагедии он был склонен винить прежде всего самого себя — за то, что вовремя не оставил трон, подобно Диоклетиану, и не поделил Империю. Он был уверен, что тогда сын был бы жив.

Далее события, по Слоттеру, развивались подобно драме Шекспира. Сравнив почерк на фальшивом указе с почерком учителя, Константин допросил его, и тот признался, что во всем виновата Фауста.

Константин в порыве гнева кинулся к жене и, застав ее в горячей ванне, утопил...

Естественно, у Евсевия, биографа Константина, о подобном развитии событий, даже если они были именно таковы, не упоминается ни единым словом.

Официальное известие так объясняло причину смерти Фаусты: она захлебнулась в ванной после чрезмерной дозы снотворного. Ее похоронили

с почестями, какие подобают императрице...

В один день Константин стал самым несчастным из людей. Им овладела черная меланхолия, его характер с каждым днем портился. Все чаще его охватывали приступы неоправданного гнева. Лицо его светлело только в обществе его малых детей и внуков, ставших для него чуть ли не единственным источником душевного спокойствия.

*

Константин разделил Империю на четыре префектуры, четыре экзархата: Восток, Запад, Италию, Иллирию.

В префектуру Востока входили Египет, Сирия, Месопотамия, Армения и Малая Азия.

Запад охватывал, как и во времена Константина-цезаря, те же провинции: Британию, Испанию и Галлию.

В префектуру Италии, кроме собственно Италии, входили все острова Средиземного моря, Северная Африка и Альпийские области до Дуная.

Иллирию составляли Греция, Дакия, Македония, Паннония.

Своего старшего сына, Константина Второго, Константин назначил цезарем Запада. Среднего сына, Констанция, — цезарем Востока. Третьему, Константу, досталась Италия. Аннибалиан, племянник Константина и внук Феодоры, стал цезарем Иллирии.

Сам Константин оставался императором с правом накладывать вето на решения младших правителей.

*

От тяжелых мыслей лучше всего отвлекали заботы по устройству новой столицы Империи. Константин вложил в нее всю свою страсть, силу и талант.

В фантастически короткий срок Константинополь стал одной из красивейших столиц планеты. Григорий Богослов называл его «оком вселенной, городом могущественнейшим на суше и море, общенародным форумом, откуда исходит все важнейшее...».

Константин сумел притянуть к своему городу огромные материальные средства и сделать его самым крупным рынком для сбыта товаров со всего света, в особенности редких и дорогих товаров из Персии, Египта, Индии.

Даже из далекого Китая сюда везли драгоценные по тем временам шелковые ткани.

Но Константин твердо решил сделать новую столицу и центром культуры и просвещения. Одним из первых своих указов он освободил от муниципальных обязанностей и должностей профессоров и докторов всех известных в то время наук, вместе с женами и детьми, «дабы предоставить означенным лицам всю необходимую свободу для занятий науками и искусствами и для преподавания другим». Ученые, равно как врачи, адвокаты и школьные учителя, были приняты на казенное жалованье, весьма приличное.

Представители интеллигенции были в новой столице одним из самых состоятельных сословий. Об этом позаботился Константин, обеспечив их многими льготами и освободив от ряда повинностей, таких, как воинская служба или постой солдат. Жили представители этого сословия в отдельных домах, одевались в дорогие одежды.

На особом положении были придворные врачи, они и вовсе были освобождены от всех налогов.

Таким образом, уже при Константине в Византии интеллигенция стала привилегированным сословием. Она содержалась за общественный счет и пользовалась многими льготами. Это стало причиной того, что наука и образование в Византии многие последующие века стояли на недостижимой для других стран высоте.

В этом смысле с городом на Босфоре могла соперничать только Александрия — крупнейший культурный центр средневекового мира. Рим, как и прочие города, уже при жизни Константина ему значительно уступал.

Авторитетный византолог А. Джонс, сравнивая число частных домов в Риме и Константинополе, делает вывод: в новой столице их в два раза больше. Это подвигает исследователя к следующему заключению: в Константинополе был значительно более многочисленным средний класс, состоявший из чиновников, юристов и представителей других интеллектуальных профессий.

В новой столице был основан и Императорский университет. Более тридцати профессоров преподавали в нем грамматику, римское и греческое красноречие, философию, греческую словесность, юридическое право.

Устав Университета предусматривал для особо авторитетных профессоров графский титул, что уравнивало их в правах с главами провинций.

В Университете была создана библиотека, со старых рукописей

делались копии. Для этого трудились более десяти каллиграфов. Легенды утверждают, что и сам Константин любил заниматься перепиской старых кодексов.

Вообще говоря, на протяжении многих веков ни в одном городе мира наука и искусство не пользовались таким вниманием, как в Константинополе. И заслуга в этом, конечно же, основателя византийской столицы, заложившего традицию такого отношения к культуре.

*

Не надо, впрочем, забывать о многочисленном сословии тех, кто находился на нижней ступеньке социальной лестницы. Прежде всего это нищие и всевозможные попрошайки, без которых нельзя представить столичную улицу.

Константинополь, это средоточие византизма, возвел милостыню в один из высших видов добродетели.

Нищие византийской столицы составляли как бы особую корпорацию, и неудивительно, что новых членов принимали в нее с большой неохотой, ведь дневной заработок официального нищего во много раз превышал заработок хорошего ремесленника. Среди константинопольских нищих выделялись те, кто состоял в особых отношениях с патриаршим двором: они получали постоянную милостыню во время показательных раздач в патриархии.

Эту категорию привилегированных нищих один из хронистов именуется «патриаршими детьми» или «хищными бедняками». Он рассказывает, что как-то ночью они украли у него последний плащ.

Столичные нищие чаще всего жили на улицах, ночуя в углах форумов, на церковных папертях или под сводами крытых портиков. Здесь же встречались и увечные, выставившие напоказ свои болячки, стараясь разжалобить прохожих. Все это придавало весьма своеобразный вид константинопольским улицам, где среди величия колонн и великолепия статуй ютились полудикие фигуры в живописных лохмотьях.

На самой низшей ступени общества находились и рабы, которые были собственностью как государства, так и частных лиц или церкви. Но Константин несколькими своими указами облегчил положение рабов. Они теперь могли иметь семью и даже собственность, могли получать наследство.

Константин запретил владельцам рабов слишком жестокое обращение

с ними. Убийство раба стало наказуемым. Власть хозяина раба являлась властью не над вещью, а над человеком.

Неудивительно поэтому, что ни при Константине, ни при его преемниках в хрониках, повествующих о мятежах и восстаниях в Византии, не упоминаются рабы. Бунтовали другие сословия.

*

Говоря о городе Константина, ради объективности стоит упомянуть и о других его теневых сторонах. Прежде всего это нечистоты и зловоние на улицах, вступавшие в столь явный контраст с помпезной пышностью великой столицы. Причиной тому была чисто восточная особенность населения, которое заботилось лишь о чистоте своих домов и нисколько не думало о чистоте улиц, без зазрения совести заваливая их отбросами.

Но настоящим бедствием для города были кладбища, вернее, места погребения, если так можно сказать. Только состоятельные люди могли позволить себе роскошь хоронить родственников по всем правилам — в склепах или на собственных усадьбах. А тела нищих и казненных преступников (тех и других было в избытке) просто сваливались в огромные ямы на окраинах города, будучи обречены на гниение под открытым небом. Не надо пояснять, какое вокруг царило зловоние.

Об освещении ночного Константинополя позаботился император Юстиниан только в VI веке. А при Константине, увы, в ночной столице запоздалые жители пробирались по темным улицам с лампами в руках. Ночным грабителям предоставлена была полная свобода действий. Их наглость дошла до того, что однажды под покровом тьмы они украли медные статуи с ипподрома.

Еще одним несимпатичным явлением Нового Рима было необычайное развитие проституции. Девушки из беднейших сословий вынуждены были торговать собою на площадях и улицах ради того, чтобы выжить.

Многие историки отмечают изобилие публичных домов в Константинополе и его окрестностях. Их называли «мимариями», а их обитательниц — «мимами». Происхождение этих слов указывает на то, что, как и в Древнем мире, в Византии ремесло гетеры и актрисы считалось весьма сходным.

Устраивать мимарии не стеснялись даже по соседству с церквями. Борьба императора с притонами имела мало успеха: когда высоким повелением закрывались одни, проститутки перебирались в другие и

продолжали заниматься своим ремеслом.

Житие преподобного Феодула Столпника повествует об одной знатной женщине, которая была вынуждена служить в мимарии после того, как ее разорившегося мужа кредиторы засадили в тюрьму. И таких историй было известно немало.

Следует упомянуть и такой весьма распространенный в Константинополе грех, как содомитство. В Житии преподобного Власия есть рассказ о продаже в рабство доверчивых юношей привлекательной наружности. Заманивали их, как ни странно, бродячие монахи.

В другой летописи упоминается знатный вельможа Анатолий, который имел множество рабов; среди них он выделял молодых и наиболее симпатичных, приближал их к себе якобы для обучения грамоте, всячески ублажал и одаривал одеждой со своего плеча, сладостями и прочим и таким образом склонял к похоти. Если они отказывались, то Анатолий мучил их голодом, жаждой и плетьюми.

*

Об употреблении рабынь в качестве наложниц вряд ли надо говорить особо — это было явлением ординарным и даже публично не осуждаемым. В Житии преподобного Павла Латрского читаем рассказ о юной красавице, отказавшейся утешить своего господина: сначала ее мучили холодом, лишив одежды в зимнее время, а затем отрезали язык.

Весьма характерным для Константинополя первых веков его существования было публичное мучительство. Оно достаточно ярко характеризует склонность византийского плебса к жестокости. Самым мягким ее проявлением, пожалуй, были позорные шествия осужденных по городу на осле. Их оскорбляли, избивали, делая калеками.

Житие святого Андрея Критского содержит сцену его медленного растерзания рыночной толпой. (Было это не в эпоху Константина, а позже, во времена иконоборческих гонений, но этот эпизод весьма характерен как пример подлинного зверства обезумевшей константинопольской толпы.)

Осужденного на казнь еретика тюремные стражи с побоями вывели на площадь, где его встретили издевательства и хохот. Начинается травля человека озверелыми людьми. Ему разбивают голову дубиной, побивают камнями. Скорая смерть несчастного не останавливает зверство толпы. С него сдирают кожу (слава Богу, он уже мертв и не чувствует боли). Ему вспарывают живот, и на мостовую вываливаются волочащиеся кишки... В

пьянящей кровавой сцене участвуют и женщины, и дети, идущие в школу. Наконец, насытившись зверством, толпа бросает обезображенные останки в яму, куда сваливают тела казненных преступников...

*

Настоящим бичом для новой столицы оказались пожары. Под их постоянной угрозой жил город со своими тесными, чрезмерно узкими улицами, загроможденными в основном деревянными домами. Печей, как ни странно, в них не было, и в зимнее время комнаты обогревались жаровнями с углем. Естественно, при таких условиях пожары, при самых различных способах их тушения, были в столице частым и весьма опустошительным явлением.

Но происходили они не только от неосторожности с огнем; пожары сопровождали всякий бунт столичной черни, которая в диком ослеплении поджигала город, не думая о том, что может спалить и свое жилье. Эти бунты, особенно частые в IV-VI веках, когда еще не было сломлено необузданное своеволие народа, сплотившегося под знаменами партий ипподрома, были для Константинополя настоящим бедствием.

Воспитанный тем же ипподромом в жажде сильных ощущений рабочий люд новой столицы был едва ли не самым жестоким и диким из всех известных доселе плебсов. Живя в чисто восточной грязи и тесноте, не имея за душой ничего, кроме постоянного призрака голода, константинопольский пролетарий вечно алкал грабежа и беспорядков. Эта жажда и выплескивалась в поджоги.

В Житии преподобного Феодула Столпника читаем о том, как он принимал погорельцев после очередного пожара в Константинополе. Один со слезами говорит, как пожар застал всю его семью мирно спавшей и погубил его жену и троих детей, другой рассказывает, как, спасаясь от огня, он был ограблен мародерами, неизменно появлявшимися при пожарах и нередких в этой части света землетрясениях.

*

Константинополь с самого начала его существования стали называть «высшей опорой и средоточием православия». Уже в IV веке в городе насчитывалось до двухсот шестидесяти церквей и более ста монастырей.

Со всего света в эту «пристань веры» стекались подвижники христианства. Но среди них было немало тех, кто стремился использовать новую веру для своей карьеры. Ведь при таком количестве церквей и таком громадном клире было весьма легко вступить в ряды духовенства.

В значительной степени продуктом новой христианской религии были всевозможные благотворительные учреждения Константинополя. Богадельни, приюты, больницы, воспитательные дома, лепрозории в подавляющем большинстве возникали при церквях и монастырях. Во главе этих благотворительных заведений, как правило, стояли духовные лица.

Это было великим вкладом Православной Церкви в городскую культуру мира. Традиция, рожденная в Византии, распространилась вскоре на другие страны.

Становлению христианской благотворительности активно содействовал Константин. Во время голода он неоднократно передавал Церкви огромные запасы хлеба для раздачи беднякам, вдовам и сиротам. Продовольственные пайки для жителей столицы тоже были впервые введены Константином. Он помогал созданию богаделен и приютов, их число при нем достигало двух десятков.

Константин распорядился основать первые больницы для психически нездоровых людей, родильные дома — для бедных женщин, лепрозорий при городской тюрьме — для прокаженных преступников...

*

При всех своих пороках и недостатках город Константина вызывал неизменное восхищение тех, кто видел его впервые. Как его только не величают! И «оком земли», и «светильником мира», и «мастерской Вселенной», и «великим градом, превознесенным над всеми прочими», и «манящим городом-сказкой, как венком, окруженным голубым морем и сияющим красотой рощ».

Византийские писатели доходят прямо-таки до религиозного преклонения перед городом, вобравшим в себя все высшие блага как православной, так и древнеэллинской культуры.

Великий царственный град, возведенный гением Константина, в течение тысячелетия был прекраснейшей столицей мира. В нем сверкали кресты десяти сороков церквей и возносился в лазурь южного неба вечный купол храма Святой Софии. В нем теснились корабли десяти морей, высились сказочно пышные дворцы, торговал и работал миллионный

людской муравейник...

Константинопольская улица днем представляла собой живописнейшее зрелище. У храмов и церквей хозяева свечных лавок, пренебрегая запретом городского епарха, на глазах прохожих отливали свечи. Менялы в тени портиков круглый день взвешивали золотые монеты и обменивали их на мелочь. Кузнецы выносили из мастерских наковальни и осыпали улицу фейерверками горящих искр. Парфюмеры наполняли воздух экзотическими благовониями амбра и мускуса, смирны и кинамона. Мясники разделявали теплые еще туши.

Тут же шилась и чинилась обувь.

Тут же готовилась самая разнообразная горячая еда: пеклись хлеба, тушились овощи, на таганах жарилась только что пойманная рыба.

Тут же в пыли валялся пьяный, в отбросах копались нищие, а юродивый справлял свои естественные потребности.

Тут же ювелиры выставляли на продажу привезенные со всего света драгоценности.

Тут же старьевщик, юрист и проститутка предлагали свои услуги.

Тут же шла торговля предметами утонченной роскоши: изящными изделиями из бронзы, серебра и слоновой кости.

И тут же философы вели свой бесконечный диспут...

И среди этого яркого калейдоскопа жизни бродили толпы зевак и праздных горожан. Константинопольцы охотно проводили свободное время на улице. Среди тенистых галерей и портиков, под навесами распивочных и закусочных было приятно укрыться от горячего солнца, поболтать, узнать последние новости. Для этого были мало приспособлены те углы, в которых ютилось большинство населения столицы. Ее улицы пустели только в полдень, когда люди прятались от самого нещадного зноя и садились за обед.

Посетивший Новый Рим король остготов Атанарих был поражен его величием и великолепием. Вот его впечатления, сохраненные для нас византийским историком:

«Теперь я вижу собственными глазами этот знаменитый город, о котором часто слышал с недоверием. Я восхитился и самим положением города, и грандиозными его стенами, и караванами кораблей, и множеством народа из различных племен, живущих мирно... И я произнес: без сомнения, император — это земной бог, и кто осмелится поднять на него руку, сам будет виновен в пролитии собственной крови».

Восемь веков спустя его восхищение разделят крестоносцы, пришедшие захватить сказочную, единственную, самую яркую столицу мира. Описывая ее, их предводитель Виллегардуэн говорит:

«Кто не видел собственными глазами, не поверит, будто может существовать на свете столь богатый город — верховный над всеми остальными. Не может не затрепетать сердце человека, увидавшего высокие опоясавшие его со всех сторон стены, мощные башни, богатые дворцы и великолепные церкви... Во всем свете не сыщется зрелищ, подобных его празднествам на ипподроме. Жители византийской столицы, подобно каким-то принцам, ходят в роскошных шелковых одеждах, тканых золотом и осыпанных жемчугом...»

По одному меткому выражению, Константинополь был Парижем Средних веков. И туда стремились паломники со всего света. Весь мир грезил о нем. Венецианские банкиры мечтали о выгодных сделках, которые можно совершить на Босфоре. Скандинавские викинги и воины Армении приходили сюда, чтобы служить в императорской гвардии и составить здесь себе состояние. В Константинопольском университете вокруг знаменитых учителей толпились ученики со всей Европы.

Город на Босфоре, Константинополь, несомненно, был самым великолепным и самым блистательным центром во всем христианском мире. Известный историк культуры В. Н. Лазарев говорит по этому поводу: «О Константинополе мечтали среди холодных туманов Норвегии, на берегах русских рек, в крепких замках Запада...»

Очень скоро многие столицы Запада и Востока стали копировать город, созданный Константином. При дворах стали вводить такие же пышные византийские костюмы, титулы, сложный церемониал императорского дворца. Архитекторы Европы подражали стилю византийских храмов, дворцов и галерей. Модельеры заимствовали у византийцев покрой платьев, художники — сюжеты своих мозаик и фресок...

Со времени Константина слово «Византия» перестало служить только выражением реального географического понятия. Оно стало обозначать и

систему ценностей (культурных, государственных, церковных, политических), носителем которых отныне была Византийская империя.

Хотя надо заметить, что несколько веков кряду это наименование, Византия, вызывало у многих сомнения и возражения. Даже сами ее обитатели называли себя не византийцами, а ромеями. Свою же Империю звали Ромейской.

И еще одно попутное замечание. У русских термин «византийский» не одно столетие был связан с такими весьма несимпатичными чертами человеческого характера, как коварство, хитрость, лицемерие, самомнение и тщеславие. С другой стороны, самое восторженное, коленапреклоненное отношение сложилось у наших предков к таким понятиям, как византийская культура, византийская образованность.

*

Византия породила византизм — исторический принцип, на основе которого веками складывалась жизнь значительной части человечества. Византизм разделил Европу на две половины — православную и католическую (здесь скрыты не только религиозные различия, но и политические и этнографические).

Византия и византизм взрастили две вековые ценности русского народа — самодержавие и Православную Церковь.

Византия в лучшем своем проявлении — это «симфония». Единое по своим традициям и устоям государство и одновременно устойчивое христианское сообщество — вот основы византийского менталитета.

Население Империи было многолико и включало десятки народностей: греки, арабы, евреи, армяне, сирийцы, копты, готы, сарматы, аланы, славяне... Что могло их объединить? Вместо общенационального патриотизма у них была общая вера — христианство. Оно и соединило в одно целое столь разные народы и народности. Оно и было основой византизма.

Ярким примером может быть Сирия, одна из частей Византии. Когда арабское завоевание оторвало ее от Империи, христианство и греческий язык весьма быстро стали исчезать из обихода. Тем не менее православное население Сирии в течение многих веков не утратило ни чувства духовного, религиозного родства с Византией, ни постоянного тяготения к Империи, воплощавшей идею мирового православного царства и хранительницы высшей земной культуры. Неизменный экономический и

художественный обмен продолжал сплавлять Сирию с остальным византийским миром — величайшей космополитической монархией всех времен и народов.

После падения Римской империи Византия осталась единственной хранительницей идеи всемирной монархии — одной из составляющих византизма. Очень скоро византизм дошел до Киева и Москвы. И Русь с легким сердцем, с восторгом восприняла высшую основу своего устройства — императорское достоинство.

*

Об огромном влиянии Византии на Русь говорилось немало (достаточно сказать, что государственный герб, двуглавого орла, Русь переняла у Византии). Но здесь еще раз упомянуть об этом влиянии весьма уместно, потому как у истоков великой Империи стоял наш герой, император Константин Великий. И деяния его, совершенные в далеком от нас IV веке, простираются и до нашего времени.

Византия просветила наших предков, как, впрочем, и другие славянские народы, светом новой веры, дала им богослужебный язык и письменность. Византийское пристрастие к яркости и красочности передалось и русской традиции иконописи. Византийская любовь к плавному ритму слов предвосхитила тягу русского народа к поэзии церковных песнопений. Византийская религиозная одержимость предшествовала подвигам русских монахов и чудотворцев...

Под влиянием Византии сложилось государственное устройство многих славянских стран, развились их литература и искусство. От Византии к нам перешли знаки верховной государственной власти: держава, скипетр, бармы — драгоценные оплечья, надеваемые во время коронации.

Один болгарский князь говорил, обращаясь к византийцам: «От вас на все страны добрый закон исходит».

*

Византизм вобрал в себя тысячелетнюю культурную работу богатейших и просвещеннейших стран Древнего мира. Самая великая идея Византии, унаследованная от предшествующих монархий, — это идея

религиозно-обоснованного «мирового царства» и «царственного града».

Тот пастырь, которого в конце III века Константин увидел впервые в полуразрушенной церкви на берегу Евфрата, помогает понять сверхидею самодержавной Византии. Византия — это самая яркая во всей истории нашей планеты иллюстрация того, что подлинная общечеловеческая культура не нуждается в существовании национальных государств.

Византия, сознательно или нет, стремилась осуществить идеал единого стада и единого пастыря, который в глазах Создателя есть единственное условие мирового спасения.

*

Да, Византия чудесным образом сумела сохранить для человечества высшие эстетические, религиозные, социальные и политические достижения предшествующей истории.

Но Византия оказывала влияние не только в течение десяти веков своего существования, но и после своего крушения в 1453 году.

Мало того, Византия продолжает свое воздействие на европейскую и мировую культуру и поныне — посредством своих памятников.

Мумия византизма еще ждет своих исследователей.

Большая часть литературных памятников византийских времен до сих пор не издана. На одном только Афоне (в Греции) хранятся до десяти тысяч рукописей. Во всех больших европейских библиотеках есть свои специальные отделы византийского периода.

Не до конца изучены многие памятники архитектуры и живописи. Этому мешает то обстоятельство, что многие из них находятся под землей. Необходимые для раскопок деньги у турецкого правительства долгое время не находились.

Между тем (и это самое прискорбное) на турецкой территории тайно велись контрабандные раскопки. Добытые таким способом древности продавались в частные коллекции.

Тема эта весьма актуальна. Потому как до сих пор не сделано всесторонней оценки культурного значения Византии вообще и для России в частности. Для нас эта задача имеет особую важность.

Наследие Византии для нас не отвлеченная проблема, а реальный предмет, изучение которого тесно связано с нашей историей. Его изучение необходимо и для развития нашего исторического самосознания и —

главное — для воспитания устойчивого взгляда на наше нынешнее развитие.

Куда идем? Что строим? Какими идеалами вдохновляемся?

Эти вопросы приобретают особую значимость для нас — народа, в одночасье утратившего свою идеологию, свою общенациональную Идею. Ее нельзя вновь обрести, не вернувшись к истокам. А истоки наши идут от Византии.

Вот почему нам так важно все, что связано с Константином, заложившим основы Византии и византинизма.

*

Вместе с тем из опыта Византии очень важно извлечь и горькие уроки. И прежде всего надо ответить на вопрос о причинах ее гибели.

Да, были землетрясения, были моры. Были многочисленные набеги варваров, а затем нашествия воинственных крестоносцев с запада и османов с востока. Но не это явилось, как уверяют византологи, основными причинами крушения величайшей Империи средневекового мира.

Византию погубили внутренние язвы. Мы уже называли пять главнейших. Теперь скажем о них подробнее.

Первая из них — непомерно раздутый чиновничий аппарат.

Свидетельства летописцев переполнены рассказами о бесчисленных преторах, форологах, магистрианах, логофетах дрома, практорах, апографевсах и анаграфевсах, диэкэтах, дасмологах, коммеркиариях и навтологах, «которых столица посылает в провинцию в гораздо большем числе, чем Бог некогда лягушек в Египет». Их наезды, разумеется, с многочисленной свитой, были часты и сопровождались нескончаемыми поборами и податями.

Государственная машина Византии была слишком громоздка и работала саморазрушающе. Чрезмерное обилие чиновников и их частые смены, алчность вновь пришедших, которые первым делом стремились набить свой карман... (Так похоже на нынешнюю Россию. В СССР с его 250-миллионным населением аппарат не превышал 18 миллионов. То есть каждый четырнадцатый. Сейчас на 149 миллионов народа — более 25 миллионов чиновников! Каждый шестой!)

Бюрократия в Византии была хищной и ненасытной. Преподобный Феодор Студит рассказывает об одном царском казначее. Тот за несколько

лет службы собрал огромное состояние и был завидным женихом. Но когда он вознамерился взять в жены молодую красивую девушку, она ответила отказом и укрылась в монастыре. Тогда чиновник похитил ее мать и стал пытаться. А затем выкрал из монастыря саму девушку и насильно женил ее на себе. Словом, полный беспредел, выражаясь современным языком.

Вторая роковая болезнь Византии — слишком разительное расслоение, поляризация общества на бедных и богатых. (И вновь очень похоже на нынешнюю Россию.)

Особенно это стало заметно после введения крупного землевладения. Прежде единая Византия стала распадаться на усобные хозяйства, и население ее провинций оказалось во власти крупных магнатов-землевладельцев. Немногие полупили власть над многими.

Если при Константине в стране все социальные слои были перемешаны между собой и более-менее равны, то теперь крупное землевладение разделило Империю на два противоборствующих лагеря. И своей враждебной замкнутостью сословий Византия стала напоминать средневековый Запад.

Третья ее внутренняя язва — судебная волокита и невозможность добиться справедливости. Постоянные взятки и подкупы в судах сделали правосудие недостижимым идеалом. (Здесь византийское наследство Россия эксплуатирует уже многие века.)

В Житии преподобного Павла Латрского читаем о расправе крестьян над судьями, вынесшими вполне справедливый приговор двум разбойникам. Возражать было вроде бы нечему и возмущаться нечем. Но власть и администрация в Византии настолько себя дискредитировали, что население привыкло видеть в чиновниках «только насильников и обжор» и жаждало над ними собственноручной расправы. Что и было сделано.

Четвертая болезнь — пренебрежение к собственной армии. (Тут уж о современной России говорить без слез просто невозможно.)

Как мы помним, Константин унаследовал от отца, императора и полководца Констанция Хлора, самое бережное отношение к своей армии как к основе могущества государства. Так он ее и строил.

Но после него с течением времени императоры Византии сочли возможным «экономить» на обучении собственных солдат и стали набирать войско из чужеземных легионеров. Неудивительно, что те смотрели на местное население как на жителей завоеванной ими страны —

со всеми вытекающими последствиями, такими, например, как частые случаи насилия солдат над беззащитными горожанами и крестьянами.

Ну а когда Империя оказывалась в сложной ситуации, рассчитывать на самоотверженность солдат-чужеземцев и вовсе не приходилось. Они нередко попросту изменяли своим временным хозяевам и переходили на сторону врага.

Пятая причина падения грандиозной цивилизации — равнодушие Константинополя к провинциям, которые из последних сил кормили свою пышную и алчную столицу.

Слишком централизованная, Империя не позволяла развиваться силам местного самоуправления и жестко подавляла все проявления социального творчества на местах. Она лишь брала, ничего не давая взамен. Столица украшалась и богатела, провинция беднела и разорялась. (Не напоминает ли это нашу нынешнюю российскую действительность?)

Византийский писатель Михаил Хониат незадолго до гибели великой Империи пишет, обращаясь к жителям Константинополя:

«Вы не желаете выглянуть из-за своих стен и ворот, не хотите посмотреть на древние, окружающие вас города, ждущие от вас справедливости; вы посылаете в них одного за другим форологов, с их зубами звериными, говоря согласно Моисею, чтобы пожирать последние останки. Сами же вы остаетесь у себя, предаваясь покою и извлекая богатства из законов и суда, города же опустошают негодные фискалы.

Да и чего лишены вы? Разве плодородные равнины Македонии, Фракии и Фессалии не работают на вас хлеб? Разве не выжимают вам вино Эвбея, Птелерия, Хиос и Родос? Разве фиванские и коринфские пальцы не ткнут вам одежды? Разве не вливаются речки всех богатств в столицу, как в единое море?

Чего вам ради, в самом деле, менять привычное на чужое? Не лучше ли не знать «ни дождя, ни солнца», а в полноте всех благ, без труда, сидеть дома и пользоваться неомрачимой жизнью?»

Такими страстными словами пытался образумить сограждан один из самых искренних византийских патриотов. Увы, это было гласом вопиющего в пустыне. Язвы продолжали перерождаться в раковую опухоль...

Вернемся к нашему герою. Константину было еще долго до смерти, но он уже думал о переходе в мир иной. В центре города он поставил великолепный храм во имя Двенадцати Апостолов. Величественная церковь была задумана Константином как усыпальница византийских царей.

Он сам придумал украсить ее двенадцатью мраморными колоннами с серебряными вазами наверху. В центре храма стоял позолоченный саркофаг. Он был предназначен для Константина...

Роскошный храм Двенадцати Апостолов считался одним из самых замечательных памятников Константинополя. В плане он имел форму креста и был окружен обширным двором с галереями из колонн и скульптурами. Близ храма были дворец, бани и здания для стражи, охранявшей гробницу.

В истории Византии храм Двенадцати Апостолов имел важное значение. Император Юстиниан в VI веке значительно расширил его, с особым старанием украсив те приделы и портики, которые предназначались для гробниц. При храме были погребены великие патриархи Константинополя — Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, а также Никифор и Мефодий, прославившиеся своей борьбой за православие против иконоборцев.

Храм стал усыпальницей не только Константина, но всех византийских императоров и оставался ею до 1453 года. На следующий день после взятия Константинополя турками храм был разрушен. На его месте Мохаммед Второй построил в свою честь мечеть Мехмедие.

Константин украсил свою новую столицу множеством церквей и храмов. Среди них самые известные: храм Святой Софии и церковь Святой Ирины. Фундамент храма Святой Софии был заложен при Константине, а достроен храм в первом варианте его сыном Констанцием. Церковь же Святой Ирины сохранилась до сих пор в довольно приличном состоянии.

Весьма интересно, что от IV века, от времени Константина, сохранились до наших дней только религиозные постройки. Например, церковь Святой Ирины или церковь Святой Анастасии. А вот дворцы и другие общественные здания практически совсем не уцелели. Значит, церковное строительство уже в ту пору велось с особым тщанием, велось правильно, с соблюдением всех архитектурных законов и с применением самых хороших материалов.

Удивительный и малоизвестный факт: первое в истории Общество любителей христианского просвещения было основано Константином, в его царском дворце в Константинополе.

В его дворце несколько обширных залов были устроены так, что могли служить тихим прибежищем для людей, ищущих откровения. Почти как в церкви, только без обязательных церковных атрибутов. Здесь было запрещено «просто болтать».

В своей новой столице Константин действительно желал создать оазис Гармонии. А какая Гармония — без взаимопонимания граждан по самым сложным вопросам бытия человеческого? И в тихих залах царского дворца Константин собирал людей разных сословий — для нахождения этого самого взаимопонимания.

В редкие часы досуга Константин писал речи, предназначенные для публичного чтения. Местом таких чтений царь выбрал свой роскошный дворец. Он любил читать Библию, и в его речах, обращенных к народу, было много нравственных наставлений и рассуждений на библейские темы. А были и откровенные вопросы к аудитории, если сам оратор не знал ответа. Например, один из вопросов, заданных Константином собравшейся публике, звучал так: возможно ли было для Бога сделать человеческую волю более кроткой? Тогда, может быть, и меньше бед испытало бы непокорное человечество?

Особенно волновали Константина вопросы о ветхозаветных пророчествах и их исполнении.

Но нередко в своих речах он рассуждал и о достоинствах гениев языческой культуры: Платона, Вергилия... Он хотел показать, что объективен в отношении религии римских богов и их глашатаев.

Публично философствующий император — это было так необычно, так удивительно. И толпы собирались послушать Константина в его царских хорах. Места, однако, всем хватало. Среди слушателей Общества любителей христианского просвещения были и высшие церковные иерархи, и простые ремесленники.

Обычно заседание открывал сам Константин. Но подав пример

откровенности, затронув людей за живое, он уступал место прочим ораторам. И тогда осмелевшая публика подымала вопросы весьма дерзкие, а для царя иногда и нелюбезные. Но не было случая, чтобы Константин выказал царский гнев. Он спорил на равных (почти на равных), и это придавало заседаниям Общества особую прелесть! Булочник, споривший с императором в его чертогах о смысле бытия, запоминал надолго сей миг своей жизни.

Глава 21

ИЕРУСАЛИМ

Поселившись в роскошном Новом Риме, всячески украсив город, Константин теперь все чаще мыслями своими обращался к месту земной жизни Иисуса Христа. Особенно часто подобные мысли стали посещать его после гибели любимого сына. Константин жаждал покаяния.

Строительством множества крупных и малых церквей и храмов в своей новой столице он отмаливал грех за убийство любимого сына.

Как ни странно, в первые три века после Рождества Христова никто из христиан не придавал особого значения тому узкому географическому пространству по обе стороны реки Иордан, где произошли все события Старого и Нового Заветов.

Здесь родилось христианство. Здесь жили великие пророки. Здесь явился людям посланец Божий, чтобы открыть им Святую волю.

Три века места Его страданий, Его смерти и Его воскресения были осквернены, подвергались опустошению. Язычники сделали все, чтобы стереть память о евангельских событиях с лица земли.

Константин был первым, кто пожелал исправить это положение. В 325 году он издал указ о строительстве храмов в священных местах — в Вифлееме, на месте Рождения Христа, и в Иерусалиме, у Гроба Господня. Всю Палестину Константин официально объявил Святой землей.

Уже многие годы Константин благоговел пред знаменем Креста. И он сам мечтал найти остатки «живоносного Древа», на котором был распят Спаситель. Но Константин был воин; он пролил много крови и поэтому считал себя недостойным совершить это самолично.

Свое благочестивое намерение император поручил исполнить матери. Он снабдил Елену полномочиями, деньгами, богатыми дарами и отправил в Иерусалим.

Именно царице Елене было суждено найти самые священные для миллионов христиан места и там воздвигнуть величественные храмы.

Не меньше Константина переживала Елена гибель Криспа. Вот еще одна причина, по которой она с таким энтузиазмом взялась за предложение сына привести Святые места в божеский вид. В Палестине она надеялась искупить вину Константина за гибель своего любимого внука.

Для пожилой женщины, перенесшей такую трагедию, миссия эта была

поистине героической.

*

Место, где спрятали Крест Господень, было неизвестно. На его поиски Елена употребила и средства, данные ей Константином, и все свое царское влияние.

После долгих опросов место было все же указано неким Иудою, старым еврейским учителем. Пещера с Крестом и Гробом Господним была засыпана большой кучей мусора.

После молитвы приступили к расчистке поруганного места. Остались записи о том событии, и в них утверждается, что копавшие мусор явно ощущали благоухание, идущее из-под земли. Елена распорядилась весь мусор и остатки языческого храма отнести подальше от места христианской святыни.

Когда пещера была очищена, в ней были найдены три креста. А доски с надписями валялись поодаль. Как же было распознать Тот Самый Крест? Легенда гласит, что как раз в это время мимо брел на костылях мужчина с парализованными ногами.

Священник Макарий, повсюду следовавший за Еленой, попросил калеку остановиться и сесть. А затем велел прикладывать к его ногам поочередно каждый крест. Когда на него возложили Крест Господень, он исцелился и отбросил костыли.

Елена благоговейно поцеловала Честное Древо. Ее примеру захотели последовать многие. Но людей было так много, и все жаждали притронуться или хотя бы увидеть святыню. И тогда Макарий взял Крест и воздвигнул его на высоком месте, откуда всякий мог его созерцать.

Это первое Воздвижение Животворного Креста совершилось в 326 году. Православная Церковь празднует это событие 14 сентября.

По распоряжению Елены Крест был распилен вдоль на две части. Одну она увезла с собой, в Константинополь, а другую положили в серебряный ковчег, и она хранится в храме Вознесения Господня, на Елеонской горе. В Великую пятницу Крест выносят из храма на Голгофу, чтобы тысячи людей могли снова преклониться перед подвигом Распятого на нем.

Говорят, что древесные опилки, образованные при распилке Креста, были тщательно собраны, смешаны с золотом и отчеканены как монеты.

Веками они считались самыми целебными талисманами. Сохранилась ли до наших дней хоть одна из них?

*

«Взяли Иисуса и повели. И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа. Там распяли Его... На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен. Там положили Иисуса...» (Иоанн, 19: 16–17, 41–42).

Памятуя об этих словах, Елена распорядилась возвести Храм Гроба Господня над Голгофой и над Гробницей.

И еще один экскурс в будущее.

Храм Гроба Господня простоял в первоизданном виде три века, пока в 614 году не был разрушен персами. Отстроенный заново, Храм был еще раз уничтожен в 1009 году халифом Хакимом. Построенный крестоносцами в третий раз в 1149 году Храм сохранился до наших дней.

Нынешний Храм до последнего сантиметра поделен между шестью христианскими конфессиями: католиками, армянами, православными греками, сирийцами, коптами и эфиопами.

Кувукля (ротонда с Гробом Господним) тоже находится в общем владении. Посреди крохотного помещения, где могут уместиться не более шести-семи человек, лежит мраморная глыба. Она отмечает место, где покоилось тело Христа с момента снятия Его с Креста до Воскрешения.

На постройку кувукли в 1810 году деньги выделил русский император Александр Первый, Благословенный.

*

В Храме Гроба Господня меня более всего поразило то, что к Голгофе ведут два отдельных подхода. Одна лестница — для католиков, другая — для православных. Для тех, кто правильно Его любит, и для тех, кто Его любит неверно. Так что ли?

Узнай, об этом, Константин и Елена наверняка перевернулись бы в гробу. Они возводили этот Храм во имя единого Пастыря и для «единого стада». Но гордая «церковь Христова», веками споря по бесчисленным поводам, сеяла в мире раздоры.

А затем, через семь веков после Константина, церковь и вовсе

разъединит человечество. Тогда христианство предало Христа. И, оставаясь разделенным, оно будет предавать Его много веков. Его Рождество Церковь будет праздновать в разные месяцы. Но разве Господь разделился?

Одни ученики Его станут проклинать других Его учеников и тем самым снова будут распинать Учителя на Кресте и забивать в Него ржавые гвозди. Но уже не в руки и не в ноги Его, а в самое Его сердце.

В далеком 325 году на Первом соборе в Никее Константин произнес гениальные слова;

— В этом океане вражды у нас есть одно спасение — это всеобщее согласие. Детали и мелочи не важны. Их надо отринуть и не говорить о них вслух.

Это было его призывом к тремстам участникам Собора, это было его посланием ко всем последующим поколениям. Послание Константина актуально и сегодня, в третьем тысячелетии...

За все эти века гордая Церковь не захотела услышать его. Гордыня непримиримых «христиан» разделила христианский мир на две половины. И тем самым — разбила единое Тело Христово.

Но разве Он разделялся?

Разве руки Свои по краям Креста Он раскинул для любовного объятия — не всем нам? А только тем из нас, кто верит «правильно», так что ли?

Нет, не окончен вселенский спор между Константином и Церковью, которую он сам же и возвеличил. Возвеличил, возможно, слишком поспешно и опрометчиво. В этом споре Константин прав, а Церковь — нет. Оставаясь разделенной, она предает не только своего первейшего благодетеля, которого сама же назвала «величайшим из всех императоров».

Христианство по-прежнему предает Христа.

И поэтому открытые враги Его могут проявлять любую наглость, зная, что «верные Его слуги» никак не хотят выполнить главный Завет Его.

Христианству еще предстоит понять, как глубоко оно заблуждается вот уже много веков. Способ отринуть это заблуждение ему подсказал Константин в Никее в 325 году.

Глава 22

ВИФЛЕЕМ

Второй храм — во имя Рождества Христова — Елена построила в Вифлееме, в десяти километрах к югу от Иерусалима. В переводе с еврейского Вифлеем означает «дом хлеба». В Библии сказано, что именно здесь за тысячу лет до рождения Христа был помазан на царство Давид..

«Пошел... Иосиф... из города Назарета... в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Мариею, обрученною ему женою... И родила Сына Своего первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице...» (Лука, 2: 4–7).

В 135 году император Адриан, приверженец языческих богов, построил на месте рождения Христа храм Адониса — римского бога любви. Так он хотел стереть даже память о христианстве как о еврейской секте. Но добился обратного. Вместо задуманного осквернения места Адриан как бы специально сохранил его на два века — до приезда Елены.

Когда по приказу Елены храм Адониса был разобран, место Рождества предстало в нетронутом виде. Над ним Елена возвела великолепную церковь, богато украшенную мозаиками, фресками, изделиями из золота, серебра, драгоценными покрывалами. Всю эту роскошь приказал привезти в Вифлеем из своего дворца Константин. Он очень хотел, чтобы этот храм стал памятником благочестия его матери.

Но и этот священный храм не сохранился в том виде, в каком его построила царица Елена. В 529 году он был сожжен самаритянами, восставшими против византийского правительства. Император Юстиниан отстроил церковь заново, и она чудом сохранилась — единственная из всех! — во время персидского нашествия 614 года.

Тогда в Святой земле были сравнены с землей все христианские церкви. Вандалов остановила от разрушения Храма Рождества мозаика на его стене, изображающая пришедших на поклон к Младенцу волхвов — в персидских одеждах.

В начале XVIII века Папа Римский распорядился изготовить серебряную 14-конечную звезду и обозначить ею точное место рождения

Христа. Звезда покоится на плите розового мрамора. Над ней висят 14 лампадок — по числу остановок, сделанных Христом, несшим свой Крест на Голгофу.

*

Создание Константином и его матерью царицей Еленой на Святой земле двух великих православных храмов явилось переломным моментом в истории религии. Они явно ускорили процесс вытеснения христианством язычества. Две святыни стали центрами массового паломничества.

Но язычество не спешило отступать, и Константин — поначалу — не торопил его уход. Своему великому эдикту 313 года о веротерпимости он был верен два десятилетия, а потом... Увы, бремя абсолютной власти изменило его характер. Ему было уже за шестьдесят, он стал раздражителен. И с годами все чаще отвечал приступами гнева тем, кто осмеливался затевать с ним спор...

Когда-то, лет двадцать назад, он позволил торжествовать своему критику, священнику Донату. Многие втайне усмехались: поражение императора! А может, это было не поражение, а его большая победа? В том смысле, что тогда он умел побеждать собственное тщеславие. Впрочем, то было давно. Слух начинающего владыки тогда еще не был глух к «критике снизу»... Теперь же он взлетел на высоту небесную, он был богом.

Увы, он был человеком.

И хотя отношусь я к своему герою с благоговением, не могу не сказать о его поступках, по-моему, весьма далеких от мудрости.

*

Сделав себя верховным понтификом, Константин стал вмешиваться в сугубо внутренние дела Церкви. И решал он их иногда по-солдатски лихо. Объявились, например, некие новациане. Они считали, что нельзя принимать в церковь тех, кто совершил какой-либо тяжкий грех, скажем, прелюбодеяние. Церковь эту идею отвергла и тут же объявила новациан «нечестивыми еретиками, вредной сектой».

И Константин как верховный понтифик поспешил их (а заодно и всех прочих христиан-еретиков: павлиан, валентиниан и прочих) заклеить в своем императорском указе. Август учит верующих, как верить правильно:

«О вы, враги Истины!.. Вы заграждаете свет верующим. Для описания злых ваших действий мало у меня времени... Ваши нелепости так многосложны, что от них надобно заграждать слух, дабы раскрытие их не запятнало истинной и чистой доблести нашей веры... Что же, терпеть далее такое зло? Почему не исторгнуть столь великого зла в самом корне?..»

И Константин исторгает по-царски:

«Мы повелеваем законом, чтобы впредь никто из вас не смел делать собраний. И все ваши дома, в которых вы устраиваете свои заседания, *приказываю разрушить* (выделено мной. — С. В.), чтобы не было скопищ вашего суеверного безумия. Лучше сделают те, которые обратятся к правой и чистой вере и через то в состоянии будут достигнуть Истины... Быть по сему».

Разве тон его указа не напоминает эдикт Диоклетиана тридцатилетней давности о начале гонений на христиан?

Придворный историк Евсевий пишет о неизменной, божественной мудрости Константина. Конечно, Евсевий мне друг, но — истина дороже! Да, он пишет о гонениях, которые устраивал Константин и на «неправильных» христиан, и на язычников. Но как пишет!

Признаюсь, читать его без усмешки порою трудно: писано так, словно летописец сидит у подножия царского трона, а на его плече — багряный сапог василевса, то бишь императора Константина. И что ни совершит он, Божественный, все — во благо отечества и народа.

Например, разрушил император языческий храм Артемиды в городе Гелиополе. Евсевий поет оду: вот доблестное деяние василевса.

Повелел император разрушить до основания храм Асклепия в Эгине. Евсевий уверяет: сей подвиг помогла Константину совершить сила самого Спасителя.

Но — подвиг ли это? Так и хочется из сегодняшнего далека погрозить василевсу пальцем и спросить: где же Ваша веротерпимость, где Ваша толерантность, доминус?

Нет, не ответит уже...

*

Вспомним вещие слова Константина, сказанные за двадцать лет до этого: «Каждый имеет право на заблуждение». Как сильно изменили его годы верховной власти. Будто два разных человека. Впрочем, упрекать

легче, нежели попытаться понять. Попробуем понять.

Константин спас христианство, нет — он возвел его на трон. И, конечно, ждал, что оно отплатит ему той же монетой. А что ему надо — владыке земель, на коих живет четверть населения планеты? Единства, единения, единомыслия. А тут эти еретики со своими бесконечными спорами.

Он перестраивает мироздание, перестраивает подвластную ему Ойкумену, он двигает тектонические плиты, а тут какие-то новациане со своими духовными поисками. Недосуг ему разбираться в таких мелочах. И если они мешают строить великую и новую Империю, то — прочь с дороги. И быть по сему. Подход самодержца.

Но годился ли такой подход для хрупкой, деликатной стихии богоискательства? Вот вопрос...

А есть вопрос совсем уж дерзкий: не Вы ли, доминус, соединив власть царя с властью первосвященника, позволили своей Церкви стать такой нетерпимой к любому инакомыслию?

Увы, уже не ответит...

Нет, досточтимый Евсевий, наш герой не был богом. Он был — почти богом. Деяния его величественны, как пирамида Хеопса. А его не слишком благие дела История ему давно простила. Но! Не лишайте нас права о них знать, о великий историк.

*

После смерти Константина религиозные смуты еще не одно десятилетие раздирали Византию. Особой ярости достигали религиозные распри в столице — городе, задуманном Константином как оазис Гармонии и спокойствия. И тон в бесконечных спорах задавали сами христиане.

Мечте Константина не суждено было сбыться — его мечте о том, что идея единого Бога объединит нацию. Все оказалось как раз наоборот. Споры о тонкостях христианской веры, порождаемые в среде священников, захватили все слои общества. Вопросы о Боге Отце и Боге Сыне, об их единстве или их подобии со страстью современных футбольных фанатов обсуждали и во дворце императора, и в хижинах бедняков, и в церкви, и на панели. Очень хорошо об этом пишет Григорий Нисский, епископ и историк IV века:

«Всюду полно таких людей, которые рассуждают о непостижимых предметах... Хочешь узнать о цене хлеба, отвечают: Отец больше Сына.

Справишься, готова ли баня, говорят: Сын произошел из ничего».

Надежды Константина не оправдались. В конечном итоге христианство не сумело спасти ни Римской империи, ни Византии.

Вот великая драма великой жизни...

Глава 23

КИПР

Выполнив свою историческую миссию, царица Елена в 327 году покинула Святую землю. По дороге в Константинополь она остановилась на острове Кипр. Здесь ей пришлось задержаться.

Молва о том, что она везет с собой часть Святого Креста, летела впереди нее. Едва Елена ступила на остров, к ней явилась делегация верующих с просьбой отделить от Креста хотя бы мельчайшую частичку и подарить им. На самой высокой горе Кипра христиане начали строить церковь, но им мешает, уверяли они, какая-то дьявольская сила. Возведенные днем стены ночью кто-то тайно разрушает. И так было уже не однажды.

У этой мистической истории может быть весьма прозаическое объяснение. Христиане возводили церковь на месте языческого храма Афродиты, который они разрушили. И приверженцы языческих богов, не желавшие смириться с таким произволом, просто мстили им и по ночам рушили возведенные стены.

Да, император Константин, издавая в 313 году свой великий эдикт о веротерпимости, наделил христиан такими же правами, как и всех прочих. Но он совсем не имел в виду, что эти права будут утверждаться за счет других верующих, умаляя их права.

Елена не стала читать киприотам проповедь. Она велела отвезти Крест на гору, к месту строительства церкви.

И когда Крест был водружен на горе, в тот самый миг случилось солнечное затмение. Многие пали ниц и стали молиться. Как уверяют летописцы, многие почитатели римских богов после этого воздвижения Креста обратились в христианство.

С тех пор гора зовется Ставровуни — гора Святого Креста. Так же называется и монастырь, возведенный здесь, на высоте 700 метров над уровнем моря.

Елена распорядилась отделить от Креста маленький кусочек, размером с ее указательный палец, и подарила его монастырю. Эта священная реликвия ныне спрятана внутри большого серебряного креста, хранящегося в главном иконостасе храма.

Ставровуни — мужской монастырь. Женщинам вход сюда закрыт. Но и не всем представителям мужского пола монахи спешат раскрыть тайны монастыря. Например, одна из них — потайная церковь... святых Константина и Елены. Обычно она закрыта на два замка, и туда посторонних не пускают. Для меня сделали исключение, только когда узнали, что я командор Ордена Святого Константина Великого в России.

Монах Феодор подвел меня к едва заметной со стороны низенькой дверке в боковой стене монастыря, со скрипом отпер оба замка... Тринадцать веков существование потайной церкви святых Константина и Елены на горе Ставровуни было скрыто почти ото всех, кроме нескольких посвященных — самых высоких православных авторитетов Кипра.

Они собирались здесь, в темном склепе без окон и дверей, пролезая внутрь через узкий вентиляционный штрек. Собирались в самые драматичные для родины моменты, чтобы путем многодневного абсолютного поста и молитв найти спасительное решение.

Дверь в стене двухметровой толщины была прорублена только в середине XVII века. С тех пор в этой уникальной церкви побывали немногие, монах Феодор сказал, что из нецерковных, светских лиц — не более двухсот человек.

Царица Елена отвезла Святой Крест сыну, императору Константину. Вскоре она занемогла и попросила отправить ее в город, где она родилась, в Дрепанум. Как бы почувствовав, что ее высшая роль на Земле выполнена, Елена вскоре умерла. Тело ее было сначала перенесено в Рим, а через два года, по распоряжению сына, в Константинополь. Константин в честь матери переименовал Дрепанум в Еленополь и приказал отчеканить золотую монету с ее изображением.

Глава 24

ИЕРУСАЛИМ. ИСЦЕЛЕНИЕ

Прошло несколько лет. Константинополь был построен. Дети успешно правили своими вотчинами. А Константин все больше мрачнел. Его стала мучить какая-то неизвестная болезнь.

Боль возникала вдруг в левой стороне груди. И постепенно левую сторону тела словно сжимали мощные клещи. Врачи были бессильны. Их рецепт — маковый лист, растолченный в меде, — снимал боль лишь на время, потом опять начинался приступ.

Он решил немедленно ехать в Иерусалим, чтобы посетить построенный его матерью храм Гроба Господня. Он слышал, что на этом месте Христос излечил много больных, и надеялся на свое чудесное исцеление.

Вдохновившись такой надеждой, Константин на время даже простился с болью. Он не захотел ехать в колеснице, а приказал — для быстроты — плыть морем. Срочно снарядили специальную галеру. С собой Константин взял и Евсевия, самого близкого к нему в последние годы человека.

Кстати сказать, отношения императора и епископа весьма тонко характеризует один эпизод, зафиксированный Евсевием в его «Истории». Он относится к тридцатилетию царствования Константина, которое широко праздновалось в 336 году.

В своей торжественной речи Евсевий, обращаясь к юбиляру, произнес: «Ты блажен, потому что в этом мире Бог поставил тебя властелином над всем, и в будущем веке твое земное царство превратится в небесное».

Лесть показалась Константину настолько неумеренной, что он счел своим долгом прервать Евсевия и попросил его воздержаться от столь явных преувеличений.

*

К юбилею было приурочено и освящение храма Гроба Господня в Иерусалиме. Этот праздник на Святой земле стал кульминацией всей жизни императора Константина Великого.

Посещение храма, возведенного на месте, где Господь восстал из

мертвых, произвело на Константина сильнейшее впечатление. Как он признался Евсевию, он снова, даже днем, слышал голос Спасителя. Это принесло ему облегчение. С его плеч спало тяжкое бремя вины. Ради этого, втайне от всех, он и приезжал в Иерусалим.

Во время этого путешествия Константин нередко призывал к себе Евсевию и вел с ним откровенные разговоры, которые летописец по свежей памяти записывал. В одной из таких бесед император в очередной раз сокрушался по поводу гибели любимого сына Криспа.

— Если бы я был мудр, как Диоклетиан, — сказал Константин, — и заранее объявил бы, что по истечении двадцати лет моего правления отрекусь от трона, тогда Крисп был бы сейчас жив и был бы августом Империи. Но глупая жажда власти не позволила мне так поступить. Так что в его смерти я виноват больше всех.

Евсевий ответил:

— Ты забыл, доминус, что после отречения Диоклетиана Империя скоро распалась. И если бы не твоя воля, сегодня это наверняка была бы Империя язычников. И в ней христиане были бы изгоями.

Константин спросил своего друга:

— Бог когда-нибудь простит меня?

— Я уверен, что простит, — ответил Евсевий. — Никто не заслужил Его прощения и Его милосердия больше, чем ты, доминус.

*

Той ночью Константину приснился странный сон. Будто висит он, распятый на кресте, — в центре великолепного храма. Над крестом, в круглом отверстии купола голубеет небо. Но купол так высоко, что небо — не больше монеты.

К кресту подходит Пилат с табличкой, ставит ее на кресте. Написано: «Константин Науссей. Царь Византийский».

Константин, корчась от нестерпимых болей, шепчет: «Боже! Для чего Ты меня оставил?»

В ответ у подножия креста, словно из воздуха, является человек в белоснежном хитоне.

— Ты звал? — говорит.

Константин приоткрывает глаза и спрашивает о том, что мучает его с момента гибели любимого сына:

— За что, Господи, чаша сия?

Вместо ответа Иисус произносит:

— Посмотри на небо.

Константину страшно и подумать об этом: малейшее движение отзывается страданием. И тут вдруг он чувствует, что боль ушла, ушла совсем. Он подымает голову к куполу, видит голубую монету неба. И в следующий миг яркий луч солнца слепит ему глаза.

— Вот так и ты, кесарь, ослепил Мою церковь золотым светом власти, — говорит Иисус. — И теперь это уже не Моя церковь, а твоя, земная. Ты хотел, чтобы церковь мыла тебе ноги, кесарь, и ты добился своего. Но в Моем царстве правят не кесари.

Константин говорит, как бы оправдываясь:

— Господи! Я только хотел укрепить Твою Небесную власть своей царской властью.

— Ты хотел одно, а вышло другое... Ты создал при себе партию хитрецов и фарисеев.

— Да, Господи, мои грехи велики. Но разве я не искупил их тем, что поставил столько великих храмов в Твою честь?

— Ты поставил памятники себе, кесарь. Не нужны Мне такие роскошные. Мой храм строится в душе человеческой. А зачем душе блеск и роскошь? Твой блеск мешает людям говорить со Мною.

— И что теперь прикажешь с этими храмами делать? — мрачно спрашивает Константин. — Разрушить их?

— Это сделают без тебя. И не один раз.

Иисус поворачивается, словно желая уйти, но вдруг произносит очень усталым голосом:

— Хочешь узнать, чем обернется земная власть твоей церкви, кесарь?

— Скажи.

— Тысячи людей будут сожжены. Но — Моим именем. И это сделает твоя церковь, кесарь.

— Когда это будет? — изумленно спрашивает Константин.

— Через тысячу лет, — устало отвечает Иисус. — Но хворост для этих костров уже начали собирать сейчас, в царствие твое...

Константин тяжело вздыхает:

— Долго ли мне тут маяться за мои грехи? Прости мне...

— Я давно все простил тебе, человек, посягнувший стать Богом, — говорит Иисус. — Простил за одну только великую попытку дать людям свет Истины. Но ты возомнил себя Богом раньше, чем эта попытка удалась.

— Значит, грехи мои несмыаемы? — совсем уж поникнув,

спрашивает Константин.

— Это ты говоришь, — отвечает Иисус. Он легко снимает Константина с креста и целует его раны, после чего они тут же закрываются. Затем Иисус берет тазик с водой, оmyвает в ней ноги Константина и выпивает воду. — Что ты хочешь за свой подвиг? — спрашивает Иисус.

— Только одного, — отвечает ошеломленный Константин. — Верни мне сына.

— Я знал, что именно это ты и попросишь, — тихо говорит Иисус. — Прощай, великий сын мой, — после этих слов Он исчезает так же, как и возник, — просто растаяв в воздухе.

— Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое! — успел крикнуть Ему вдогонку Константин и услышал в ответ:

— Истинно говорю тебе, сегодня ты будешь со Мною в раю.

— Значит, я спасен? — спрашивает император самого себя, потому что спрашивать уже некого. И ему отвечает эхо: спасен? спасен?..

Еще не умолк последний отголосок эха, как с грохотом иерихонским рушатся стены храма, построенного на золото первого христианского царя, не причинив ему самому никакого внешнего вреда...

Когда оседает пыль, Константин видит — к нему идет, протягивая руки для объятия, его первый и самый любимый сын Крисп.

И тут Константин проснулся.

Он понял, что только что видел во сне Второе Пришествие...

Остаток ночи он уже не спал. Утром он позвал Евсевия и рассказал ему свой удивительный сон. Но многое в этом сне так и осталось для обоих неразгаданным...

Во время путешествия в Иерусалим Константин, по свидетельству Евсевия, окончательно уверовал в Бога.

*

Усилиями Константина к Иерусалиму вернулось его былое значение как центра христианства и места первой апостольской проповеди. Великий город утратил это значение после того, как римский император Тит в 70 году разрушил его до основания, и полвека спустя император Адриан создал там римскую колонию Элия Капитолина. То есть даже само имя

Города пытались стереть с земли и из памяти народов. По приказу Адриана на месте Иерусалимского храма был возведен храм Юпитера.

Константин вернул все на круги своя. Иерусалим обрел свое былое величие.

Древний город занял почетное место в пентархии. Напомню, это строгая иерархия первых пяти центров христианства, узаконенная первыми Вселенскими соборами. Вот эти пять городов: Рим, Константинополь, Иерусалим, Антиохия, Александрия.

Первые три из этих пяти стали важнейшими центрами христианства при Константине. И в этом заключена одна из главнейших составляющих исторического наследия императора Константина Великого.

Помимо двух главных христианских храмов на Святой земле, созданных Константином, историки связывают с его именем возведение множества церквей в разных концах огромной Империи: и в ее столицах, и на ее окраинах — в Северной Африке, в Сирии, на Балканах. В том же Иерусалиме, на Масличной горе, по приказу Константина была построена церковь Вознесения. Сейчас на ее фундаменте стоит мечеть.

*

Повторюсь: именно в Иерусалиме Константин, как утверждает Евсевий, окончательно уверовал в Бога.

Немецкий богослов А. Гарнак не доверяет рассказу Евсевия о религиозном прозрении Константина. В конце XIX века он высказал такую идею: не было никакой необходимости в особом озарении Константина свыше, чтобы осуществить на деле то, что уже было и так готово к воплощению. Нужен был только пронизательный и сильный политик, который бы обладал внутренней тягой к религиозным переживаниям. Именно таким человеком и был Константин. А его религиозное прозрение — это миф.

Но сие сказано человеком, который жил на много веков позже Константина. Кому же больше верить: ему или Евсевию, современнику Константина, многие годы прожившему с ним бок о бок? Пусть каждый выбирает свой ответ на этот вопрос, один из главнейших из заданных нам Константином.

Мне близка мысль Вила Дюранта о том, что христианство для Константина поначалу было чистой политикой, но с течением времени переросло в самое глубокое убеждение.

Я верю в искренность обращения Константина. Верю его рассказам о знаках, посылаемых ему Небесами и гениально прочитанных им. Верю в способность Константина видеть между небом и землей такие вещи, которые никто никогда не замечал.

Верю утверждению Евсевия, который подметил, что Константину христианство было близко по сути своей — его душа искала поклонения не множеству богов, он искал веры в единого Бога.

Меня не раз посещала мысль: а что если Константин в самом деле был человеком преждевременным и знал секрет общего счастья. И хотел поскорее внушить его неразумному человечеству. А когда понял, что взялся за непосильное, тогда и стал таким нетерпимым и раздражительным, порою даже деспотичным.

И в своем тяжком споре с человечеством Константин стал использовать как аргумент ссылки на голос Неба, на Его подсказки. Своим близким людям он не однажды говорил: «Сегодня я общался с Богом...» Что ж, и такие чудеса бывают на свете. Редко, но бывают.

*

На обратном пути из Иерусалима Константин почувствовал приближение смерти, и тогда он пожелал принять крещение. Сделать это он решил в одном из самых дорогих для него мест — в Дрепануме, где он обвенчался со своей первой женой Минервиной.

На месте того дома, где он впервые услышал «Отче наш», стояла теперь красивая церковь. В нее слабеющего императора внесли на носилках четверо его самых приближенных воинов. Носилки поставили перед алтарем. Константин снял с себя пурпурный плащ. Его облачили в белоснежные одежды. Он встал на колени и публично покаялся в своих грехах.

Крестил Константина епископ Евсевий Никомидийский.

*

Последний путь, который Константин сумел преодолеть живым, — дорога в Никомидию, во дворец Диоклетиана. Третью веку назад он служил здесь начальником императорской гвардии...

По сути, вся его жизнь была исканием Истины. И подвиг Константина, пожалуй, в том и состоит, что он был до конца честен в этом поиске. Он принял христианское крещение на смертном одре — не раньше, чем окончательно уверовал в единственного Бога, который вел его по жизни и подавал знаки. Константину только оставалось научиться их читать. Он был прилежным учеником.

Константин умер 21 мая 337 года в Аквирионском дворце Никомидии. Как он и завещал, его похоронили в Константинополе, в храме Двенадцати Апостолов. Ритуал своих похорон Константин определил заранее. По словам Евсевия, он велел поставить свой гроб в храме так, чтобы справа и слева от него стояло по шесть колонн с памятниками апостолов.

Православная Церковь причислила Елену и Константина к лику не только святых, но и равноапостольных. Их день наша Церковь отмечает 21 мая (по новому стилю — 3 июня), в день смерти первого христианского императора...

*

Лактанций говорит, что в первые четыре века новой эры были два главнейших события: Воплощение Христа и триумф Церкви при Константине.

Римский сенат счел Константина достойным возведения в боги.

Историки чаще всего сравнивают его с самым счастливым из всех римских императоров — Августом. Или с Петром Великим. Или с Наполеоном.

Пройдут семнадцать веков, но Запад, в отличие от православного Востока, так и не причислит Константина к лику святых. Его почитание получит распространение лишь в тех странах, с которыми была связана его бурная деятельность, например, в Британии.

Многие наверняка удивятся: неужели на Западе Константин не канонизирован? Это он-то, столько сделавший для поддержки христианства во всей Империи — от Ла-Манша до Арарата?!

Да, это так.

Но финал ли это? Нет. Занавес опускать рано. Век Константина еще не окончен. Искатели Истины живут долго, очень долго.

Я уверен, что подлинное признание медленно прозревающим

человечеством еще ждет Константина. Время Триумфа Константина, Триумфа его космической идеи Всеобщего Согласия еще впереди...

Евсевий Кесарийский говорит, что за минуту до смерти Константин улыбался.

Глава 25

ЧТО БЫЛО ПОТОМ

Существует ошибочное, но весьма распространенное мнение, что потомки Константина Великого правили Византией чуть ли не до ее падения в XV веке. Это не так. Конец царской династии Константина приходится на 363 год от Рождества Христова, когда был убит его последний потомок по мужской линии — его племянник, император Юлиан.

То есть царская династия Константина прожила всего четверть века, несмотря на то, что у него было четыре сына и два племянника.

Однако все по порядку.

*

Сначала после кончины Константина Великого казалось, что все идет хорошо. Три его сына — Константин, Констанций и Констант — приняли титулы августов и стали править теми частями Империи, которыми наделил их отец. Но не прошло и трех лет, как братья затеяли настоящую гражданскую войну. Некоторые историки называют раздел Империи между сыновьями величайшей ошибкой Константина. Но, как знать, может быть, борьба между его сыновьями была бы еще более ожесточенной, если бы наследником был назван кто-то один?

Старший брат Константин Второй, ему был двадцать один год, получил в наследство главное богатство отца — Константинополь. Он стал правителем Британии, Испании, Галлии и западной части Северной Африки. Но вскоре предъявил права на все африканские территории Империи (и это плохо для него кончилось).

Средний брат Констанций, самый удачливый из трех братьев-соправителей, стал августом Востока и Египта. Он ухитрился свою резиденцию устроить в Константинополе, в одном из дворцов отца, — на законной территории старшего брата.

Младший, семнадцатилетний Констант, стал хозяином Италии, Иллирии и большей части африканских земель. Но этого ему показалось мало. В 340 году он захватил африканские владения старшего брата

Константина, когда тот находился в военном походе в Дакии. Недальновидный Константин вышел на бой с войсками младшего брата, имея в распоряжении лишь небольшой отряд кавалерии. Он был убит, а тело его брат ногой сбросил в реку. После чего Констант десять лет был правителем двух третей всей Римской империи.

Тем не менее отобрать у него власть оказалось весьма простым делом. Однажды Констант поехал на охоту. В это время в его дворце в галльском городе Отене проходил пир по поводу рождения сына одного из придворных. И вдруг в разгар пира парадные двери дворца распахиваются, входит некий воин-варвар, Магненций, в императорских регалиях — пурпурной мантии и бриллиантовой короне и объявляет себя... августом. Пьяные гости, не долго думая, провозглашают его императором.

Шутка? Розыгрыш? Вполне возможно. Но как себя повел сын Константина Великого? Узнав о «провозглашении нового августа Запада», Констант попросту сбежал в Испанию. Однако Магненций настиг его и убил. Убил, по иронии судьбы, в маленьком городке, который носил имя Елена — так его распорядился назвать Константин Великий в честь своей матери. Бабушки убитого...

Это случилось в 350 году. Желая отомстить за брата, Констанций годом позже разгромил армию Магненция на территории Паннонии. В решающем сражении на поле боя полегло 54 тысячи человек. Вот что об этой битве говорит историк Евтропий:

«В сражении были растрачены столь грандиозные силы Римской империи, что их хватило бы для любых внешних войн, которые могли бы принести множество триумфов и обеспечить безопасность границ государства».

Сам Магненций бежал в Северную Италию. Но Италия отказалась признать его власть. Он бежал еще дальше, в Альпы, и там покончил жизнь самоубийством. Констант был отомщен.

*

Последующие десять лет единодержавным правителем Империи был средний брат Констанций. По словам историка Аммиана Марцеллина, он превзошел своих братьев не талантами, а хитростью и везением, «он зависел в своих суждениях от сплетен и поддавался интригам... Если он находил самый незначительный повод подозревать покушение на свой сан,

он сам вел следствие... и свирепостью превосходил, пожалуй, Калигулу... В начале своего правления он с корнем истребил всех людей, связанных с ним узами крови и родства...». Убил он и своего двоюродного брата Галла.

При всем том Констанций называл себя христианином и носил титул верховного первосвященника *pontifex maximus*.

Фауста, как мы знаем, родила Константину еще и троих дочерей. Из них самый яркий след в истории оставила старшая дочь — Константина. О ней нельзя хотя бы кратко не упомянуть.

Рано овдовев после первого брака, она потеряла титул августы и право носить корону. Но гены матери сыграли с юной женщиной жестокую шутку. Неутоленная жажда власти за те двадцать лет, что она была вдовой и жила в глухой безвестности, превратила Константину, по словам Аммиана Марцеллина, в «мегеру в человеческом облике». Когда она, наконец, эту власть получила, став женой цезаря Галла, она стала вести себя, «как взбесившийся зверь».

Муж был намного моложе ее, и она искусно разжигала его худшие инстинкты, сочиняя всякие небылицы о его подчиненных. Муж охотно верил клевете, и они с женой тут же устраивали жестокие расправы над невинными. Так были загублены десятки людей.

Когда слухи о кровавых зверствах супружеской пары дошли до августа Констанция, родного брата Константины, верховный правитель Империи велел привезти обоих к себе во дворец, в Медиолан. В пути старшая дочь Константина Великого умерла от малярии (или от страха перед расправой: брата она знала хорошо). Было ей около сорока лет. Ее мужа, цезаря Галла, Констанций казнил.

А дальше — чистая мистика. Константину похоронили в Риме, в роскошном мавзолее, который сохранился до нашего времени. В XIII веке мавзолей перестроили в церковь и назвали... Санта Константина (иногда называют Санта Констанция). Происками каких дьявольских сил была объявлена святой вурдалакша, испившая кровь десятков невинных жертв?

*

Год спустя, осенью 355 года, Констанций возвел в ранг цезаря своего единственного уцелевшего после всех семейных погромов родственника — двоюродного брата Юлиана. Тому была поручена защита западных границ Империи. В 360 году, ведя затяжную войну с персами, бездарный

полководец Констанций потерпел поражение. Но еще большим поражением для него явилось известие о том, что в Галлии самая сильная еще со времен Константина Великого армия Империи провозгласила Юлиана августом. У солдат для этого были все основания: Юлиан показал себя блестящим полководцем, Галлия была очищена от неприятелей, двадцать тысяч плененных Юлианом варваров строили города и крепости на берегах Рейна...

Констанций велел двинуть против Юлиана войска, но вскоре внезапно и тяжело заболел. Жар был так велик, что к телу нельзя было прикоснуться. Никакие лекарства не помогали. Понимая, что это конец, и будучи еще в полном сознании, он назвал Юлиана своим законным преемником.

Сенат причислил покойного Констанция к сонму богов.

*

11 декабря 361 года в Константинополь вступил во главе своих легионов последний законный наследник Константина Великого — Юлиан. В тот же день сенат утвердил его избрание армией в качестве августа. Правил он всего полтора года. Он погиб в бою с персами, получив смертельное ранение копьем. Умирая в муках, Юлиан, по словам очевидцев, сохранил редкое спокойствие духа.

Юлиан — один из самых интересных и оригинальных правителей Римской империи. Он вошел в Историю под прозвищем Отступник. С его именем связана последняя попытка реанимации язычества. Юлиан рискнул повернуть Историю вспять.

Календарь 361 года, когда он вступил на престол, уже не упоминал ни одного из прежних языческих праздников. Религия римских богов шла к постепенному забвению. Юлиан решил вернуть римский мир к языческому культу. Он издал ясные и четкие указы, разрешавшие открывать древние храмы, приносить жертвы римским богам и восстанавливать их культы. Чтобы придать еще больше силы своим указам, он созвал в свой дворец в один день и христианских епископов, бывших в раздоре друг с другом, и простой народ, раздираемый христианскими ересями. И в дружеском тоне стал уговаривать и тех и других предать забвению все их распри. «Пусть каждый, не подвергаясь опасности, исповедует ту религию, которая ему нравится», — с мягкой улыбкой изрек Юлиан.

Конечно, его попытка реставрации умирающего культа была в принципе неосуществимой. Эта авантюра закончилась ничем.

Но у большинства историков мы находим самые добрые отзывы об этом удивительном человеке, о его высокой образованности, о его честности и порядочности — качествах, совершенно не свойственных большинству правителей той эпохи.

Он родился в 331 году и был воспитан христианским священником. Еще в юности он поражал окружающих глубокой начитанностью в книгах Священного Писания. Позже он искусно этим пользовался в своей борьбе против христиан, которых он называл галилейской сектой.

Нравственный переворот в Юлиане произошел, когда ему было чуть больше двадцати лет, под влиянием эллинской классической литературы (Гомера, Вергилия) и нео-платоновской философии, которую он изучал в Афинах — центре тогдашней культурной и умственной жизни.

Здесь он слушал знаменитых философов, многие из них были приверженцами старой веры. Здесь он был введен в тайны теургии и волшебной науки вызывания духов. В Афинах это считалось тогда венцом философского образования. В душе он был поэтом, и древняя религия в его воображении рисовалась в поэтических образах, в ее прекрасных аллегориях, роскошных праздниках и процессиях, которые пленяли его романтический ум. Христианство же в его глазах было верой невежественных и убогих людей.

В Афинах Юлиан полностью порвал с христианством и вернулся к «отеческой религии», как он сам часто выражался. Он был романтиком и глубоко верил в свою миссию восстановить почитание римских богов и вернуть мир к изящным формам.

Юлиан вел скромный, даже аскетический образ жизни. Ночи он проводил за умными книгами (а других тогда и не было), ел очень мало, спал на солдатском войлочном одеяле, ежедневно приносил жертвы на домашнем алтаре, личные обиды или оскорбления переносил с кротостью монашки.

За полтора года своего правления он едва лишь начал свою реформу по

восстановлению язычества. Его указы не успели даже дойти до западных провинций, они стали известны только на Востоке. Но ничего, кроме смут и народных волнений, они не принесли. Объявив сначала своей политикой полную веротерпимость ко всем культам, Юлиан, однако, весьма скоро перешел к насилию и преследованию христиан, к конфискации их имущества в пользу языческих храмов. Один из последних его указов запрещал христианам преподавать в школах.

На том пути, на который встал Юлиан, христианство и язычество неминуемо дошли бы до кровавого столкновения. Но копьё персидского воина, точнее — рука Провидения, решило этого не допускать.

Как только Юлиан умер, вся его система воскрешения язычества тут же рухнула. Мертвое нельзя было возродить. В язычестве уже не было живого духа. И трагедия талантливого правителя Юлиана состояла в том, что этого он не понял.

После его смерти фанатики-христиане ринулись громить языческие святыни в Александрии, Дамаске, Карфагене. Однако в столице язычества, в Риме они не решились ничего трогать.

26 июля 363 года со смертью Юлиана Отступника оборвалась царская династия Константина Великого.

Приложение 1

ПРАВИТЕЛИ ВЕЛИКОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ (285–337)

ТЕТРАРХИЯ ДИОКЛЕТИАНА (285—305)

Диоклетиан,
август Востока
(отреклись 1 мая 305 года)

Максимиан,
август Запада

Галерий
(зять Диоклетиана),
цезарь Востока

Констанций Хлор
(отец Константина),
цезарь Запада

ТЕТРАРХИЯ ГАЛЕРИЯ (305—306)

Галерий,
август Востока
(ум. 306)

Констанций Хлор,
август Запада

Даза
(племянник Галерия),
цезарь Востока

Север,
цезарь Запада
(убит в 306)

СОПРАВИТЕЛИ ИМПЕРИИ (306 — 312)

Галерий,
август Востока
(ум. 311)

Константин,
цезарь Британии,
август Запада с 307 года

Максимиан,
август Италии
(казнен в 310)

Даза и Лициний,
августы Востока с 308 года
(Даза убит в 312)

Максенций
(сын Максимиана),
август Италии (убит в 312)

СОПРАВИТЕЛИ ИМПЕРИИ
(312 —324)

Константин,
август Запада, Греции,
Италии и Сев. Африки

Лициний,
август Востока
(казнен в 324)

Крисп
(сын Константина),
цезарь Запада с 317 года
(казнен в 330)

В 324—337 годах Константин — единоподержавный
правитель Империи

Приложение 2

ЗОЛОТОЙ ОРДЕН КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО

Эта самая древняя награда планеты учреждена императором Константином Великим в 330 году. Изначально Константин назвал свой орден Георгиевским — в честь великомученика Георгия, погибшего за верность христианскому учению.

В XII веке потомком Константина Великого, византийским императором Алексеем Комнином, орден переименован в его честь.

Ныне Международная ассоциация кавалеров ордена имеет отделения в двенадцати странах Европы и Америки.

Возглавляет Международный Орден Магистр герцог Фридрих Бофор-Спонтин (Австрия). Почетный Магистр Ордена — Юрий фон Гронхаген (Греция).

Иногда награду еще называют орденом рыцарства. Это своего рода сертификат достоинства и чести.

Во всех двенадцати странах отделения Ордена ведут активную благотворительную деятельность.

Кавалерами ордена в России были Петр Первый, Александр Суворов, Павел Третьяков, Савва Мамонтов.

После 1917 года традиция награждения у нас была прервана.

Созданное в мае 1996 года Российское отделение Ордена Константина Великого насчитывает сорок кавалеров. Девиз Российского отделения Ордена: «Подвижничество, Рыцарский Дух, Меценатство».

Первым Почетным председателем Ассамблеи (общего собрания кавалеров) Ордена в России был академик Дмитрий Лихачев. Сейчас им является летчик-космонавт СССР Алексей Леонов.

Командор Ордена в России — писатель Сергей Власов.

Основной вид деятельности Российского отделения Ордена — благотворительность.

О самой золотой награде. В ее центре — монограмма Христа. Буквы «ETN» — аббревиатура греческого выражения «Так ты победишь». Число «312» — это год решающей битвы между императором Максенцием, приверженцем язычества, и Константином, который одержал в этой битве победу, впервые неся знамя с монограммой Христа. Венчает орден золотой

двуглавый орел. В качестве государственного герба двуглавый орел «перелетел» на Русь из Византии в XV веке.

ИСТОРИЯ ОРДЕНА КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО

Историю этой древнейшей награды можно разделить на четыре периода:

первый — с IV по XI век,

второй — до 1453 года, третий — до 1907 года, четвертый — с 1953 года до наших дней.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД. В 330 году император Константин учредил первую в истории награду в честь византийского воина и священника Георгия, который в 303 году был подвергнут жесточайшим пыткам и казнен (напомним, это было в эпоху гонений на христиан).

Не все, возможно, знают, что изображенный на московском гербе Георгий Победоносец, поражающий змея, это тот самый византийский воин и священник Георгий, в честь которого учрежден первый орден планеты.

Сам Константин называл изначально свой орден Георгиевским и награждал им подвижников христианства. После его смерти в 337 году награда весьма продолжительное время именовалась так — Георгиевский орден Константина.

ВТОРОЙ ПЕРИОД. С XII века по велению императора Византии Алексея Комнина орден переименован в честь его учредителя — Константина Великого, причисленного к тому времени к лику святых.

После крушения Византии в 1453 году история ордена Константина Великого прервалась на два с половиной века.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД. В 1697 году один из потомков византийских императоров продал французским Бурбонам печать ордена и вместе с нею потомственное право называться гроссмейстерами легендарной награды. Петру Первому орден Константина Великого был вручен юным Бурбоном, Людовиком XV, в Париже в 1717 году.

В середине XVIII века гроссмейстерство Ордена распространилось и на испанских Бурбонов. Они, в свою очередь, перенесли орден еще дальше — в королевства Сицилии и Неаполя, а в начале XIX века — в Пармское государство. Тогда-то и началась самая драматичная страница в истории Ордена.

Королева Пармы Мария-Луиза объявила себя — без всяких на то

оснований — единоличным гроссмейстером ордена. Но ни французские, ни испанские, ни итальянские монархи не спешили уступать свои права на уникальный Орден. Так золотая награда, изначально задуманная как мера поощрения за верность христианским, миролюбивым идеалам, стала яблоком международного раздора.

В 1820 году Мария-Луиза, желая доказать свое единоличное право на орден, учредила (без согласия прочих монархов Европы) еще одну, высшую степень ордена — с подвешенной снизу фигуркой святого Георгия, поражающего змея.

В 1860 году с падением герцогства Пармы междоусобица в рамках Ордена прекратилась. Его печать отныне хранилась у потомков пармских герцогов. В 1907 году после смерти последнего из рода герцога Пармы история Ордена Константина Великого еще раз временно прервалась.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРИОД. В начале 50-х годов XX века пани-более тонкие люди, аристократы, остро почувствовали, что мир утратил такие рыцарские идеалы, как честь, благородство, бескорыстие, великодушие. Для поощрения этих качеств как нельзя лучше подходил Международный орден Святого Константина Великого.

29 мая 1953 года (ровно 500 лет спустя после падения Константинополя) в Швейцарии был зарегистрирован Международный Союз кавалеров ордена Святого Константина Великого (латинская аббревиатура: OSCM). Одна из уставных задач Союза — воплощать в жизнь рыцарские идеалы, а также христианские ценности: терпимость, любовь, стремление помочь ближнему.

С самого начала новейшего периода своей истории Орден Константина стал не просто наградной, а благотворительной организацией. Этому способствовала помощь крупных фирм, таких, например, как швейцарская корпорация «Нестле».

Неоценимую помощь в становлении Ордена как сильной благотворительной организации оказал швейцарский промышленник Ричард Гаер-Фрей (Richard Guyer-Frey), более двадцати лет он был канцлером (главой Международного Правительства Ордена).

В 1957 году при Ордене был создан благотворительный фонд. Перечень его добрых дел в разных регионах планеты весьма обширен. Назовем лишь малую толику: помощь голодающим детям Нигерии и беженцам из Югославии и Албании, строительство церкви в Эфиопии и создание Православной академии на острове Крит...

Орден Константина Великого — международная организация, свободная от какого-либо влияния политиков, глав государств или царских

династий.

Абсолютную легитимность Орден получил 12 мая 1970 года, когда Православный Патриарх Александрийский Николай VI принял Орден под свое духовное покровительство. В своем повелении Патриарх писал:

«Я признаю Орден Константина Великого как Христианский Союз, который борется за единение людей на планете, за любовь к ближнему и за терпимость...»

Сегодня Международный Союз Константина Великого объединяет кавалеров ордена в двенадцати странах мира: Швейцарии, Германии, Австрии, Финляндии, США, Греции, Канаде, ЮАР, Венгрии, Швеции, Чехии, России.

Официальное признание Российское отделение Ордена получило в августе 1997 года.

Выступая на церемонии инаугурации Российского отделения в Москве, главный идеолог Ордена, Почетный Магистр Юрий фон Гронхаген сказал:

«XXI век нуждается в своих рыцарях. Честь и благородство — такие же древние понятия, как само человечество. И без них оно захиреет. Первым рыцарем был сам Христос... И если мы сегодня хотим называться рыцарями, наша обязанность быть готовыми к самопожертвованию, к терпимости, к бескорыстному служению ближнему...»

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ ЖИЗНИ КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО

272, 27 февраля — Флавий Валерий Константин родился в городе Наиссе (ныне — Ниш, в Сербии).

288 — родители Константина, Констанций Хлор и Елена, по приказу старшего августа Диоклетиана, развелись. Совершая политический брак, отец женился на дочери другого соправителя Империи, Феодоре.

290 — Константин отправлен в Никомидию; здесь он учится в школе военного искусства, затем взят в личную охрану Диоклетиана. Через два года он получает звание центуриона.

295 — первая любовь Константина. Его женитьба на Минервине — дочери богатого купца из пригорода Наисса. Христианка Минервина знакомит его с основами христианской веры.

297 — египетская экспедиция Диоклетиана. Константин уже в чине первого трибуна возглавляет когорту личной гвардии императора. Полугодовая осада Александрии. Константин узнает о рождении сына и смерти жены. Взятие Александрии. Константин потрясен величием города на Ниле.

298–302 — Диоклетиан отправляет Константина с отрядом кавалерии к Евфрату на помощь цезарю Галерию, который терпит поражение за поражением в войне с персами. Путь отряда Константина лежит через библейские места: Вифлеем, Иерусалим, Иордан, Мертвое море. Первое христианское прозрение Константина. Его первый бой. Отряд Константина спасает армянского царя Тардата от верной гибели. Тардат предлагает Константину возглавить армию в Армении, одной из провинций Империи, но тот отказывается.

Триумф в Антиохии по поводу победы армии Диоклетиана над персами. Триумф Диоклетиана в Риме. Константин встречает Фаусту, дочь августа Максимиана, и влюбляется в нее. На его просьбу выйти за него замуж Фауста отвечает отказом.

303, февраль, — начало Диоклетиановых гонений на христиан. Константин как солдат вынужден участвовать в этой жестокой кампании казней и уничтожения церквей.

апрель — Константин становится свидетелем мученической смерти священника Георгия, ставшего впоследствии — под именем Георгия

Победоносца — самым почитаемым в мире святым.

303–305 — серьезные военные победы отца Константина, Констанция Хлора, на западе Империи.

305, 1 мая — отречение от власти двух верховных правителей Империи, августов Диоклетиана и Максимиана. Провозглашение новыми августами Галерия и Констанция Хлора. Диоклетиан, отправляясь на покой, берет с собой Константина в качестве начальника личной охраны.

306 — в Британии взбунтовались сильные племена пиктов, и Констанций Хлор просит Диоклетиана и Галерия отпустить сына к нему на помощь. Галерий разрешает Константину поехать к отцу, но подстраивает покушение на молодого соперника. К счастью для Константина, ему удается перехитрить наемных убийц. Очень успешная операция под командованием Константина против британских варваров. Смерть Констанция Хлора.

25 июля — западная армия провозглашает Константина августом. Галерий как верховный правитель позволяет ему стать только цезарем Британии.

Константин подавляет восстание германских племен. Гальская армия провозглашает Константина августом Запада; Галерий, наконец, вынужден согласиться и посылает Константину порфиру верховного соправителя Империи.

307 — свадьба Константина и Фаусты в Арелате.

308 — назначение Дазы и Лициния августами Востока.

308–310 — отец Фаусты, Максимиан, и ее брат, Максенций, провозглашены Римским сенатом правителями Рима. Между ними начинается борьба за единовластие. Максенцию удается переманить на свою сторону преторианскую гвардию, что в итоге решает исход их противостояния. Отец, казалось бы, побежден, но он предпринимает попытку убийства Константина, своего зятя, с целью захвата верховной власти.

311, осень — смерть старшего августа Империи Галерия. Начавшаяся борьба за передел власти внешне как будто затихает.

312 — к Константину обращаются знатные сенаторы Рима с просьбой освободить Рим от тирана Максенция. Константин со своей армией идет на Рим.

Октябрь — решающая битва у Мильвийского моста между армиями Константина и Максенция. Последний повержен, несмотря на явное численное превосходство своей армии.

28 октября — триумфальный въезд Константина в Рим.

313, март — знаменитый Медиоланский (Миланский) эдикт Константина о веротерпимости. Этот эдикт был составной частью плана Константина по созданию единого и могучего государства.

314–315 — обострение отношений между двумя августиами Империи, Константином и Лицинием. Константин предлагает свою сводную сестру Констанцию в жены Лицинию, тот соглашается. Пышная свадьба в Медиолане.

Константин пытается решать внутренние раздоры Церкви, не всегда это кончается столь же успешно, как на полях военных сражений.

316 — у Фаусты наконец-то рождается мальчик, будущий Константин Второй.

316–323 — годы активных преобразований Империи, три четверти которой находятся под властью Константина.

324 — решающая битва под Хризополем между Константином и Лицинием. Последний разбит и после обещания никогда впредь не претендовать на трон сослан в ссылку. Вскоре Лициний начинает вести тайные переговоры с готами. Константин, узнав об этом, отдает приказ казнить Лициния.

324 — начало единодержавного правления Константина.

Эдикты Константина о признании христианства единственно верной религией и о признании язычества заблуждением.

325 — Никейский собор, ставший Первым Вселенским собором. Созван по инициативе Константина. Собор принял единый Символ христианской веры.

326 — начало строительства на Босфоре новой столицы Империи, впоследствии получившей имя Константинополь.

Казнь сына Константина Криспа.

Гибель жены Фаусты.

326–327 — царица Елена при содействии Константина строит на Святой земле две святыни Православия: храм Гроба Господня в Иерусалиме и храм Рождества в Вифлееме, а также другие христианские церкви.

327 — Константин делит Империю на четыре префектуры и назначает в них цезарями своих сыновей и племянника. Сам остается августом с правом накладывать вето на решения младших правителей.

328–330 — ускоренное строительство Константинополя — по словам историка, «самого великолепного и самого блистательного города во всем христианском мире».

330, 11 мая — торжественное основание новой столицы на Босфоре.

330–336 — Константин неустанно украшает первую христианскую столицу мира, вводит новые законы, благоприятные для ее развития, строит в ней множество церквей, начинает строительство величественного храма Святой Софии, создает Общество любителей христианского просвещения и принимает в его работе активное участие.

337 — Константина начинает мучить неведомая врачам болезнь. Для исцеления он решает ехать в Иерусалим, где, по преданию, Иисус излечил много больных.

Тридцатилетие своего царствования Константин отмечает в Иерусалиме. Именно здесь, в Иерусалиме, как утверждает Евсевий, самый близкий ему человек в последние годы, Константин окончательно уверовал в Бога.

337, 19 мая — Константин принимает крещение в Никомидии от арианского священника Евсевия Никомидийского.

337, 21 мая — Константин умирает в Аквирионском дворце Никомидии. Он был похоронен, как и завещал, в храме Двенадцати Апостолов в Константинополе.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Аммиан Марцеллин. История Пер. с латинского. Киев, 1906.
Византийские историки Дексипп, Евнапий и другие Пер. С. Дестуниса. СПб., 1860.

Евсевий. Жизнь Константина. Лондон, 1904.

Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998.

Иордан. О происхождении и деяниях гот. СПб., 1997.

Лактанций. О смертях преследователей / Пер. с латинского В. Тюленева. СПб., 1998.

Боннар А. Греческая цивилизация. Т. 1–3. М., 1962.

Буассье Г. Падение язычества. М., 1893.

Васильев А. А. История Византийской империи. Время до Крестовых походов. СПб., 1998.

Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947.

Дюрант В. Цезарь и Христос. М., 1995.

История Византии. Т. 1. М., 1967.

Лебедев А. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви. От начала Крестовых походов до падения Константинополя в 1453 г. СПб., 1998.

Литаврин Г. Г. Как жили византийцы. СПб., 1997.

Рудаков А. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.

Успенский Ф. История Византийской империи. Т. 1–2. Л., 1927.

Федорова Е. Императорский Рим в лицах. Смоленск, 1995. Фрезэр Д. Золотая ветвь. М., 1983.

Энциклопедия «Британика». Т. 6. 1961.

Christ K. Geschichte der romischen Kaiserzeit. Munchen, 1995. Slougher F. Miracle of the Flaming Cross. New York, 1965.

**ЧЕТЫРЕ КНИГИ ЕВСЕВИЯ ПАМФИЛА,
ЕПИСКОПА КЕСАРИИ
ПАЛЕСТИНСКОЙ,
О ЖИЗНИ БЛАЖЕННОГО ВАСИЛЕВСА
КОНСТАНТИНА [\[2\]](#)**

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1. Предисловие о смерти Константина

Недавно все народы торжественно праздновали второе и третье десятилетие великого василевса, недавно также, по случаю двадцатилетия, мы величали гимнами сего доблестного победителя, окруженного сонмом слуг Божьих, даже сплетали венцы словес, встречая его тридцатилетие и уже заранее, в самом дворце украшали ими священную главу его. Но теперь язык костенеет в устах, — теперь, при всем желании произнести нечто обычное, пораженный одним дивом необыкновенного видения, он не знает, к чему обратиться. Куда ни устремится напряженная мысль, на восток или на запад, на всю землю, или на самое небо, — везде видит блаженного василевса неразлучно с его царством. Над землей господствуют его дети, и как некие новые светила все озаряют лучами отчего света. В них живет он своей силой и, умножаясь их преемственностью, управляет целой Ойкуменой лучше прежнего. Приняв еще задолго достоинство кесарей, теперь облеклись они во все величие отца, украсившись знаками его почестей, теперь явились они автократорами, августами, кесарями, василевсами. <...>

ГЛАВА 5. О том, что Константин самодержавно царствовал более тридцати лет, а жил более шестидесяти

Время его царствования Бог почтил тремя полными десятилетиями, даже немного более; а жизнь его как человека сохранил вдвое долее всей жизни царской. Притом, явив в нем подобие самодержавной своей власти, он даровал ему победу над всем родом тиранов и сделал его истребителем враждующих против него титанов, которые в безумии своей души подняли на Всецаря всех оружие нечестия. Эти нечестивцы, если можно сказать, мгновенно явились, мгновенно и исчезли; а слугу своего единый и единственный Бог взял одного и облек его в божественное всеоружие против многих, очистил через него смертный мир от множества безбожников и показал в нем народам учителя благочестия, который громогласно, во всеуслышание, свидетельствовал, что он знает истинного

Бога и отвращается от ложных.

ГЛАВА 6. О том, что он был слугой Божьим и победителем народов

Как верный и добрый слуга, Константин что возвещал, то и делал. Он открыто называл рабом и исповедовал себя слугой Всецаря; за то Бог вскоре воздал ему, поставил его господином, владыкой и победителем, каких между автократорами от века не бывало, победителем, никогда не преоборимым и не победимым в отношении к победам, соделал его таким василевсом, о каком никогда прежде и слухом не слыхивали, явил его столь боголюбивым и преблаженным, столь благочестивым и благополучным, что он без всякого труда овладел гораздо большим числом народов, нежели то, каким владели прежние государи, и безбедно сохранил свою власть до самой кончины.

ГЛАВА 7. Сравнение его с персидским царем Киrom и македонским Александром

Древняя история как славнейшего между бывшими когда-либо государями величает персидского царя Кира, но если это и справедливо, то окончить свою жизнь надлежало ему не только не благополучно, даже постыдно и низко — надлежало умереть от руки женщины. Сыны эллинов воспевают также Александра Македонского, победителя бесчисленных племен и народов, но, не достигнув еще и мужского возраста, он устремился к пирам и пьянству, а потому нашел раннюю смерть. Вся жизнь его ограничивалась тридцатью двумя годами, из которых только третья часть была временем его царствования. Притом этот человек, как молния, шел путем крови и беспощадно обращал в рабство все города и народы, без различия возраста, пока еще в цветущих летах, оплакивая потерю друга, не встретил неотразимой смерти и не исчез бездетным, безродным, бездомным, в чуждой и враждебной земле, чтобы не губил более человеческого рода. Царство его тотчас же раздробилось, каждый слуга отделял от него и похищал какую-нибудь область. И, несмотря на то, сего государя превозносят похвалами.

ГЛАВА 8. О том, что он покорил почти всю Ойкумену

Напротив, наш василевс только начал управлять в тех летах, в которых Македонский умер, и жил вдвое больше последнего, а период его царствования протекал в три раза долее него. Укрепив войско кроткими и мудрыми уставами богопочтения, он ходил войной на британцев и людей, живущих к западу среди океана, равно как покорил всю Скифию, лежащую к самому северу и разделенную на множество разных варварских народов, потом распространил свою империю до отдаленнейшего юга, до Блеммии и Эфиопии и не чуждым себе приобретением почитал также Восток. Разливая светлые лучи благочестия до концов всей Ойкумены, до последних пределов Индии, и кругом на жителей целой земли, он держал под своей властью всех местных правителей, народных вождей и сатрапов над варварскими племенами, которые охотно, с любовью и радостью, посылали ему свои дары и считали высокой честью пользоваться его знакомством и дружбой, так что для воздаяния ему почестей выставляли у себя живописные его изображения, воздвигали статуи и Константина знали и провозглашали как единственного над всеми автократора. До таких-то пределов царским его словом с совершенной свободой звучало благовестие о чтимом им Боге.

ГЛАВА 9. О том, что он был сыном благочестивого василевса и оставил власть царственным сыновьям

Впрочем, совершая это на словах, он не медлил и самими делами. Преуспевая во всякой добродетели, он изобиловал и плодами благочестия: ближних привязывал к себе великодушно оказанными благодеяниями, других ограждал законами человеколюбия и свою власть для всех подданных сделал легкой и вожделенной. Наконец, создав три колена потомков, долженствовавших быть преемниками его в царской власти, и видя, что долголетние подвиги на общественном поприще утомили его, Бог, которого он чтит, восхотел даровать ему в награду бессмертие и из царства смертного переселил его в жизнь нескончаемую, уготованную святым душам. Таким образом, царский престол, полученный им от отца, по закону природы, перешел к его сыновьям и их детям и навсегда сделался достоянием наследственным. Возвеличив блаженнейшего сего государя еще среди нас высочайшими почестями и украсив уже при смерти особенными своими дарами, Бог сам сделался его биографом, потому что подвиги великих его дел запечатлел на скрижалях небесных.

ГЛАВА 10. О том, что повествование о нем и нужно, и душеполезно

Говорить об этом блаженнейшем муже соответственно его достоинству для меня, конечно, трудно, гораздо безопаснее и надежнее было бы молчать о нем, но чтобы отклонить от себя упрек в лености и нерадении, я признал необходимым, подражая памятникам смертной живописи, начертать для потомства словесный образ этого боголюбивого государя. Мне стыдно было бы перед самим собой о василевсе, который чтит Бога с величайшим благоговением, не сказать по силам хотя бы чего-нибудь малого и слабого. Я думаю даже, что это сочинение, описывающее дела великого государя, благоугодные Всецарю — Богу, будет и для жизни вообще полезно, и для меня нужно. Если нашлись ревностные писатели, изобразившие прекрасным языком дурные поступки и во многих книгах изложившие историю Нерона и других, еще гораздо худших, нечестивых и безбожных тиранов, то не стыдно ли было бы молчать нам, коим сам Бог благоволил даровать такого василевса, о каком не возвещала история, видеть его, знать и беседовать с ним?

ГЛАВА 11. О том, что Евсевий будет повествовать только о богоугодных делах Константина

Итак, если кому, то именно нам следует проповедовать о великой славе добродетелей и возвестить о них всем тем, в ком через подражание прекрасным подвигам возбуждается жажда божественной любви. Иные, руководствуясь чувством благорасположения или ненависти, а нередко подстрекаемые просто желанием показать свою ученость, пышно и высокопарно, хотя совсем без нужды, излагают повествования о делах постыдных, описывают жизнь мужей, не заслуживающих уважения, и поступки, для улучшения нравов бесполезные, через что в отношении к людям, по милости Божьей, еще не испытавшим зла, становятся учителями дел не только не добрых, но стоящих того, чтобы оставлять их в забвении и мраке. Напротив, моя речь, для описания великих событий, конечно, слабая, будет, однако же, украшаться даже и сухим рассказом о добрых делах, — тем более что припоминание богоугодных подвигов на души хорошо настроенные производит не бесполезное, а весьма благотворное влияние. Итак, я думаю умолчать о весьма многих государственных распоряжениях блаженнейшего василевса, например, о его войнах и

сражениях с врагами, о его мужестве, победах, трофеях и торжествах над ними, о его постановлениях в пользу частных лиц, о его законодательстве ко благу общественной жизни подданных и о других бесчисленных его подвигах на поприще государственного управления, о которых все помнят. Сообразно с предположенной целью сего сочинения мы будем говорить и писать только то, что относится к жизни богоугодной. А поелику и таких предметов представляется великое множество, то, из всех дошедших до нас выбрав наиболее приличные и достойные нашего воспоминания, я изложу сказание о них с возможной краткостью. Теперь уже самое время позволяет прославлять поистине блаженного василевса различными родами речи, потому что делать это прежде было невозможно, — не велено ублажать человека до его смерти, ибо неизвестно, каким превратностям подвергнется жизнь его. Призовем же на помощь Бога, да вдохновится в нас содействующее намерению нашему Небесное Слово, и мы начнем таким образом описывать мужа с самого раннего его возраста.

ГЛАВА 12. О том, что Константин, подобно Моисею, воспитан при дворе тиранов

Есть древнее сказание, что еврейский народ страдал под жестокой династией тиранов и что Бог, удостоив страдальцев своего благоволения, через действие промысла, дал случай пророку Моисею, бывшему еще младенцем, получить воспитание в самых чертогах, на груди тиранов, и научиться у них мудрости. Когда с течением времени он достиг мужского возраста и небесный суд потребовал от притеснителей отчета в их неправдах, тогда пророк Божий, выйдя из дома тиранов, сделался служителем воли Высочайшего и, отказавшись словом и делом от воспитателей, признал близкими истинных своих братьев и сродников. После того Бог поставил его вождем всего народа и евреев освободил от рабского служения врагам, а на поколение тиранов навел через него посланные свыше казни. Это древнее сказание, передаваемое многими в виде поучительного рассказа, дошло до слуха всех. Но ныне тот же Бог даровал и нам осязательное для чистых очей и вернейшее всякого слуха зрелище гораздо больших чудес, чем то, о которых повествуется в сказаниях. Тираны, восстававшие на нас, воздвигали войну против Бога и подвергали мучениям его Церковь. А между тем среди них был уже Константин, впоследствии бич тиранов, но тогда еще юноша ранних лет, нежный, украшенный едва пробивавшейся бородой. Подобно тому слуге

Божьему он сидел во внутренних, принадлежавших тиранам покоях и, однако же, несмотря на свою молодость, не унаследовал ничего свойственного нравам этих безбожников. Добрая природа силой Духа Божьего и в то уже время влекла его к благочестивой и богоугодной жизни, да и само соревнование с отцом призывало сына к подражанию ему в доблестях, потому что отец Константина (при настоящем случае нельзя не воскресить его в памяти), Констанций, был одним из славнейших наших автократоров. Мы считаем нужным кратко сказать о нем все то, что относится к похвале его сыну.

ГЛАВА 13. О том, что отец его Констанций не хотел преследовать христиан, как было при Диоклетиане, Максимиане и Максенций

Когда самодержавная власть над Римом разделена была между четырьмя лицами, один только Констанций чуждался безнравственной жизни своих товарищей и стремился выражать любовь к Богу всяческих. Те нападали на церкви Божьи и разрушали их сверху донизу, а дома молитвы истребляли до самого основания, напротив, он сохранил свои руки чистыми от такого губительного нечестия и никогда ни в чем не уподоблялся им. Те осквернили подчиненные себе области домашними убийствами благочестивых мужей и жен, а он соблюл свою душу не запятнанной таким преступлением. Те, вдавшись во всякое зло беззаконного идолослужения, поработили коварству лукавых демонов сперва самих себя, а потом и всех подданных, напротив, он, блюститель совершеннейшего мира между своими подданными, предоставил им безбедно исповедовать веру в Бога. Другие, стесняя всех людей самыми тяжкими обстоятельствами, делали их жизнь трудной, хуже смерти, один только Констанций умел в своей власти явить подданным источник безопасности и спокойствия, потому что заботливость его о них ни в чем не уступала отеческому попечению. Впрочем, так как добродетелей этого мужа бесчисленное множество и их все прославляют, то, приведя на память один или другой его подвиг, в смысле основания для заключения к тем, о которых умолчу, я перехожу к предполагаемой цели своего сочинения.

ГЛАВА 14. О том, как отец его Констанций, выслушав от Диоклетиана упрек в бедности, наполнил свои сокровищницы и потом возвратил деньги людям, которые принесли их

Когда разнеслась громкая молва о кротости, доброте, боголюбивых качествах сего василевса и о том, что, до крайности щадя подданных, он даже не собирает денег в казнохранилища, другой василевс^[3], занимавший тогда первую степень власти, через своих послов укорял его в небрежении в делах общественных и упрекал бедностью, подтверждая свои слова тем, что в его казнохранилищах ничего нет. Констанций попросил пришедших от василевса погостить у себя, а между тем из всех подвластных себе народов, созвав людей, владевших огромным богатством, объявил им, что он имеет нужду в деньгах и что теперь представился случай, в котором каждый из них должен доказать свободную преданность василевсу. Слышавшие уже давно желали этого, чтобы выразить доброе свое усердие, и потому скоро и живо наполнили царские казнохранилища золотом, серебром и другими драгоценностями, стараясь превзойти друг друга в своих пожертвованиях и делая это с веселыми и улыбающимися лицами. Как скоро все было кончено, Констанций попросил послов великого василевса лично взглянуть на его богатство, и о том, что они увидят, приказал донести василевсу. «Все это собрал я теперь к себе, — говорил он, — а прежде хранил деньги у их владельцев, как у верных казначеев». Такое дивное дело поразило зрителей. По отъезде их человеколюбивейший василевс, говорят, призвал владельцев собранных денег и, похвалив их за доверие и доброе к себе расположение, приказал взять обратно каждому свое и возвратиться домой. Один уже этот поступок служит доказательством его человеколюбия, но мы приведем и другой, ясно свидетельствующий о его набожности. <...>

ГЛАВА 19. О сыне его Константине, когда он в юности жил вместе с Диоклетианом, прежде чем прибыл в Палестину

Константин находился у сотоварищей своего отца по царствованию и жил среди них, как мы сказали, подобно тому древнему пророку Божьему. Перейдя из отрочества в возраст юношеский, он уже удостоился от них первой чести. Таким знали его и мы, когда он со старейшим из царей Диоклетианом проезжал через Палестину. Стоя с правой стороны василевса, людям, желавшим видеть его, он казался величественным и уже в то время обнаруживал в себе знаки царского высокоумия. По красоте тела и высоте роста не было подобного ему, а телесной силой до того превосходил он сверстников, что они боялись его. Но еще более чем совершенствами тела, украшался он добродетелями души и прежде всего

отличался скромностью, а потом — ученостью, врожденным умом и дарованной от Бога мудростью.

ГЛАВА 20. Возвращение Константина к отцу, по случаю умысла Диоклетиана

Тогдашние государи, видя, что этот юноша бодр, силен, велик и богат умом, исполнились зависти и страха и начали выжидать удобного случая, как бы подстеречь его и запятнать каким-нибудь бесчестьем. Но юноша, заметив это (подобные умыслы, по мановению Божьему, не раз уже обнажались перед ним), искал спасения в бегстве, чем опять уподобился великому пророку Моисею. Во всем этом помогал ему Бог, приготавливая в нем преемника отцу его.

ГЛАВА 21. Смерть Констанция и завещание царства сыну его Константину

Избегнув задуманных козней, Константин поспешно отправился к отцу, хотя прибыл к нему не скоро. Между тем жизнь его отца в то самое время находилась уже на краю могилы. Но сверх всякого чаяния, увидев перед собой сына, Констанций вскочил с постели, принял его в свои объятия и, сказав, что, собираясь оставить жизнь, он стряхивает теперь с души и последнюю скорбь — отсутствие сына, вознес благодарственную молитву Богу: отныне смерть для меня лучше бессмертия, произнес он. Потом, устроив свои дела и в присутствии сыновей и дочерей, которые окружали его в виде хора, в самом дворце, с царского одра, передав жребий царствования по закону природы старшему сыну, он скончался.

ГЛАВА 22. Как при выносе Констанция войска провозгласили Константина августом

Итак, государство не осталось без василевса. Облекшись в отеческую багряницу, Константин вышел из царских покоев и показался всем, точно будто бы отец возвратился к жизни и продолжал царствовать в лице сына. Потом он сопутствовал погребальному шествию в сопровождении окружавших его друзей отца, из которых одни шли впереди, другие позади

него, и провожал боголюбивого василевса со всем великолепием. Блаженнейшему все выражали свое почтение благословениями и похвальными песнями и, единодушно прославляя царствование сына, по сходству казавшееся возобновлением власти усопшего, вдруг с первого слова громкими восклицаниями и приветствиями провозгласили нового василевса автократором и почитаемым августом. Похвальные восклицания сыну служили украшением усопшему, а то, что такой отец избрал себе именно этого преемника, относилось к прославлению сына. Все подвластные ему народы исполнились весельем и невыразимой радостью, что и на малое время не были лишены царского благоустройства. Таковую-то кончину благочестивой и боголюбивой жизни показал Бог нашему поколению (на примере) василевса Констанция. <...>

ГЛАВА 24. О том, что Константин получил царскую власть по воле Божьей

Итак, Константина, рожденного таким отцом, Бог всяческих и Владыка всего мира соделал императором и вождем народов сам собой. Между тем как другие удостоиваются этой чести по суду человеческого, — Константин был единственный василевс, призванием которого не может похвалиться никто из людей.

ГЛАВА 25. Победы Константина над варварами и британцами

Утвердившись на царстве, Константин тотчас же начал печься об отеческом наследии, обозревать все прежде бывшие под властью отца его области и с великим человеколюбием управлял ими. Сверх того подчинил себе варварские племена по Рейну и западному берегу океана, которые осмелились было возмущаться, и из диких сделал их кроткими, а других, походивших на лютых зверей, усмирил, и, видя, что они не способны к принятию правил мирной жизни, прогнал от пределов своей империи. Как скоро все это окончилось согласно с его желанием, он обратил свой взгляд на другие части наследия и немедленно переплыл к народам Британии, лежащей среди океана. Овладев же и ими, осматривал прочие области государства и старался подавать помощь там, где она требовалась.

ГЛАВА 26. О том, как он решился избавить Рим от Максенция

Потом он представил себе всю Ойкумену, как одно великое тело, и, видя, что глава этого тела — царственный город римской земли терпит рабское притеснение от тирана^[4], защиту его сперва предоставил властителям над прочими частями государства, как лицам, по возрасту старше себя^[5]. Но когда никто из них был не в состоянии оказать помощь свою Риму, так что желавшие попытаться постыдно оканчивали свое предприятие, Константин сказал, что жизнь ему не в жизнь, пока царственный город будет оставаться под бременем бедствий, и начал готовиться к уничтожению тирании.

ГЛАВА 27. О том, что вразумленный гибелью идолопоклонников, он избрал христианство

Уразумев, что ему нужна помощь выше воинских средств, Константин для отражения злоумышленных и чародейских хитростей, которыми любил пользоваться тиран, искал помощи Божьей. Вооружение и множество войска почитая средствами второстепенными, он признавал непреодолимым и несокрушимым только содействие Бога. Поэтому стал думать, какого Бога призвать бы себе на помощь. При решении сего вопроса ему пришло на мысль, что немалое число прежних державных лиц, возложив свою надежду на многих богов и служа им жертвами и дарами, прежде всего бывали обманываемы льстивыми оракулами, обольщались благоприятными предсказаниями и оканчивали свое дело неблагоприятно. Ни один из богов не был к ним столь милостив, чтобы не подвергать их посланным свыше бедствиям. Только отец его шел путем тому противным. Видя их заблуждение и во всю свою жизнь чтя единого верховного Бога всяческих, он находил в Нем спасителя своего царства, хранителя его и руководителя ко всякому благу. Константин различал это сам про себя и основательно рассуждал, что полагавшиеся на многих богов подвергались и многим бедствиям, так что между людьми не осталось ни рода их, ни племени, ни корня, ни имени, ни памяти, между тем как Бог отца его давал ему чувствовать разительные и весьма многие доказательства своей силы. Сверх того наблюдал он, что прежде уже вступавшие в войну с тираном сражались при множестве богов, однако же имели постыдный конец: один из них удалился со стыдом, не начав еще

дела, а другой, пораженный среди самого войска, сделался легкой добычей смерти. Слагая все это в своем уме, он почитал безумием — попусту держаться богов несуществующих и, после стольких доказательств, оставаться в заблуждении, а потому убедился, что должно чтить Бога отеческого.

ГЛАВА 28. О том, как во время молитвы он удостоился видения от Бога, то есть среди дня увидел на небе крест из света с надписью, повелевавшей сим побеждать

И начал призывать Его, просить и умолять, чтобы Он явился, вразумил его о себе и в предстоящем деле простер ему свою десницу. Усердно вознося свои молитвы и прошения об этом, василевс получил удивительнейшее, посланное от Бога знамение, так что и поверить было бы не легко, если бы говорил кто-то другой. Но нас с клятвой уверял в этом сам победоносный василевс, когда, спустя долго после того, мы писали настоящее сочинение и удостоились его знакомства и беседы; посему кто станет сомневаться в истине сего сказания, тем более что и последующее время было свидетелем его истины? «Однажды, в полуденные часы дня, когда солнце начало уже склоняться к западу, — говорил василевс, — я собственными очами видел составившееся из света и лежавшее на солнце знамение креста с надписью: «сим побеждай!». Это зрелище обьяло ужасом как его самого, так и все войско, которое, само не зная куда, следовало за ним и продолжало созерцать явившееся чудо.

ГЛАВА 29. О том, как во сне явился ему Христос и повелел в войне с врагами иметь знамя, изображающее крест

Константин находился, однако же, в недоумении и говорил сам себе: «Что бы значило такое явление?» Но между тем как он думал и долго размышлял о нем, наступила ночь. Тогда во сне явился ему Христос Божий с виденным на небе знамением и повелел, сделав знамя, подобное этому виденному на небе, употреблять его для защиты от нападения врагов.

ГЛАВА 30. Изготовление такого крестного знамени

Встав вместе с наступлением дня, Константин рассказал друзьям свою тайну и потом, созвав мастеров, умевших обращаться с золотом и драгоценными камнями, сел между ними и, описав им образ знамени, приказал в подражание ему сделать такое же из золота и драгоценных камней. Это знамя некогда случилось видеть и нам собственными очами.

ГЛАВА 31. Описание крестовидного знамени, которое ныне римляне называют хоругвью

Оно имело следующий вид: на длинном, покрытом золотом копье была поперечная рея, образовавшая с копьем знак креста. Сверху на конце копья неподвижно лежал веночек из драгоценных камней и золота, а на нем символ спасительного наименования: две буквы показывали имя Христа, обозначавшееся первыми чертами, из середины которых выходило «р». Эти буквы василевс впоследствии имел обычай носить и на шлеме. Потом на поперечной рее, прибитой к копью, висел тонкий белый плат — царская ткань, покрытая различными драгоценными камнями и искрившаяся лучами света. Часто вышитый золотом, этот плат казался зрителям невыразимо красивым, висая на рее; он имел одинаковую ширину и длину. На прямом копье, которого нижний конец был весьма длинен, под знаком креста, при самой верхней части описанной ткани, висело сделанное из золота грудное изображение боголюбивого василевса и его детей. Этим-то спасительным знаменем, как оборонительным оружием, всегда пользовался василевс, для преодоления противной и враждебной силы, и приказал во всех войсках носить подобные ему.

ГЛАВА 32. О том, как Константин, будучи оглашен, читал Божественное Писание

Но это было немного после. В описываемое же время, пораженный дивным видением и решившись не чтить никакого другого Бога, кроме виденного, Константин призвал к себе таинников Его слова и спросил их, кто тот Бог и какой смысл знамения, которое он видел? Они отвечали, что тот Бог есть едиnorodный Сын одного и единственного Бога, а явившееся знамение — символ бессмертия и торжественный знак победы над смертью, которую одержал Он, когда приходил на землю. Потом подробно раскрыв учение о вочеловечении, они объяснили Константину и причины

Его пришествия. Константин, хотя и вразумлялся их словами, однако же тем не менее имел перед очами чудо дарованного ему Богоявления и, сравнивая небесное видение со словесным объяснением, утверждался в своих мыслях. Он был убежден, что знание сих предметов посылается ему свыше, и даже сам начал заниматься чтением Божественных Писаний. Сверх сего, повелел находиться при себе Божьим иереям с той мыслью, что виденного Бога должно чтить всеми способами служения. Оградившись таким образом благими на Него надеждами, он поспешил наконец угасить пламень тиранского огня.

ГЛАВА 33. О любодеении Максенция в Риме

И действительно, завладев хищнически царственным городом, тиран непрестанно отваживался на нечестивые и злодейские поступки, так что не было дерзости, которой не позволял бы он себе в делах мерзких и нечестивых. У мужей отнимал законных жен и, обесчестив их, отсылал с позором назад к мужьям. Такие насилия совершал он не с незначительными и маловажными людьми, а с занимавшими первые места в римском сенате. Но сколь ни многие благородные женщины были постыдно оскорблены им, — невоздержанная и сладострастная душа его не могла насытиться. Впрочем, начав беспокоить и христианок, он никак не мог успеть в своих умыслах, потому что христианки скорее соглашались предать душу на смерть, нежели тело на растление. <...>

ГЛАВА 35. Избиение римлян по велению Максенция

Таковыми дерзостями жестокой тирании его стеснялись все: простолюдины и начальники, знатные и незнатные. Как ни спокойны были они, как ни переносили горькое рабство, — не могли избавиться от кровавой жестокости тирана. Например, однажды, под каким-то незначительным предлогом, он предал народ на убийство своим копьеносцам, и целые тысячи римлян пали среди города, не от скифов или варваров, но от копий и оружия сограждан. А скольких сенаторов он допустил убить по навету, чтобы завладеть имуществом каждого из них, — и перечислить невозможно. Под разными, выдуманскими предложениями убиты были весьма многие из них.

ГЛАВА 36. Чародейство Максенция и голод в Риме

Но концом злодеяний тирана стало то, что он вдался в чародейство. Для целей магии то рассекал он беременных женщин, то рассматривал внутренности новорожденных младенцев, то умерщвлял львов и совершал другие невыразимые мерзости, чтобы вызвать демонов и отвратить наступавшую войну. Этими-то способами надеялся он одержать победу. Тиранствуя таким образом в Риме, и сказать нельзя, чем не притеснял он подданных. В самом необходимом пропитании терпели они крайнюю нужду и такой недостаток, какого наши современники и не запомнят в Риме.

ГЛАВА 37. Поражение войск Максенция в Италии

Скорбя обо всем этом, Константин вооружился против тирании всеми средствами. Признав Бога всяческих и призвав как спасителя и помощника Христа Его, также поставив перед своими гоплитами и копьеносцами победную трофей со спасительным знаменем, он выступил со всем войском в поход и решился возвратить римлянам полученную ими от предков свободу. Между тем как Максенций, надеясь более на хитрости волшебства, нежели на любовь подданных, не смел выйти даже и за ворота крепости, но всякое место, всякую страну, всякий подвластный себе город защитил множеством гоплитов и бесчисленными отрядами войска, — василевс, надеясь на помощь Божью, раз, два и три нападал на войска тирана и, разбивая их с первого раза, занял большую часть Италии.

ГЛАВА 38. Смерть Максенция на мосту реки Тибр

Наконец, он был уже близ Рима. Но чтобы не принуждать его воевать с римлянами ради тирана, последнего, будто какими цепями, Бог сам увлек весьма далеко от городских ворот и, говоря вообще, всем верным и неверным, лично видевшим дивные события, деятельно доказал, что древние, описанные в священных книгах происшествия, для многих нечестивых кажущиеся мифологией, для верующих истинны. Как во времена Моисея и благочестивого некогда народа еврейского Бог ввергнул в море колесницы фараона и войска его, и в Черном море погрузил

отборных всадников тристатов (Исх. 15, 45), так, подобно камню, пали в глубину Максенций и бывшие с ним гоплиты и копьеносцы. Обращенный в бегство Константином, подкрепляемым силой Божьей, Максенций на пути должен был перейти через реку. Соединив суда, он сделал из них мост и благодаря этому искусству приготовил свою гибель, хотя надеялся употребить его для погибели друга Божьего. Между тем как последнему помогал сам Бог, — тот жалкий человек, лишившись Его помощи, тайными своими хитростями погубил самого себя. Посему можно сказать: *ров изры и ископа и, и падет в яму, юже содела. Обратится болезнь его на главу его, и на верх его неправда его снидет* (Пс. 7, 16, 17). Именно: так как хитрости, скрытно заключавшиеся в связях моста, по мановению Божьему, воздействовали в непредполагаемое время; но мост исчез, суда со всеми людьми вдруг погрузились в речные глубины, — и сам бедняк прежде всех, а потом его щитоносцы и копьеносцы, по выражению божественных пророчеств, *погрязоша яко олово в воде зельней* (Исх. 15, 10); так что вспомоществуемые от Бога победители, подобно народу, бывшему под предводительством великого служителя Божьего Моисея, если не словами, то самым делом повторили песнь, воспетую против древнего нечестивого тирана, и воскликнули: *Поим Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже в море. Помощник и покровитель бысть мне во спасение. И еще: Кто подобен тебе в бозех, Господи, кто подобен Тебе? Прославлен во святых, дивен в славе, творяй чудеса* (Исх. 15, 1. 2. 11).

ГЛАВА 39. Вступление Константина в Рим

Подобно великому служителю Божьему (Моисею), воспев на самом деле это и подобное этому в честь Владыки всех и Виновника победы, Константин с торжеством вступил в царственный город. Тотчас все и члены сената, и другие высшие и знатные сановники, со всем римским народом, как бы освободившись от оков, приняли его с веселыми лицами и сердцами, с благословениями и невыразимой радостью. В то же время мужья с женами, детьми и тьмой рабов громогласно и неудержимо провозглашали его своим избавителем, спасителем и благодетелем. Впрочем, обладая как бы врожденным благочестием, он нисколько не тщеславился сими восклицаниями и не возгордился похвалами, но, сознавая помощь Божью, тотчас же вознес благодарственную молитву к Виновнику победы.

ГЛАВА 40. О его статуе с крестом в руках и о надписи

И возвестил всем людям о спасительном знамени посредством великого писания и столпов, а именно, среди царственного города воздвиг против врагов этот священный символ и начертал определенно и неизгладимо, что сие спасительное знамя есть хранитель римской земли и всего царства. Когда же на самом людном месте Рима поставили ему статую, он немедленно приказал то высокое копьё в виде креста утвердить в руке своего изображения и начертать на латинском языке слово в слово следующую надпись: «Этим спасительным знаменем, истинным доказательством мужества, я спас и освободил ваш город от ига тирана и, по освобождении его, возвратил римскому сенату и народу прежние блеск и славу».

ГЛАВА 41. Радость областей и всепрощение, дарованное Константином

Таким образом боголюбивый василевс, славясь исповеданием победоносного креста, весьма решительно проповедал Сына Божьего и самим римлянам. И все жители города, весь сенат и народ, как бы отдохнув от горького и тиранического владычества, казалось, вдруг начали наслаждаться чистейшими лучами света и приняли жребий перерождения в новую жизнь. В то же время праздновали и все народы, граничившие с западным океаном. Освободившись от прежних зол и светло веселясь по случаю великих торжеств, они прославляли доблестного победителя, богопочтителя и общего благодетеля; все единогласно и едиными устами сознавались, что Константин, по благодати Божьей, сияет для людей общим благом. К тому же везде читали царскую грамоту, которой отнятое имущество возвращалось их владельцам, невинно потерпевшие ссылку вызывались на родину, вообще — подвергшиеся какой бы то ни было жестокости тирана, освобождались от уз и избавлялись от всякой опасности и страха.

ГЛАВА 42. Уважение епископов и созидание церквей

Между тем, созывая служителей Божьих, василевс выражал им свою

услужливость и отличное уважение и смиренно мудрствовал перед ними словом и делом, как перед мужами, посвященными Богу. Эти мужи, по своей одежде казавшиеся ничтожными, но не так воспринимаемые Константином, разделяли с ним трапезу, потому что в человеке он смотрел не на человека, которого видят многие, а на Бога. Равным образом, куда бы сам ни шел, брал и их с собой в том убеждении, что Бог, которому они служат, по крайней мере, за это будет к нему милостив. Мало того, своими богатствами помогал он и церквам Божьим, то расширяя и возводя выше молитвенные дома, то весьма многими приношениями украшая святые алтари церквей.

ГЛАВА 43. О благодеяниях Константина, оказанных бедным

Сверх сего, он раздавал более или менее денег бедным, также был человеколюбив и оказывал благодеяния приходившим к нему иноверцам, нищих и отверженных, собирающих милостыню на площадях, приказал снабжать не только деньгами и необходимой пищей, но и приличной одеждой, а тем, которые, прежде живя хорошо, впоследствии испытали неблагоприятную перемену обстоятельств, помогал еще с большей щедростью, оказывал великие, истинно царские благодеяния: одним дарил земли, других отличал различными знаками чести. О детях, подвергшихся несчастию сиротства, заботился он вместо отца, участь жен, узнавших беспомощное вдовство, облегчал собственным покровительством, а дев, лишившихся родителей и осиротевших, даже выдавал замуж за известных себе и богатых людей, и делал это, давая наперед невестам все, что должны были они принести лицам, вступившим с ними в брак. Как солнце, восходя над землей, щедро проливает на всех лучи своего света, так и Константин, вместе с восходом солнца выходя из царского дворца и не отставая от небесного светила, обильно проливал на всех встречавшихся светлые лучи своей благодетельности. Не было человека, который, приближаясь к нему, не получил бы какого-либо блага, не было и таких, которые, ожидая от него помощи, обманулись бы в доброй своей надежде.

ГЛАВА 44. О том, как он присутствовал на соборах епископов

Таков был Константин ко всем вообще. Но имея особенное попечение о Церкви Божьей, он, в случае взаимного несогласия епископов в

различных областях, действовал как общий, поставленный от Бога епископ и учреждал соборы служителей Божьих, даже не отказывался являться и заседать сам среди сонма их и, заботясь о мире Божьем между всеми, принимал участие в их рассуждениях. А заседал он в середине, как один из многих, удалив от себя копьеносцев, гоплитов и всех телохранителей, и ограждаемый только страхом Божьим, охраняемый любовью верных друзей своих. Кого находил он склонным принять мнение более здоровое и готовым к миру и согласию, того особенно одобрял и показывал, что рад видеть всеобщее единодушие, а от упорных отворачивался.

ГЛАВА 45. О том, как он был терпелив даже в отношении к безумным

Некоторые негодовали даже и на него, но он сносил это незлобиво и в спокойных, кротких выражениях повелевал им не возмущаться, но быть рассудительнее. Одни из таких людей, вразумленные его убеждениями, переменились, а других, не хотевших прийти к здоровому образу мыслей, он отпустил ради Бога, сам же никого и ничем не оскорблял. Потому-то, вероятно, возмутившиеся в одной области Африки^[6] дошли до такого страшного безумия, что отважились на некоторые дерзости. Кажется, сам демон, позавидовав обилию настоящих благ, возбудил этих людей к столь нелепым действиям, чтобы раздражить против них сердце василевса. Впрочем, ненависть не удалась: поступки их василевс нашел смешными и говорил, что они произведены под влиянием лукавого, ибо такие дерзости свойственны не здравомыслящим, но либо совершенно помешанным, либо подстрекаемым злым демоном. Этих людей надобно более жалеть, чем наказывать: подвергать наказанию безумных было бы гораздо безрассуднее, чем сколько-нибудь человеколюбиво иметь к ним сострадание.

ГЛАВА 46. Победы его над варварами

Так-то василевс каждым поступком служил блюстителю всех Богу, и свое попечение о Его церквях сохранял неуязвимым. Воздавая ему за это, Бог покорил под ноги его все племена варваров, так что его знаменам доставлял повсюду торжество над врагами, везде провозглашал его победителем и его имя сделал страшным для всех неприятелей и противников, хотя по природе он был не таков, но самый миролюбивый, самый кроткий и человеколюбивый, какого никогда не бывало.

ГЛАВА 47. Смерть замыслителя козней, Максимиана, и других, которых сам Бог открыл Константину

Между тем как Константин занимался этим, — другой, отказавшийся от престола, обличен был в коварном умысле на его жизнь и умер постыдной смертью^[7]. Он считается первым, которого портреты, статуи и прочие присвоенные ему памятники чести, как знаки человека нечестивого и безбожного, были повсюду низвергнуты. После него взяты были и другие из того же рода, тайно строившие козни Константину, потому что слуге своему Бог дивно, посредством видений, открывал умыслы всех их, да и вообще многократно удостаивал его богоявления, позволяя ему чудесным образом созерцать лик свой и даруя предвидение различных будущих событий. Впрочем, неизреченные чудеса благодати, которых сам Бог удостоил слугу своего, не могут быть описаны словом. Огражденный ими, он проводил свою жизнь безбедно и радовался, видя, что подданные и его любят, и сами все живут благодушно, более же всего радовался тому, что благоденствуют церкви Божьи.

ГЛАВА 48. Праздник десятилетия Константина

Так завершилось десятилетие его царствования. По этому случаю он совершал всенародные праздники и Всецарю Богу воссылал благодарственные молитвы, как приносимые без огня и курения жертвы. Все это радовало Константина, но не таковы были для него слухи о бедствиях народов восточных.

ГЛАВА 49. О том, сколько зла Лициний причинял Востоку

Говорили, что там и Церковь, и прочих областных жителей терзает какой-то страшный зверь, что, как бы состязаясь с боголюбивым василевсом, лукавый демон там производит совершенно противное делам его; так что римская земля, разделенная на две части, кажется всем разделенной на день и ночь, то есть населяющие восток объята мраком ночи, а жители другой половины государства озарены светом самого ясного дня. Зрелище бесчисленных благ, дарованных от Бога последним, несносно было и для ненавистника всякого добра, демона, и для притеснителя другой

части империи, тирана, который, видя свои дела в хорошем состоянии и удостоившись вступить в родство с таким василевсом, каков Константин, не хотел подражать сему боголюбивому государю, но соревновался в злонравии и намерениях с нечестивыми: он старался следовать лучше мыслям тех, которых погибель видел собственными очами, нежели дружеской любви превосходнейшего из государей.

**ГЛАВА 50. О том, как Лициний хотел строить козни самому
Константину**

Не приводя на память ни законов природы, ни клятв, ни родственной крови, ни договоров, Лициний воздвиг непримиримую войну против своего благодетеля. Константин, василевс человеколюбивейший, являя ему знаки искреннего своего благорасположения, ввел его в родство со своими предками, удостоил участия в кровном союзе с древним царским домом и, дав ему в супружество сестру, тем самым доставил ему право наслаждаться наследственной властью над всей империей. А Лициний между тем, держа в уме противное, лучшему из государей готовил козни и придумывал то те, то другие способы угрозы, как бы своему благодетелю заплатить злом. Сперва, притворяясь другом, он действовал по внушению коварства и обмана и решился на это в надежде достигнуть цели. Но слуге своему Бог открывал все устраиваемые во тьме козни. Пойманный на первых своих попытках, Лициний обратился ко второму средству — к обманам: то свидетельствовал он дружеское благорасположение, то утверждал доверие к себе клятвенными договорами, потом вдруг отвергал постановленные статьи, а между тем через послов говорил опять противное, опять худо скрывал свою лживость и, наконец, прямо объявил войну, в припадке безумия спешил сразиться с самим Богом, которому, как он знал, василевс воздавал почтение. <...>

**ГЛАВА 56. О том, что, наконец, он решился начать гонение на
христиан**

Концом же его безумия было вооружение против церквей и нападение на епископов, в которых видел он особенное сопротивление. Друзей великого и боголюбивого василевса он считал своими врагами. Посему, лишившись ума, изощрял гнев преимущественно на нас и не выпускал из

памяти предшествовавших себе гонителей, которые за свое нечестие им же погублены и казнены были, которых знал он лично и между которыми начальник злодеяний^[8], — кто он и как поражен посланным свыше бичом, стоял, будто живой, перед его глазами.

ГЛАВА 57. О том, что, смиряемый фистулой и червями, Максимин <Галерий> издал указ в пользу христиан

Ибо как скоро вздумал он нападать на церкви и первый обагрил свою душу кровью праведников и богочтителей, тотчас постигло его посланное Богом наказание, которое, начавшись от плоти, проникло в его душу. В самой середине между тайными удами его тела вдруг появился нарыв, потом образовалась глубокая фистульная язва, от которой началось неисцелимое разъятие отдаленнейших внутренностей, а через то расплодилось несчетное множество червей и стало распространяться смертоносное зловоние, потому что вся масса его тела от прожорливости превратилась в огромнейшую грудку жира. Все это теперь начало гнить и приближавшимся представляло, говорят, невыносимое и страшное зрелище. Борясь с такими мучениями, поздно уже сознался он, что терпит это за притеснение Церкви, исповедался перед Богом, прекратил гонение на христиан, законами и царскими указами заставлял их строить храмы, повелевал отправлять в них обычное служение и воссылать за себя молитвы.

ГЛАВА 58. О том, что Максимин <Даза>, преследовавший христиан, сам сделался беглецом и скрывался в одежде раба

Такое наказание понес такой василевс, начавший гонение. Но очевидец сих событий, тот, о котором теперь пойдет речь и который определенно познал это собственным опытом^[9], вдруг забыл обо всем, не приводил на память ни казни, назначенной первому, ни карательного суда над вторым^[10]. Стараясь превзойти первого на поприще злодеяний, он даже тщеславился изобретением для нас новых мучений. Ему мало было огня, железа и пригвождения, диких зверей и морских глубин. Кроме всего этого, он измыслил еще казнь какую-то странную: установил уродовать орган зрения, и вдруг множество не только мужей, но и детей, и женщин с

померкшим правым глазом и с ослабленными посредством железа и пригвождения суставами ног предал на мучения в рудные шахты. За это вскоре постигло и его определение суда Божьего. Надеясь на демонов, которых почитал богами, и полагаясь на несчетные тысячи гоплитов, он вступил в сражение, но так как чужд был надежды на Бога, то и потерял неприличное себе царское достоинство, робко и недостойно вмешался в толпу и искал спасения в бегстве. Потом, скрываясь в селениях и деревнях, думал утаиться в одежде раба, но не мог убежать от великого и всевидящего ока Промысла. Почитая свою жизнь наконец вне опасности, он вдруг поражен был огненной стрелой Божьей и лежал лицом вниз. Тело его посланным от Бога ударом было истощено, так что все черты прежнего его образа исчезли, и из него остался только походивший на привидение скелет сухих костей.

ГЛАВА 59. О том, что, в болезни потеряв зрение, Максимин <Даза > издал указ в пользу христиан

Когда же мышца Божья отяготила его еще сильнее, глаза у него выкатились и, выйдя из своих мест, оставили его слепым. Таким образом, по справедливому определению, он потерпел именно ту казнь, которую прежде всех изобрел для мучеников Божьих. Впрочем, и после такого поражения тиран еще дышал и, хоть поздно, однако же исповедовался перед христианским Богом, признавался в своем богоборчестве и, подобно первому, переменив образ мыслей, в законах и указах письменно высказал свое заблуждение касательно чтимых им прежде богов и в собственном опыте находил убеждение, что истинный Бог есть только Бог христианский. Познав это из самых дел, а не от других посредством слуха, Лициний, однако же, оставался при том же, ум его окружен был каким-то мраком.

КНИГА ВТОРАЯ

ГЛАВА 1. Тайное гонение Лициния, умерщвляющего епископов Амасии

Этот-то вышеупомянутый <Лициний> низвергся в бездну богоборцев и, соревнуясь собственным бедствием с теми, коих погибель за нечестие видел своими глазами, снова, как некое уже погасшее пламя, возжег гонение на христиан и произвел пожар нечестия ужаснее прежних. Впрочем, изворачиваясь, подобно какому-нибудь страшному зверю или лукавому змею, дышащему гневом и богоборческой угрозой, он из страха к Константину еще не дерзал явно восставать на подвластные ему церкви Божьи, но, скрывая яд злобы, устраивал тайные и частые козни епископам, из которых славнейшие умерщвлены им по навету областных начальников. И способ убийства их был каким-то странным, до того времени неизвестным. То, что делал он тогда в Амасии Понтийской^[11], превышает всякую меру жестокости.

ГЛАВА 2. Разрушение церквей и убийство епископов

Там одни из церквей были разрушены сверху донизу, и это после первого разрушения уже во второй раз, другие заперты местными правителями, чтобы никто из обыкновенных поклонников не входил туда и не приносил Богу подобающего служения, ибо издававший такие повеления, умствуя по внушению нечистой совести, не думал, что то служение совершается за него, но будучи уверен, что мы все делаем для Константина и за него молим Бога. А единомышленники и льстецы Лициния, решившись совершать угодное преступнику, известнейших церковных предстоятелей предавали смертной казни. Таким образом, безвинно уводились и, подобно убийцам, казнимы были люди, не сделавшие ничего несправедливого, некоторые же из них претерпели даже и нового рода кончину: тела их рассекали мечом на множество частей и вслед за такой казнью, которая бесчеловечнее и ужаснее всякого трагического рассказа, повергали их в глубины моря на пожирание рыбам. После этого опять, как незадолго перед тем, началось бегство благочестивых мужей, и снова поля, снова пустыни приняли к себе

служителей Божьих. Заметив успех от такого образа действия, тиран задумал было наконец воздвигнуть гонение на всех, и, конечно, исполнил бы свою мысль, ибо ничто не мешало ему перейти к самому делу, если бы Защитник рабов своих <Бог> не предупредил этого намерения и не возжег, так сказать, среди тьмы и самой мрачной ночи великого светильника, если бы не привел туда слугу своего Константина.

ГЛАВА 3. О том, как Константин склонился на сторону христиан, когда готовилось гонение

Молву о том, что сказали мы выше, находя невыносимой, Константин принял мудрое решение и, к врожденному человеколюбию присоединив твердость характера, поспешил на помощь угнетаемым. Он почитал благочестивым и святым делом, низвергнув одного человека, спасти целый род людей, ибо действовать с великим человеколюбием и миловать недостойного милости означало, с одной стороны, не оказать ему самому никакой пользы, так как он отнюдь не оставит склонности к злу, но еще более увеличит ярость против подданных, с другой — не даровать бедствующим под его властью никакой надежды на спасение. Рассудив так, василевс решился немедленно подать спасительную десницу людям, доведенным до крайней степени зла. И вот он сделал обыкновенные распоряжения к вооружению войска: собрались к нему все фаланги и конные тагмы^[12], и перед всеми ними приказано нести знаки доброй надежды на Бога, оправдываемые тем символом, о котором говорено прежде.

ГЛАВА 4. О том, что Константин готовился к войне, молясь, а Лициний — гадая

Хорошо зная, что именно теперь особенно нужны ему молитвы, он взял с собой священников Божьих, которые, как добрые стражи души, по его убеждению, должны непрестанно беседовать и быть с ним. По этому поводу тиран, вероятно, получил сведения, что Константин обещает себе победу над врагами не иначе, как при содействии Божьем, что те, о которых сказано, постоянно беседуют и находятся с ним и что как ему, так и всему войску предшествует символ спасительного страдания. Все это считая достойным смеха, он издевался над Константином и поносил его хульными

словами. Между тем сам окружил себя прорицателями и египетскими гадателями, составителями волшебных снадобий и шарлатанами, жрецами и пророками чтимых ими богов, потом умилоствивляя жертвами тех, кого признавал богами, вопрошал, каковым будет конец его войны. Прорицатели согласно отвечали, что он, бесспорно, останется победителем врагов и одержит верх в войне, излагали свои обещания в длинных красивых стихах от имени всех оракулов. Столь же благоприятны были для него предсказания толкователей снов по полету птиц. Подобное тому открывали и жрецы, предсказывавшие по движению внутренностей. Превозносясь обольстительными обещаниями таких успехов, он с великой уверенностью отправился в лагерь и готов был к битве.

ГЛАВА 5. О том, что говорил Лициний об идолах и о Христе, когда приносил жертву в роце

Перед началом сражения он созвал избранных своих щитоносцев и титулованных друзей в одно из заповедных и священных по их верованию мест. То была влажная и тенистая роца, в которой стояли различные высеченные из камня статуи чтимых (язычниками) богов. Зажигая перед ними восковые свечи и принеся обычную жертву, Лициний произнес, говорят, следующую речь: «Любезные друзья и соратники! Вот отеческие боги, которых мы чтим, приняв издавна, от предков (наставление) благоговеть перед ними. Напротив, начальник враждебного нам войска, отвергнув отеческие обычаи, принял безбожное мнение и, находясь в заблуждении, прославляет какого-то чужеземного, неизвестно откуда взятого Бога. Постыдным его знаменем он срамит свое войско. Доверившись Ему, он поднимает оружие не против нас, а более против оставленных им богов. Настоящее время откроет, кто заблуждается в своем мнении, оно отдаст преимущество либо нашим богам, либо богам стороны противной, ибо если увенчает победой нас, то со всей справедливостью докажет, что спасители и истинные помощники суть наши боги, а когда над нашими, которых там много и которые числом доньше имеют преимущество, одержит верх какой-то, не знаю откуда взявшийся Бог Константина, то пусть уже никто не остается в сомнении, кого почитать Богом, пусть всякий обратится к сильнейшему и отдаст ему пальму победы. В самом деле, если сильнейшим окажется этот, нами теперь осмеиваемый Бог чужестранный, то и нам нужно будет признать его и чтить, и надолго распрощаться с теми, которым попусту возжигаем свечи, а если победят

наши, — что несомненно, то после теперешней победы устремимся войной на безбожников». Вот что высказал он присутствовавшим, а нам для записи немного спустя передали сведение об этом лично слушавшие речь. Окончив ее, Лициний повелел войску вступить в сражение.

ГЛАВА 6. Призраки войск Константина, проходивших будто бы по городам Лициния

Во время этих событий по подвластным тирану городам видели, говорят, неизъяснимое какое-то явление: казалось, будто в самый полдень через города переходил строй гоплитов Константина, как бы уже одержавших победу. И это видели тогда, когда на самом деле нигде и ничего подобного не было. Сим зрелищем божественная и высшая сила указывала на будущее. Как скоро войска сблизилась, расторгнувший дружеские договоры первым начал сражение. Тогда Константин призвал Спасителя всех Бога и, этим дав знак своим гоплитам, выиграл первое сражение. Потом, немного спустя, одержал он верх и во втором и получил уже большую победу, потому что теперь символ спасения двигался впереди его фаланг.

ГЛАВА 7. О том, что во время сражения там, где показывался символ креста, там одерживалась победа

В самом деле, где он показывался, там враги обращались в бегство, а победители преследовали их. Когда василевс узнал об этом, то символ спасения как действительнейшее средство победы повелел переносить туда, где видел какой-либо свой отряд ослабевшим. Победа с ним тотчас восстанавливалась, потому что сражавшихся при нем укрепляли бодрость и сила, посылаемые свыше.

ГЛАВА 8. О том, что для ношения креста избрано было пятьдесят человек

Посему тем из своих щитоносцев, которые отличались крепостью тела, силой души и благочестивым нравом, Константин повелел состоять единственно при служении этому знамени. Таких мужей числом было не

меньше пятидесяти, и они не имели другой обязанности, как либо стоять вокруг знамени, либо следовать за ним в качестве стражи, когда каждый из них попеременно нес его на своих плечах. Писателю настоящей истории спустя много времени после сих событий рассказывал об этом на досуге сам василевс и, комментируя свой рассказ, присоединил следующее достопамятное происшествие.

ГЛАВА 9. О том, что один из крестоносцев убежал и был убит, а другой пребыл в вере и спасся

Однажды в самом пылу сражения, говорил он, в войске произошел шум, и распространилось великое смятение. В это время некто, носивший на плечах знамя, сильно страдал от робости и потом передал свою ношу другому, чтобы убежать с поля битвы. Когда же один принял, а другой удалился и находился уже вне охраны знамени, пущенная стрела в сего последнего пронзила ему чрево и лишила его жизни. Принимая наказание за боязливость и неверие, он упал и умер. Напротив, для того, кто взял спасительное знамя, оно сделалось охраной его жизни, так что, сколько ни пускали в него стрел, — он оставался невредим. Все удары их принимало на себя копьё знамени. Тут было что-то выше всякого чуда: как могли стрелы врагов, бросаемые в самое небольшое по объёму копьё, вонзаться в него и пронизывать его насквозь, а того, кем было оно носимо, избавлять от смерти, так что к людям, назначенным для сего служения, ничто не прикасалось? Это сказание не наше, кроме других сведений, и оно передано нашему слуху также василевсом. Силою Божьей одержав первые победы, он двинул войско в боевом порядке и пошел далее.

ГЛАВА 10. Различные битвы и победы Константина

Передовые отряды вражеского войска, не выдержав первого его натиска, побросали оружие и поверглись к ногам василевса, и он сохранил их всех невредимыми, находя удовольствие в спасении людей. Другие же, не выпуская из рук оружия, решились сражаться. Узнав, что дружеского призыва они не слушают, василевс послал против них войско. Неприятели тотчас же дали хребты и обратились в бегство. После сего одни из них пойманы и по закону войны побиты, а другие, падая друг на друга, погибли от собственных мечей.

ГЛАВА 11. Бегство и волхование Лициния

После сего начальник их, видя, что ему нет более помощи от рабов, что множество собравшихся к нему воинов и союзников исчезло и что надежда на мнимых богов на деле оказалась ничтожной, предался постыдному бегству. Беглец действительно ушел и находился в безопасности, потому что боголюбивый василевс, желая доставить ему спасение, не велел слугам своим преследовать его по пятам. Он надеялся, что, сознавая размеры своих бедствий, Лициний когда-нибудь оставит свое дерзкое неистовство и направит ум к лучшему образу мыслей. Думая так по избытку своего человеколюбия, Константин не хотел помнить зла и намеревался даровать недостойному прощение. Но тот не оставлял своей порочности, прибавлял зло ко злу и устремился еще к большим дерзостям, даже снова и с новой надменностью обратился к злодейским средствам волхвов. О нем можно сказать почти то же, что сказано о древнем тиране: *Бог ожесточил его сердце (Исх. 7, 3).*

ГЛАВА 12. О том, как Константин молился в палатке и побеждал

Но запутав себя в такие преступления, Лициний стремился к бездне погибели. Напротив, василевс, видя, что ему нужно будет вторично вступить в сражение, посвятил досуг своему Спасителю. Вне ограды и на весьма далеком от нее расстоянии поставил он палатку кресту и, держась там непорочного и чистого образа жизни, возносил молитвы к Богу, по примеру того древнего пророка Божьего, который, как уверяет божественное слово, поставил свою скинию также вне войска (*Исх. 33, 7*). При Константине находились тогда немногие верные, известные ему своим расположением к благочестию. Это было обыкновенным его занятием и в других случаях, когда он намеревался вступить в сражение, потому что, радея о безопасности, действовал медленно и любил все делать по совету Божьему. В свободное время, вознося молитвы своему Богу, он, вероятно, сподоблялся богоявления, потом, как бы подвигнутый божественным вдохновением, выбегал из палатки и вдруг приказывал тотчас же двинуться войскам и немедленно обнажить мечи. Устремившись массаами, войска его рубились отважно и, мгновенным натиском одержав победу, воздвигали победные трофеи над врагами.

ГЛАВА 13. Человеколюбие Константина к пленным воинам

Вести так себя и свое войско среди военных подвигов василевс привык задолго прежде. Своего Бога всегда ставя выше своей души, он старался все делать согласно с Его волей и осмотрительно решался на смерть многих. Поэтому не более думал о спасении своих подданных, как и о спасении врагов, и когда его слуги одерживали победу в сражении, убеждал их щадить пленных, чтобы, то есть, будучи людьми, они не забывали о родственной природе людей. Если же иногда видел, что ярость его воинов неукротима, то укрощал ее деньгами, повелев каждого неприятельского воина, взятого живым, оценивать определенной мерой золота. Такая-то приманка спасать людей изобретена мудростью василевса, и тысячи даже варваров, выкупленные золотом василевса, были спасены.

ГЛАВА 14. Еще о его молитвах в палатке

Это и много подобного тому приятно было василевсу совершать и в другое время: тогда, как и теперь, по обычаю, перед началом сражения, он уходил в свою скинию и посвящал свободные часы молитвам к Богу, чуждаясь всякого самоугождения и всякой роскоши, обуздывая свое тело постом и лишениями и умиляя Бога прошениями и мольбами, да явит ему свое благоволение и помощь, и затем старался исполнить все, что Бог полагал ему на ум. Он имел также неусыпное попечение обо всех и молился за спасение своих не более чем за спасение врагов.

ГЛАВА 15. Коварная дружба и идолопоклонничество Лициния

Так как недавний беглец, прикрывшись притворством, начал опять предлагать <Константину> дружеский союз, то последний соглашался принять его и постановил выгодные и полезные условия союза. Вышеупомянутый <Лициний> притворился, что охотно подчиняется этим условиям, и скрепил свое согласие клятвой, а между тем втайне снова снаряжал гоплитов, опять начинал войну, вступил в сражение и призвал себе в союзники варваров. Повсюду также отыскивал он новых богов под тем предлогом, что прежние обманули его, недавней же беседы о них несколько не сохранил в памяти и не захотел признать непреоборимого

Бога Константинова, но, что достойно смеха, отыскивал себе новых и в большем количестве. <...>

ГЛАВА 16. О том, как Лициний увещевал своих воинов не сражаться против креста

Потом, узнав на деле, какова божественная и неизреченная сила спасительного знамени, посредством которого войско Константина умело обращать врагов в бегство, Лициний уговаривал своих воинов отнюдь не выходить ей навстречу и, как часто случалось, не заглядываться на нее, ибо она страшна своей силой, враждебна ему и неприязненна, посему надобно остерегаться борьбы с ней. Распорядившись таким образом, он устремился в сражение с тем, кто по человеколюбию медлил и откладывал смерть его. Неприятели, возбуждая в себе смелость мыслью о множестве богов, вступили в дело с великой военной силой и несли перед собой в виде воздушных статуй изображения мертвых. Константин же, облекшись в броню благочестия, противопоставил толпе противников спасительное и животворящее чудо (знамя) как некий устрашающий или охраняющий от зол памятник и сперва удерживался, щадил врагов, чтобы, сохраняя заключенный договор, не начать первому.

ГЛАВА 17. Победа Константина

Когда же увидел, что противники тверды в своем намерении и уже взялись за мечи, тогда, придя в негодование, одним криком и ударом прогнал всю силу неприятелей и в одно и то же время одержал победу над врагами и демонами.

ГЛАВА 18. Смерть Лициния и торжество над ним

После того, отдав самого богоненавистника и его приверженцев по окончании войны, Константин предал их должной казни. Вместе с тираном взяты были, подвергнуты суду и погибли советники богоборчества, а другие незадолго надмевавшиеся надеждой на суетное, теперь самим делом приняли Бога Константина и согласились признавать его Богом истинным и единым.

ГЛАВА 19. Празднества и торжества

Итак, теперь по низложению людей нечестивых лучи солнца не озаряли уже тиранического владычества: все части римской империи соединились в одно, все народы востока слились с другой половиной государства, и целое украсилось единовластием, как бы единой главой, и все начало жить под владычеством монархии. Светозарное сияние благочестия сидевшим прежде во тьме и сени смертной доставило дни радостные, не было больше и памяти о минувших бедствиях; все и всюду прославляли победителя и соглашались признавать Богом только Того, кто доставил ему спасение. А славный во всяком роде благочестия василевс-победитель, ибо за победы, дарованные ему над всеми врагами и противниками, такое получил он собственное титулование, принял Восток и, как было в древности, соединил в себе власть над всей римской империей. Первый проповедав всем монархию Бога, он и сам царствовал над римлянами и держал в узде все живое. Исчез всякий страх бедствий, которые перед тем всех удручали, и люди, до того времени с поникшим взором, теперь смотрели друг на друга светлыми глазами и на лицах были улыбки. В хорах и гимнах неудержимыми возгласами прославляли они сперва Всецаря — Бога, как научились, потом славного победителя и благонравнейших, боголюбивых детей его — кесарей. Забыли они о минувших бедствиях, о всяком нечестии и, наслаждаясь настоящими благами, ожидали будущих.

ГЛАВА 20. О том, какие Константин издал законы касательно исповедников веры

Человеколюбивейшие указы василевса распространялись и на нас, как прежде на другую часть света. Законы, дышащие благочестием к Богу, обещали различные блага: епархам приносили они в дар выгоды и пользу, а церквям Божьим давали то, что было им свойственно, а именно: прежде всего вызвали людей, областными правителями осужденных на изгнание и переселение за то, что не служили идолам, потом освободили от общественного служения находившихся за ту же вину под судом, а потерявших имение через конфискацию приглашали снова принять его. Равным образом лиц, во время борьбы при помощи Божьей прославившихся твердостью души и по той причине сосланных на мучения

в шахты, или осужденных жить на островах, или обязанных служить при местах общественных, — этих лиц вдруг освобождали от всех подобных наказаний. Милость василевса избавила от обиды и тех, которые за постоянство в благочестии изгнаны были из воинского сословия, василевс оставил им на выбор — или вернуться к своим обязанностям и отличаться прежним достоинством, или, если им нравится жизнь спокойная, оставаться в ней, нимало не стесняясь общественной службой. Подобно прочим, освободил он и тех, которые в знак унижения и бесчестия осуждены были на работы в гинекеях^[13].

ГЛАВА 21. О том, что то же постановил он касательно мучеников и церковных имений

Это-то предписывал указ василевса касательно людей, терпевших подобные мучения. Но закон обстоятельно говорил и об их имуществе, он повелевал имение святых Божьих мучеников, положивших свою жизнь за исповедание веры, получать ближайшим в роду, если же таких не окажется, — вступать в наследство церквям. Дарственная грамота предписывала также возвратить прежним владельцам все, что перед тем передано было казной другим лицам посредством продажи или в виде дара и что осталось в казне. Вот сколькими благами осыпали Божью Церковь разосланные василевсом грамоты.

ГЛАВА 22. О том, как улучшил он состояние черни

А черни вне христианства и всем народам великодушие василевса даровало в чрезвычайном количестве иные блага. Еще прежде, узнав по слуху о состоянии дел в другой части Рима, все наши соотечественники ублажали тамошних жителей и молились, чтобы им самим даровано было когда-нибудь наслаждаться подобными благами. Теперь, исполнение своих желаний увидев собственными глазами, они начали и себя называть счастливыми и признавались, что их василевс воссиял для рода смертных как некое славное сокровище, какого от века не знали под солнцем. Так-то мыслили они.

ГЛАВА 23. О том, что виновником благ называл он Бога, и о списках его

указов

Между тем так как все покорилось василевсу силой Бога Спасителя, то сего Подателя благ он проповедовал перед всеми и свидетельствовал, что виновником побед признает Его, а не себя. Это обнародовал он на латинском и на греческом языках посредством письменных распоряжений, посланных к каждому племени. Силу его слова узнаем, читая подлинные его грамоты. Их было две: одна к Божьим Церквям, другая к жителям городов вне христианства^[14]. <...>

ГЛАВА 43. О том, как законы Константина исполнялись на деле

<...> Определения закона скоро приведены были в исполнение, все делалось вопреки недавним дерзостям тиранской жестокости, дары василевса изливались на всех, на кого простирался закон его.

ГЛАВА 44. О том, что в начальники возводил он христиан, если же начальниками были и язычники, то запрещал им приносить жертвы

После сего василевс деятельно принялся за управление. И, во-первых, к народам, разделенным на епархии, послал таких игемонов, которые большей частью посвятили себя спасительной Вере, а кто казался язычником, тому запрещал приносить жертвы. Этот же закон простирался и на лиц, занимавших степени выше должности игемона, и на самую высокую власть епархов, если, то есть, они были христиане, внушал им вести себя соответственно своему имени, а когда находились в ином расположении, повелевал оставить идолопоклонничество.

ГЛАВА 45. О законах, которыми запрещалось приносить жертвы и предписывалось строить церкви

Вслед за этим присланы были вдруг два закона. Один возбранял отвратительные обряды идольского служения, совершавшегося иногда в городах и селах, чтобы, то есть, никто не дерзал воздвигать статуи, заниматься предсказаниями и иными пустыми делами — вообще, чтобы

никто не приносил жертв. Другой предписывал возводить выше молитвенные дома, также распространять церкви Божьи в ширину и длину, чтобы в то время, когда, можно сказать, почти все люди будут приходить к Богу, безумие многобожия было изгнано совершенно. Чувствовать и писать это к местным правителям побуждало василевса благочестие его перед Богом. Равным образом закон повелевал не щадить денег и все нужное для постройки приготавливать на счет сокровищ василевса. То же писано было и к каждому местному предстоятелю Церкви; то же благоволил он написать и нам, прислав на наше имя первое послание следующего содержания:

ГЛАВА 46. Послание Константина к Евсевию и прочим епископам о постройке церквей, чтобы при помощи правителей возобновлять старые и созидать обширнейшие

Победитель Константин, Великий Август, Евсевию.

«Так как нечестивая воля и тирания преследовали слуг Спасителя даже до настоящего времени, то я верно и твердо убежден, любезнейший брат, что все церковные здания либо от нерадения разрушились, либо от страха грозной несправедливости содержатся в неприличном виде. Ныне же, когда свобода возвращена, и тот змей провидением великого Бога и нашим служением удален от управления государством, я думаю, что для всех сделалась явной божественная сила и что, следовательно, по страху или неверию впавшие в какие-нибудь прегрешения, узнав, в чем истина, обратятся к истинному и правильному состоянию жизни. Поэтому и сам ты, как предстоятель многих Церквей, знай и другим известным тебе местным предстоятелям — епископам, пресвитерам и дьяконам — напомни, чтобы они усердно занимались созиданием церквей либо исправляя, какие сохранились, либо увеличивая их, либо по требованию необходимости строя новые. В чем же встретится надобность, того для себя, а через себя и для прочих, спрашивай от игемонов и епархов, ибо им предписано со всем усердием исполнять все, что будет сказано твоим преподобием. Бог да сохранит тебя, возлюбленный брат!»

Это-то писано было к предстоятелям Церквей в каждой провинции и согласно с этим приказано действовать народным правителям, а посему постановления закона приходили в исполнение с великой скоростью.

ГЛАВА 47. О том, что он писал против идолопоклонничества

Простирая благочестие к Богу еще далее, василевс разослал ко всем областным правителям поучение об идолопоклонническом заблуждении, в котором находились предшествовавшие ему василевсы. В сем поучении он красноречиво увещевает подданных признать Бога всяческих и совершенно присоединиться к Христу Его, Спасителю. Это собственноручное его писание необходимо переложить с латинского языка и поместить в настоящем сочинении, чтобы казалось, будто мы слушаем самого василевса, когда он к слуху всех людей взывает следующим образом:

ГЛАВА 48. Послание Константина областям касательно заблуждения язычников. Выступление о добродетели и пороке

Победитель Константин, Великий Август, восточным правителям.

«Все, определяемое главнейшими законами природы, дает каждому достаточно чувствовать попечение и промысел Божьих распоряжений. И для тех, ум которых идет прямым путем ведения к известной цели, чтобы, то есть, ясные понятия здравого смысла и самого зрения при нераздельном стремлении к истинной добродетели посвятить познанию Бога, для тех в этом не остается никакого сомнения. От того благоразумный человек никогда не придет в смущение, видя, что чернь увлекается противоположными мнениями. Благотворность добродетели оставалась бы для нас бесполезно сокрытой, если бы порок не противопоставлял ей жизни развращенного безумия. Посему на добродетели лежит венец, а на суде властвует всевышний Бог. Я постараюсь, сколько можно яснее, исповедать мои надежды перед всеми вами.

ГЛАВА 49. Об отце боголюбивого Константина и о гонителях Диоклетиане и Максимине <Дазе>

Я чуждался бывших перед этим автократоров, потому что видел дикость их нравов. Только мой отец, во всех делах с удивительным благоговением призывавший Бога Отца, держался правил кротости, а все прочие, не имея здравого смысла, заботились более о делах жестоких, нежели о милосердии, и, извращая истинное учение, эту жестокость питали в свое время весьма щедро. Сила их лукавства воспламенилась до того, что между тем как все дела и божеские, и человеческие шли мирно, в их областях возникали междоусобные войны.

ГЛАВА 50. О том, что из-за оракула Аполлона, когда он не мог пророчествовать в присутствии праведников, воздвигнуто было гонение

Тогда говорили, будто предсказания Аполлона исходят не из уст человека, а из какой-то пещеры или темного ущелья и будто живущие на земле праведники препятствуют ему прорицать истину, а посему прорицания треножника бывают ложны, от этого волны его дыма расстилаются по земле и оплакивают бедствие людей, происходящее от гонения оракулов. Но посмотрим, чем все это кончилось.

ГЛАВА 51. О том, что Константин еще в молодых летах услышал от человека, подписывавшего указ касательно гонения, что христиане — праведники

Теперь призываю (в свидетели) Тебя, всевышний Бог! Будучи еще в раннем детстве, я слышал, как один, занимавший в то время первую степень между римскими автократорами, жалкий, истинно жалкий и душевно заблуждавшийся человек заботливо расспрашивал своих дорифоров, кто таковы на земле праведники, и как некто из окружавших его совершителей жертв отвечал, что это, без сомнения, — христиане. Выслушав такой ответ, будто вкусив меду, он устремился на безукоризненную святость с теми мечами, которые изобретены для наказания преступлений. Тотчас же убийственным, так сказать, острием подписал он кровавые указы и приказал судьям употребить все возможное остроумие для изобретения самых страшных казней.

ГЛАВА 52. О том, какие роды пыток и казней придуманы были для христиан

Тогда можно было видеть, с какой свободой это величие благочестия ежедневно подвергалось необыкновенным оскорблениям неутомимой жестокости. Целомудрие, которого никогда не оскорбляли и самые неприятели, для неистовствовавших граждан казалось тогда делом маловажным. Какому огню, каким пыткам, какому колесованию не подвергали всякого тела без различия возраста! В то время и земля

действительно плакала, и всеобъемлющее небо, оскверняемое кровью, испускало стоны, и самый даже день от такого дива облачился в одежду скорби.

ГЛАВА 53. О том, что христиан принимали варвары

Но что говорить об этом? Теперь торжествуют над ними и варвары, которые в то время принимали наших беглецов и сохраняли их в самом человеколюбивом плену, даруя им не только жизнь, но и безопасность в делах веры. Таким образом, ныне римский народ носит всегдашнее пятно, каким тогда заклеямили его христиане, изгнанные из римского мира и убежавшие к варварам.

ГЛАВА 54. О том, какой суд постиг тех, которые из-за оракула сделали гонителями

Впрочем, для чего много говорить о скорбях и плаче всей Ойкумены? Нашли постыдный свой конец, низверглись в бездну Ахерона^[15] для вечного мучения они, предписавшие эти ненавистные действия, запутавшись в междоусобных войнах, они не оставили после себя ни имени, ни рода. Этого, конечно, не случилось бы с ними, если бы нечестивое предсказание дельфийского оракула не покорило их обольстительной своей силой.

ГЛАВА 55. Славословие Константина Богу, исповедование крестного знамения и молитва о церквях и народах

Теперь молю Тебя, великий Боже! Будь милостив и благосклонен к твоим живущим на востоке народам и через меня, твоего служителя, даруй исцеление всем епархам, так пострадавшим от долговременных бедствий. Не без причины прошу этого, Владыка всех, святой Боже! Под Твоим руководством и начал я, и окончил дела спасения: везде нося перед собой твое знамя, я вел победоносное войско и, куда призывала меня какая-нибудь общественная необходимость, следовал за теми же знаками Твоей силы и шел на врагов. Потому-то и предал я Тебе свою хорошо испытанную в любви и страхе душу, ибо искренно люблю Твое имя и

благоговеею пред силой, которую явил Ты многими опытами и которой укрепил мою веру. Теперь, подставляя собственные свои рамена, я приступаю к возобновлению святейшего Твоего дома, разрушенного опустошительным безумием тех гибельных и нечестивейших властителей.

ГЛАВА 56. О том, что он желает всем быть христианами, но не принуждает к тому

Хочу, чтобы, для общей пользы и безмятежности всех людей, народ твой наслаждался спокойствием и безмятежностью, хочу, чтобы, подобно верующим, приятности мира и тишины радостно вкушали и заблуждающиеся, ибо такое восстановление общения может вывести на путь истины. Пусть никто не беспокоит другого, пусть каждый делает то, чего хочет душа. Люди здравомыслящие должны знать, что только те будут жить свято и чисто, кого Ты Сам призовешь почитать под святыми Твоими законами, а отвращающиеся пусть, если угодно, владеют жребием своего лжеучения. У нас есть святейший храм Твоей истины, дарованный нам Тобой по естеству, этого желаем и им, чтобы, то есть, приходя к общему единомыслию, и они наслаждались сердечными удовольствиями.

ГЛАВА 57. Хвала Богу за Сына, посвятившего заблуждающихся

Впрочем, наша вера не есть нечто новое и небывалое, мы убеждены, что Ты повелел с подобающим благоговением питать эту веру еще тогда, как произошло и установилось устройство Ойкумены. Увлечшись всякого рода заблуждениями, род человеческий пал, но чтобы зло не отяготило еще более, Ты через Сына своего послал чистый свет, ты напомнил о Себе всем.

ГЛАВА 58. Еще славословие Богу за служение мира

В этом уверяют и дела. Твоя власть избавляет нас от виновности и делает верными. Солнце и луна совершают определенное течение, не беспорядочно описываются мировые круги и звездами, правильно сменяются времена года, Твоим Словом твердо стоит земля, и в указанное время приходит в движение ветер, силой неудержимого потока быстро несутся стремительные воды, а море содержится в неподвижных пределах.

И что ни встречается на земле и океане, все приспособлено к самому удивительному и полезному употреблению. Если бы это совершалось не по суду Твоей воли, то столь великое разнообразие, такая многочисленность разных действующих сил, без сомнения, были бы губительны для всего света и для наших действий, потому что, борясь между собой, они боролись бы и с человеческим родом тем более жестоко, что враждебная их деятельность невидима.

ГЛАВА 59. Славословие Богу за то, что он всегда учит доброму

Премного благодарю Тебя, Владыка всех, великий Боже, за то, что чем более познается при помощи различных опытов человеческая природа, тем более между людьми здравомыслящими и искренне пекущимися о добродетели утверждается учение Божественного Слова. А кто препятствует врачевать себя, тот пусть не винит в этом другого, потому что лечебница болезней — перед глазами и открыта для всех, только не вреди тому средству, за чистоту которого ручаются дела. Итак, удаляя совесть от всего противного, воспользуемся все жребием дарованного блага, то есть благом мира.

ГЛАВА 60. Под конец указа увещание никому никого не оскорблять

Впрочем, питаюсь известными мыслями, сам никто да не вредит ими другому: что один узнал и понял, то пусть употребит, если возможно, в пользу ближнего, а когда это невозможно, должен оставить его. Ибо одно дело — добровольно принять борьбу за бессмертие, а иное — быть вынужденным к ней посредством казни. Говоря об этом, я распространился гораздо более, нежели сколько требовала цель моего снисхождения, потому что не хотел скрывать веры в истину, а особенно потому что некоторые, слышу, утверждают, будто обряды (языческих) храмов и владычество мрака разрушены. Этому я охотно верил бы вместе со всеми, если бы сильное сопротивление губительного заблуждения, ко вреду всеобщего восстановления, в душах некоторых людей не укоренилось слишком глубоко».

ГЛАВА 61. О том, как по поводу мыслей Ария в Александрии возникли

споры

Так точно, уподобляясь громогласному вестнику Божьему, взывал василевс посредством своей грамоты ко всем епархам и, отклоняя подданных от демонского заблуждения, побуждал их к принятию истинной веры. Но тогда как он радовался этому, молва возвестила ему о немаловажном, возникшем в церквях беспокойстве: пораженный таким известием, он начал придумывать врачевание. Дело состояло в следующем. Украшаясь прекрасной жизнью, народ Божий пользовался уважением, извне не возмущал его никакой страх, так что торжественный и глубочайший мир по благодати Божьей повсюду ограждал Церковь. Но зависть не упускала из виду наших благ: она проникла в недра Церкви и бродила среди самых собраний святых, она-то поссорила епископов и под предлогом (защиты) божественных догматов возбудила между ними несогласие и раздоры. Вслед за этим, будто от искры, воспламенился великий пожар и, начавшись, как бы с главы, с Церкви александрийской, распространился по всему Египту, Ливии и за пределы Фиваиды. Этот пожар истреблял уже и прочие епархии и города, так что не одни предстоятели Церквей, как видно было, вступали друг с другом в словесные прения, но и народ разделялся: одни уклонялись к одной стороне, другие — к другой. Вид этих событий доведен был до такого неприличия, что божественное досточтимое учение подверглось самым оскорбительным насмешкам даже на языческих зрелищах.

ГЛАВА 62. О том же и о мелетианах

Итак, одни в возвышеннейших предметах упорно состязались в самой Александрии, другие по поводу возникшего прежде вопроса ссорились во всем Египте и верхней Фиваиде, так что Церкви везде разделились, а вместе с ними, подобно расстроенному телу, впала в недуг и вся Ливия, заразились болезнью и прочие части пограничных областей, потому что когда александрийцы отправляли послов к областным епископам, державшиеся другой стороны старались сделать их также сообщниками собственного сопротивления.

ГЛАВА 63. О том, как со своим послом Константин прислал письмо (александрийцам) о мире

Узнав об этом, василевс болел душой и, почитая сие дело собственным несчастьем, тотчас из окружавших себя благочестивых мужей избрал одного^[16], которого хорошо знал как человека, отличавшегося целомудренной добродетелью веры и в прежние времена прославившегося исповеданием благочестия, и, отправив его в Александрию с повелением водворить там мир между враждовавшими, дал ему весьма нужную грамоту на имя виновников раздора. Эту грамоту, заключающую в себе свидетельство заботливости Константина о народе Божьем, хорошо поместить в повествовании о Константине. Она состоит в следующем:

ГЛАВА 64. Послание Константина к епископу Александру и пресвитеру Арию

Победитель Константин, Великий Август, Александру и Арию:

«Свидетельствуюсь самым помощником в моих предприятиях и Спасителем всех — Богом, что две причины побуждали меня к совершению предпринятых мной дел.

ГЛАВА 65. О том, что он обыкновенно заботился о мире

Во-первых, я сильно желал учения всех народов о божестве, по существу дела, привести как бы в один состав, во-вторых, телу всей Ойкумены, как страждущему тяжелой некой болезнью, возвратить прежнее здоровье. Предположив эту цель, иное рассматривал я внутренним оком ума, а иное старался совершить силой воинской руки и знал, что если я служу всеми служителями Божьими, согласно с моими молитвами, восстановлено будет единомыслие, то ход общественных дел получит изменение, соответствующее благочестивым намерениям каждого.

ГЛАВА 66. О том, что он примирил возникшие в Африке споры

Поэтому, когда всю Африку объяло истинно невыносимое безумие и некоторые люди с безрассудным легкомыслием дерзнули разделять народное богопочтение на различные толки, я для остановки болезни не находил другого удовлетворительного в этом случае врачевания, как ничтожить общего врага Ойкумены, священным вашим соборам

противопоставлявшего незаконное свое мнение, и отправить некоторых из вас на помощь общему делу, чтобы через них восстановить единомыслие между враждующими.

ГЛАВА 67. О том, что благочестие началось с Востока

Ибо как сила света и закон священного богослужения, по благодаянию Всеблагого, вышли будто из недр Востока и священным сиянием озарили всю Ойкумену, то я не без основания старался разузнать вас и чувством души, и действием зрения — я верил, что вы будете вождями народов к их спасению. Поэтому тотчас после великой победы и истинного торжества над врагами я решился исследовать прежде всего то, что считал делом первым и важнейшим из всех.

ГЛАВА 68. О том, что, огорченный раздором, Константин внушает мир

Но, о благое и божественное провидение! Как жестоко поразила мой слух, или, лучше, самое сердце, весть, что между вами возникли разногласия более тяжкие, нежели какие были там прежде, и что вы, через которых я надеялся доставить исцеление другим, сами имеете нужду в гораздо большем врачевании! Когда же я рассуждал о начале и предмете этих споров, то повод к ним мне показался весьма незначительным и вовсе не стоящим такого прения. Посему, вынужденный к настоящему посланию, пишу единодушной вашей прозорливости и, призвав на помощь божественное провидение, объявляю свое право быть посредником в вашем недоумении и как бы покровителем мира между вами, ибо если при содействии Всеблагого не трудно было бы мне и по поводу более важного разногласия предложить свое слово благочестивому уму слушателей и каждого обратить к полезному, то почему не мог бы я обещать себе удобнейшего и легчайшего восстановления дела, когда преграду ему полагает случай столь маловажный и ничтожный.

ГЛАВА 69. С чего начался спор между Александром и Арием, и о том, что спорить им не следовало

Знаю, что настоящий спор начался таким образом. Когда ты, Александр, спрашивал у пресвитеров, что каждый из них думает о каком-либо месте закона, или, лучше сказать, представлял на обозрение бесполезную сторону вопроса, тогда ты, Арий, неосмотрительно предлагал то, о чем сперва не следовало и думать или, подумав, надлежало молчать — вот откуда родилось между вами разногласие, расторгалось общение, и святейший народ, разделившийся на партии, удалился от единомыслия с общим телом Церкви. Итак, пусть каждый из вас с равной искренностью простит другому и примет то, что справедливо советует вам ваш со-служитель. А что именно? О том в прежние времена не прилично было ни вопрошать, ни отвечать на вопросы, потому что подобные вопросы не вынуждаются каким-нибудь законом, а предлагаются для увлечения бесполезной праздности в спорах, хотя и являются иногда как средства естественного упражнения, но мы должны держать их в уме, а не вносить легкомысленно в общественные собрания и не вверять необдуманно слуху черни. Ибо кто может обстоятельно узнать или по надлежащему истолковать силу столь великих и столь трудных предметов? Если же иной и счел бы это легким, то многих ли убедит он среди народа? Сверх того, при тщательном исследовании подобных вопросов, кто устоит против опасности подвергнуться заблуждению? Итак, в изысканиях этого рода надобно удерживаться от многословия, чтобы, или по слабости своего естества не имея силы истолковать предложенный вопрос, или по тупости слушателей не сумев сообщить им ясного понятия о высказанном учении, тем или другим образом не довести народа либо до богохульства, либо до раскола.

ГЛАВА 70. Увещание к единомыслию

Итак, пусть и неосторожный вопрос, и необдуманный ответ прикроются в каждом из вас взаимным прощением, ибо повод к вашему спору не касается какого-либо главного учения в законе, вы не вносите какой-либо новой ереси в свое богослужение, образ мыслей у вас один и тот же, поэтому вы легко можете снова прийти в общение.

ГЛАВА 71. Но по поводу не многих выражений не надлежало вдаваться в спор о том же самом предмете

Когда вы состязаетесь друг с другом касательно маловажных и весьма незначительных предметов, тогда самое несогласие ваших мыслей не позволяет вам управлять таким множеством народа Божьего и не только не позволяет, даже делает это противозаконным. А чтобы представить вашему благоразумию небольшой пример, скажу следующее: знайте, что и самые философы, следуя одному учению, живут в союзе, если же нередко в рассуждении какого-нибудь частного мнения и разногласят между собой, то, разделяясь степенью знания, по однородности своей науки тем не менее сходятся друг с другом. А когда так, то не гораздо ли справедливее вам, поставленным на служение великому Богу, проходить это поприще со взаимным единодушием? Подвергнем сказанные нами слова большому обсуждению и особенному вниманию: хорошо ли будет, если по поводу мелочного и суетного словопрения между нами брат восстанет на брата и собрание почтенных лиц разделится нечестивым разномыслием? Хорошо ли будет, если это произойдет через нас, поскольку мы будем спорить друг с другом о мелких и вовсе ненужных предметах? Подобные споры — дело черни, и более приличны детскому неразумию, нежели вниманию мужей священных и разумных. Отдалимся же добровольно от дьявольских искушений. Великий Бог, общий Спаситель наш, излил для каждого один и тот же свет. Позвольте же мне, служителю Всеблагого, довести под его Промыслом ревность мою до конца, чтобы посредством воззваний, пособий и непрестанных внушений привести его народы в состояние соборного общения. Если у вас, как я сказал, одна вера и одинаково разумение нашей веры, если также заповедь закона общими своими частями обязывает душу к совершенно одинаковому расположению, то мысль, возбуждающая вас к мелочному спору и не касающаяся сущности всей веры, пусть ни под каким видом не производит между вами разделения и ссоры. Говорю это не с тем, что хотел бы принудить вас совершенно согласиться касательно того маловажного или какого бы то ни было другого вопроса, потому что достоинство вашего служения может сохраниться неприкосновенным, общение ваше во всем может быть соблюдено ненарушимым, хотя бы между вами и оставалось какое-нибудь разногласие в отношении к частному и неважному предмету. Так как все мы хотим от всех не одного и того же, то и вы управляетесь не одной и той же природой или мыслью. Итак, в рассуждении божественного Провидения да будет у вас одна вера, одно разумение, одно понятие о Существом Всеблагом. А что касается до вопросов маловажных, рассмотрение которых приводит вас не к одинаковому мнению, то эти несогласные мнения должны оставаться в вашем уме и храниться в тайнике души. Да пребывает

же между вами непоколебимо превосходство общей дружбы, вера в истину, почтение к Богу и законному богослужению.

Возвратитесь ко взаимной дружбе и любви, прострите свои объятия ко всему народу, очистите свои души, потом снова узнайте друг друга; ибо по отложению вражды и по примирении дружба часто бывает тем приятнее.

ГЛАВА 72. О том, что, питая в душе великую скорбь, он принужден был проливать слезы и, вознамерившись идти на восток, по этой причине оставил свое намерение

Итак, возвратите мне мирные дни и спокойные ночи, чтобы и я наконец нашел утешение в чистом свете и отраду в безмятежной жизни. В противном случае, мне ничего не останется, кроме необходимости стенать, всему обливаясь слезами и проводить свой век без всякого спокойствия, потому что доколе Божьи люди, говорю о моих сослужителях, взаимно разделяются столь несправедливой и губительной распрей, могу ли я быть спокоен в душе своей? А чтобы дать вам почувствовать чрезмерность моей скорби, скажу, что недавно, прибыв в город Никомидию, я тотчас возымел было намерение отправиться на восток, но, поспешая к вам и уже большей частью находясь с вами, получил весть о событии, изложенном в этой грамоте, и удержался от своего намерения, чтобы не поставить себя в необходимость смотреть глазами на то, что, по моему мнению, и для ушей невыносимо. Отворите же наконец мне врата на восток посредством вашего единомыслия, врата, которые вы заперли своими прениями. Позвольте мне скорее увидеть вас и вместе насладиться радостью всех других народов, а потом, за общее единомыслие и свободу, в хвалебных речах вознести должное благодарение Всеблаговому!»

ГЛАВА 73. О том, что и после этой грамоты шум прений продолжался

Так боголюбивый василевс, отправляя это писание, заботился о мире Божьей Церкви! Слугой же его заботливости, не только по смыслу послания, но и в отношении к особым наставлениям пославшего, был человек отличный, муж, как сказано, вполне благочестивый. Но дело зашло так далеко, что его нельзя уже было остановить одним посланием, и ссора враждующих чрезвычайно усилилась, и поток зла разлился по всем областям востока. Таково было действие зависти и демона, завидовавшего

благосостоянию Церкви.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 1. Сравнение благочестия Константина с нечестием гонителей

Между тем как ненавистник добра дьявол, всегда завидующий благу Церкви, среди мира и радости возбуждал против нее бури и смятения, возлюбленный Богом василевс не пренебрегал своими обязанностями, но, всегда действуя вопреки тому, на что незадолго отваживалась тиранская жестокость, являлся выше всякого врага и неприятеля. Тогда как отступники от истинного Бога всякого рода насилием принуждали почитать ложных богов — он несуществование их доказывал словами и делами и убеждал признавать одного, действительно существующего. Те в злохульных выражениях издевались над Христом Богом, а он то самое, что особенно поносили безбожники, наименовал своим ограждением и хвалился трофеем Господних страданий^[17]. Те изгоняли бездомных и бесприютных почитателей Христовых, а он возвратил их и всех ввел в принадлежавшие им жилища. Те запятнали их бесчестием, а он сделал их достойными уважения и предметом подражания для каждого. Те у людей богобоязненных отнимали имущество и незаконно продавали его с публичного торга, а он возвращал им отнятое и присоединял к тому весьма много подарков. Те в письменных повелениях всенародно клеветали на предстоятелей (Церкви), а он возвышал и возвеличивал этих мужей своими почестями, прославлял их своими грамотами и законами. Те раскапывали самые основания молитвенных домов и разрушали их сверху донизу, а он постановил законом: остававшиеся поднять и за счет сокровищ василевса строить новые, великолепнейшие. Те повелели истреблять Богодухновенные Писания и сжигать их, а он издал повеление умножать их списки и на счет царской казны давать им великолепные переплеты. Те приказывали, чтобы епископы отнюдь не смели где-либо учреждать собрания, а он собирал их к себе изо всех епархий и позволял им вступать в царские чертоги, входить во внутренние покои дворца, вкушать вместе с собой пищу и участвовать в царской своей трапезе. Те своими приношениями чтили демонов, а он обличал это заблуждение и бесполезное вещество приношений постоянно раздавал людям, могущим употребить его с пользой. Те повелевали щедро украшать капища, а он разрушал их до основания, особенно же капища, пользовавшиеся

уважением беззаконных. Те подвергали рабов Божьих самым постыдным казням, а он преследовал исполнителей их и старался, чтобы они несли наказание, угодное Богу, причем никогда не переставал чтить память святых Божьих мучеников. Те богобоязненных мужей изгоняли из царских домов, а он именно им всегда особенно и доверял, признавая их более всех расположенными к себе и верными. Те были ниже денег и поработили свою душу страсти Тантала^[18], а он отверзал сокровищницы с царским великодушием и щедро раздавал из них богатые подарки. Те совершали бесчисленные убийства, чтобы расхищать и продавать имущество умерщвляемых, — напротив, во все царствование Константина меч висел на судьях без действия, потому что и простой народ, и люди правительственные находились под властью более отеческой, нежели под насильственным правлением. Посмотрев на это, всякий справедливо сказал бы, что тогда настала какая-то новая и преобразованная жизнь, тогда на месте мрака вдруг воссиял смертным дивный свет. И надобно признаться, что все это было делом самого Бога, Который в лице возлюбленного им василевса явил противника толпе безбожников.

ГЛАВА 2. Еще о благочестии Константина, свободно исповедовавшего знамение креста

В самом деле, когда нашлись люди, каких прежде никогда не видывали, и отваживались на такие дерзости против Церкви, о каких от века не бывало слышно, тогда поистине Сам Бог явил дивное некое дело и через Константина совершил то, чего ни принять слухом, ни передать оку невозможно. Какое дарованное смертным премудростью Божьей чудо могло быть поразительнее добродетели василевса? Он чествовал Христа Божьего со всей решительностью и перед всеми, не стыдясь спасительного наименования, он сделался предметом уважения за свое чествование и им обозначал себя, то ограждая свое лицо спасительным знамением, то украшаясь этим победоносным трофеем.

ГЛАВА 3. О его изображении, на котором наверху представлен был крест, а внизу — посрамленный дракон

Именно на картине, прибитой высоко при входе во дворец василевса, он изобразил, на показ всем, над главой собственного лика спасительное

знамя, а под ногами — стремящегося в бездну дракона, под видом которого разумел враждебного и неприязненного зверя, через тиранию безбожников преследовавшего Церковь Божью, ибо Писания в книгах божественных пророков называют этого зверя драконом и коварным змеем. Посему посредством вылитого из воска и расписанного изображения василевс хотел показать всем, что этот под ногами его и его потомков дракон поражен стрелой в самое чрево и низвергнут в морские бездны. Этим, конечно, указывал он на тайного врага рода человеческого, которого представлял низвергнутым в бездну погибели силой спасительного знамения, находившегося над своей главой. И все сие изображено было на картине цветными красками. Удивляюсь высокой мудрости василевса: он, как бы по божественному вдохновению, начертал именно то, что некогда возвестили об этом звере пророки, которые говорили, что Бог поднимет великий и страшный меч на дракона, змия убегающего, и погубит его в море. Начертав эти образы, василевс при помощи живописи представил верное подражание истине.

ГЛАВА 4. Еще о спорах, возбужденных в Египте Арием

Между тем как все это совершалось по желанию василевса, буря ненависти, сильно потрясавшая Церковь Божью в Александрии, также зло схизмы в Фивах и Египте немало возмущали его душу. В каждом городе епископы вступали в борьбу с епископами, народ восставал на народ, и все, подобно Симплигадам^[19], сталкивались друг с другом, так что ожесточенные в пылу исступления покушались на дела нечестивые, осмеливались оскорблять изображение василевса. Впрочем, это не столько возбуждало в нем гнев, сколько душевную скорбь: он сильно скорбел о безумии сумасшедших.

ГЛАВА 5. О разночтении касательно Пасхи

Появилась также и другая сильнейшая и еще прежде этих зол так долго свирепствовавшая болезнь, появилось разногласие касательно спасительного праздника Пасхи. Одни утверждали, что в этом должно следовать обычаю иудеев, другие, напротив, говорили, что надобно тщательнее наблюдать время и никак не следовать заблуждению людей, чуждых евангельской благодати. Итак, когда все народы много уже лет

касательно сего предмета находились в разногласии, божественные постановления приходили в замешательство, когда извращение времени в отношении к одному и тому же празднику возбуждало величайший раздор между празднующими, так как в одни и те же дни иные предавались посту и подвигам, а другие сменяли свои труды отдохновением, в этих обстоятельствах не было человека, который мог бы найти врачевание против такого зла, потому что борьба между разномыслящими казалась равносильной. Одному всемогущему Богу легко было исцелить это зло, и один из всех живущих на земле Константин явился перед Ним совершителем таких благ. Слышав обо всем сказанном и поняв, что посланное им в Александрию письмо осталось без исполнения, он тотчас размыслил сам с собой и решил, что по этому случаю должно идти новой войной против тайного врага, возмущавшего Церковь.

ГЛАВА 6. О том, как повелел Константин съехаться на Собор в Никею

Потом, как бы приготавливая против него фалангу Божью, василевс созывал Вселенский собор, почтительными грамотами отовсюду приглашал епископов. В самом деле, то не было простое повеление, благосклонность василевса обнаружилась и в сем случае, ибо одним епископам дано было право ехать за счет казны, другим доставлено много выючных животных. Назначен был и город, приличный для Собора, этот город, одноименный победе, был Никея, что в Вифинии. Как скоро повеление разошлось повсюду, все, будто выходя из какой ограды, с полной готовностью спешили на Собор, потому что влеклись туда надеждой на благоденствие, желанием мира и стремлением узреть необыкновенное чудо, столь великого государя. Когда же все съехались, то открылось, что это дело было делом Божьим. Тут собрались мужи, весьма отличные друг от друга не только душой, но и телом, и страной, и местом, и языком, и всех их принял один город, и в этом городе все они составляли как бы один, сплетенный из прекрасных цветов великий венок иереев.

ГЛАВА 7. О Вселенском соборе, на который собрались епископы из всех народов

Итак, первенствующие служители Божьи из всех Церквей, наполнявших Европу, Ливию и Азию, собрались в одно место. Один

молитвенный дом, как будто распространенный самим Богом, вмещал в себе сирийцев и киликийцев, финикийцев и аравийцев, жителей Палестины и египтян, фиванцев, ливийцев и прибывших из Месопотамии. Присутствовал на Соборе даже епископ персидский, не был отвергнут им и епископ скифский. Понт и Галатия, Памфилия и Каппадокия, Азия и Фригия представили также избранных. Встретились здесь даже фракийцы и македоняне, ахейцы, эфирцы и жители стран еще дальнейших. Вместе с прочими заседал на Соборе и знаменитейший епископ самой Испании. Не был на нем по причине своей старости только предстоятель царственного города^[20], а потому вместо него присутствовали исполнявшие его должность пресвитеры. Такой-то, связанный узами мира венком, представляющий в наше время образ лика апостольского, принесен единственным от века василевсом Константином Христу Спасителю, как богоприличный дар за победу над врагами и мятежниками.

ГЛАВА 8. О том, что они собрались из разных народов (подобно тому), как говорится в Деяниях Апостольских

И во времена Апостолов, как свидетельствует слово Божье, *собрались мужие благоговейнии от всего языка, иже под небесем (Деян. 2, 5). Между ними были Парфяне, и Мидяне, и Эламиты, и живущие в Месопотамии, во Иудее же и Каппадокии, в Понте и во Асии, во Фригии же и Памфилии, во Египте и странах Ливии, яже при Киренее; и приходящие Римляне, Иудеи же и пришельцы, Критяне и Аравитяне (Деян. 2, 9—11)*. Но если чего недоставало им, то именно того, что не все они были из служителей Божьих, между тем как в настоящем собрании находилось множество епископов, числом более двухсот пятидесяти^[21], а сопровождавших их пресвитеров, дьяконов, чтецов и многих других невозможно было и исчислить.

ГЛАВА 9. О добродетели и возрасте двухсот пятидесяти епископов

Из служителей Божьих одни знамениты были словом мудрости, другие украшались строгостью жизни и подвижничеством, а иные отличались смирностью нрава. Были между ними и такие, которых уважали за долголетие, были и другие, блиставшие юностью и бодростью душевной,

были также лица, еще недавно вступившие на поприще служения. Всем им по повелению василевса щедро выдавалось ежедневное содержание.

ГЛАВА 10. Собор во дворце василевса, где Константин, придя, заседал вместе с епископами

Когда в день, назначенный для разрешения недоумения спорящих, каждый явился на Собор со своим мнением, тогда все, приглашенные в это собрание, вступили во внутренние палаты царского дворца, которые своей обширностью, по-видимому, превосходили прочие и в которых по обеим сторонам расставлено было в порядке множество сидений, вступили и заняли приличные себе места. Заседая с должным благочинием, Собор сначала соблюдал безмолвие и ожидал прибытия василевса. Вот, наконец, вошел кто-то один, потом другой и третий из приближенных василевса, входили затем и другие, но не из обыкновенных гоплитов и дорифоров, а из верных его друзей. Когда же подан был знак, которым обыкновенно возвещалось прибытие василевса, и все встали, вошел и сам он и выступил на середину собрания. То был будто небесный ангел Божий, которого торжественные одежды блистали молниями света, которого порфира сияла огненными лучами и украшалась переливающимся блеском золота и драгоценных камней. Таково было украшение его тела. А душа его, очевидно, украшена была благоговением и страхом Божьим, это выражалось в поникшем его взоре, румянце на его лице и движениях его походки. Другие признаки были не менее отличительны, он превосходил окружающих себя и высотой роста, и красотой вида, и величественной стройностью тела, и крепостью непобедимой силы, и все это, в соединении с ласковостью его нрава и кротостью истинно царской его снисходительности, лучше всякого слова выказывало превосходство его разума. Дойдя до начала рядов, он сперва остановился на середине, когда же поставили перед ним небольшое, сделанное из золота кресло, — сел, но не прежде, как подали ему знак епископы. После василевса все сделали то же.

ГЛАВА 11. Безмолвие на Соборе после слов, произнесенных епископом Евсевием

Один из епископов, занимавших первое место с правой стороны,

встал, приветствовал василевса краткой речью и вознес за него благодарение Вседержителю Богу. Когда же он опять сел, то сперва наступило безмолвие, и взоры всех устремились на василевса, а потом, окинув присутствовавших светлым и веселым взглядом и собравшись с мыслями, василевс тихим и кротким голосом произнес следующую речь:

ГЛАВА 12. Речь Константина к Собору о мире

«Целью моего желания, други, было насладиться созерцанием вашего собрания. Достигнув этого, я благодарю Всецаря за то, что сверх других бесчисленных благ он даровал мне узреть и это лучшее из всех благо — разумею то благо, что вижу всех вас в общем собрании и что все вы имеете один общий образ мыслей. Итак, да не возмущает нашего благополучия никакой завистливый враг, и после того как силой Бога Спасителя богоборчество тиранов совершенно низложено, да не порицает Божественного закона коварный демон; ибо внутренний раздор Церкви для меня страшнее и тягостнее всякой войны и битвы, это печалит меня более, чем все внешнее. Посему когда волей и содействием Всеблагого я одержал победу над врагами, то считал первым долгом воздать благодарение Богу и радоваться с теми, которых он освободил через меня. Потом, против всякого чаяния, узнав о вашем несогласии, я не оставил и этого без внимания, но, желая содействием своим уврачевать зло, немедленно собрал всех вас. Радуюсь, видя ваше собрание, но думаю, что мои желания тогда только исполнятся, когда я увижу, что все вы оживлены единым духом и блюдете одно общее, миролюбивое согласие, которое, как посвященные Богу, должны вы возвещать и другим. Не медлите же, о други, служители Божьи и благие рабы общего нашего Владыки Спасителя, не медлите рассмотреть причины вашего раздора в самом их начале и разрешить все спорные вопросы мирными постановлениями. Через это вы и совершите угодное Богу, и доставите величайшую радость мне, вашему со-служителю».

ГЛАВА 13. О том, как разномыслящих епископов склонил он к единомыслию

Сказав это на языке римлян, (василевс) при помощи переводчика передал свою речь председательствовавшим на Соборе. Тогда одни начали

обвинять своих ближних, другие защищались и порицали друг друга. Между тем как с той и другой стороны сделано было множество возражений и на первый раз возник великий спор, василевс выслушивал всех незлобиво, со вниманием принимал предложения и, разбирая в частностях сказанное той и другой стороной, мало-помалу примирил упорно состязавшихся. Кротко беседуя с каждым на эллинском языке, который равным образом знал, он был как-то сладкоречив и приятен. Одних убеждая, других усовещивая словом, иных, говоривших хорошо, хваля и каждого склоняя к единомыслию, он наконец сообразовал понятия и мнения всех, касательно спорных предметов.

ГЛАВА 14. Единогласное определение Собора касательно Веры и (празднования) Пасхи

Для согласного исповедания Веры, спасительное празднование Пасхи надлежало совершать всем в одно и то же время. Поэтому сделано было общее постановление и утверждено подписью каждого из присутствовавших. Окончив эти дела, василевс сказал, что он одержал теперь вторую победу над врагом Церкви и потому совершил победное посвященное празднество Богу.

ГЛАВА 15. О том, как Константин, по случаю своего двадцатилетия, разделял с епископами трапезу

В то самое время исполнился двадцатый год его царствования. И между тем как по этому случаю все народы совершали общественные празднества, василевс сам учредил пир и праздновал на нем вместе с примиренными уже служителями Божьими, как бы принося через них подобающую жертву Богу. Участия в сем царском пире не лишен был никто из епископов, и это событие выше всякого описания. Дорифоры и гоплиты с обнаженными мечами стояли вокруг царского дворца и охраняли его входы. Служители Божьи безбоязненно проходили между ними и достигали внутренних покоев василевса. Потом одни из них возлегли вместе с василевсом, а другие разместились на скамьях по обеим сторонам палаты. Казалось, что это был образ царства Христова и случившееся походило на сон, а не на действительность.

ГЛАВА 16. Дары епископам и грамоты всем

После торжественного угощения василевс к своей приветливости присоединил еще и то, что каждого епископа, по степени его достоинства, почтил дарами, а к не присутствовавшим на Соборе, в память этого события, отправил собственноручную грамоту, которую я помещу в этом повествовании о нем, как будто бы на таблице. Она следующего содержания:

ГЛАВА 17. Послание Августа Константина к церквам о Никейском соборе

Благочестивый Константин Церквам.

«Зная по благополучному ходу общественных дел, сколь много значит благодать божественной силы, я счел первой для себя обязанностью заботиться о том, чтобы между всеми блаженнейшими общинами вселенской Церкви соблюдалась единая Вера, искренняя любовь и согласное почтение Вседержителя Бога. Но так как это не могло прийти в неизменный и твердый порядок, пока не сошлись бы в одно место все или, по крайней мере, весьма многие епископы и не рассмотрели бы каждого предмета, относящегося к божественной Вере, то я собрал насколько возможно более епископов и, как один из всех вас (ибо признаюсь, что чувствую великое удовольствие быть вашим сослужителем), присутствуя на Соборе сам, дотоле подвергал все надлежащему исследованию, пока угодная Блюстителю всех Богу мысль не была озарена светом как основание единения, так что не оставалось более места разномыслию или спору о Вере».

ГЛАВА 18. Его же (послание) о согласии касательно празднования Пасхи и против иудеев

«На том же Соборе было исследование касательно святейшего дня Пасхи, и общим мнением признано за благо: всем и везде праздновать ее в один и тот же день, ибо что может быть прекраснее и благолепнее, когда праздник, дарующий нам надежду бессмертия, неизменно совершается всеми по одному чину и известным образом? Прежде всего показалось

неприличным праздновать тот святейший праздник по обыкновению иудеев, которые, осквернив свои руки незаконным поступком, как нечистые, справедливо наказаны душевной слепотой. Отвергнув их обыкновение, гораздо лучше будет тем же истинным порядком, который мы соблюдали с самого первого дня страстей до настоящего времени, образ этого празднования продолжить и на будущие века. Пусть не будет у нас ничего общего с враждебной толпой иудейской, потому что нам указан Спасителем другой путь, перед нами лежит поприще, сообразное и соответствующее священнейшей нашей Вере. Вступая на него единомысленно, возлюбленные братья, отделимся от того постыдного общества, ибо поистине странно бахвальство иудеев, будто независимо от их постановления мы не можем соблюдать этого. Да и о чем правильно могут мыслить те, которые, совершив богоубийство и отцеубийство, сошли с ума и влекутся уже не здравым смыслом, а необузданным стремлением, куда бы ни направляло их враждебное бешенство. Вот почему и в этом не видят они истины, но, находясь в заблуждении и стоя весьма далеко от надлежащего исправления, в одном и том же году празднуют Пасху в другой раз. Для чего следовать им, когда известно, что они страдают столь страшным недугом заблуждения? Мы, конечно, не потерпим, чтобы наша Пасха праздновалась в одном и том же году в другой раз. А если сказанного недостаточно, то ваше благоразумие само должно всячески заботиться и желать, чтобы чистые ваши души ни в чем не сообщались с обычаями людей самых негодных. Сверх сего надобно заметить, что в таком деле и касательно такого праздника Веры поддерживать разногласие незаконно, ибо Спаситель наш дал нам один день для празднования нашего освобождения, то есть день страстей, и благоволил чтобы одной и той же была вселенская его Церковь, члены которой, сколь ни рассеяны по многим и различным местам, согревались, однако же, единым духом, то есть единой Божьей волей. Итак, да размыслит благоразумие вашего преподобия, как худо и неприлично то, что в известное время одни соблюдают пост, а другие совершают пиры и что после дней Пасхи одни проводят время в празднованиях и покое, а другие держат положенные посты. Посему божественный Промысел благоволил, чтобы это надлежащим образом было исправлено и приведено к одному порядку, на что, думаю, все согласятся.

**ГЛАВА 19. Увещевание следовать в этом лучше большей части
Ойкумены**

Когда же все это надлежало исправить так, чтобы у нас не оставалось ничего общего с богоубийцами и отцеубийцами, и когда порядок, которому в этом отношении следуют все Церкви западных, южных, северных и некоторых восточных епархий Империи, действительно благоприличен и потому в настоящее время всеми признан единым, то ручаюсь, что он понравится и вашему благоразумию; ваша рассудительность, конечно, с удовольствием примет то, что единомысленно и согласно соблюдается в Риме и Африке, во всей Италии, Египте, Испании, Галлии, Британии, Ливии, в целой Элладе, в епархии азийской, понтийской и киликийской, она сочтет, что в поименованных местах не только большее число Церквей, но и что все они желают этого порядка как самого лучшего. Да, кажется, и здравый смысл требует, чтобы мы не имели никакого общения с клятвопреступными иудеями. Коротко говоря: по общему суду всех, постановлено святейший праздник Пасхи совершать в один и тот же день. Не годится быть различию в отношении к столь священному предмету, гораздо лучше следовать положенному мнению.

ГЛАВА 20. Увещание повиноваться постановлениям Собора

Если же это так, то с радостью примите Божью благодать и по истине божественную заповедь, ибо все, что ни делается на святых Соборах епископов, должно быть отнесено к воле Божьей. Посему, объявив постановления Собора всем возлюбленным нашим братьям, вы должны принять и утвердить как то, о чем говорено было прежде, так и время празднования святейшего дня, чтобы, когда исполнится давнее мое желание — лично видеть вашу любовь, я мог вместе с вами в один и тот же день отпраздновать святой праздник и вместе с вами обо всем радоваться, видя, что жестокость дьявола при помощи божественной силы укрощена нашими делами и что повсюду процветают наша вера, мир и согласие. Да сохранит вас Бог, любезные братья!» Одинаковое с этим послание василевс отправил в каждую епархию, чтобы в нем, как в зеркале, показать читателям чистоту своих мыслей и благочестие перед Богом.

ГЛАВА 21. Совет возвращавшимся епископам касательно единомыслия

Когда же Собор должен был разъехаться, василевс собрал всех епископов вместе и произнес перед ними увещательную речь. В этой

речи он внушал присутствующим заботиться о сохранении мира друг с другом, избегать упрямства в спорах и не завидовать тому епископу, который мудростью в слове снискал себе славу, но достоинства одного почитать благом общим. «Лучшие, — говорил он, — не должны гордиться перед посредственными, ибо одному Богу известно, кто, в самом деле, лучше, а к слабым должны снисходить в тоне прощения, потому что истинно совершенное везде редко. Неважные ошибки надобно извинять друг другу и иметь снисхождение к человеческой немощи, высоко ценить взаимное согласие, чтобы личной враждой не подать повода к порицанию божественного закона тем, которые готовы порицать его, тогда как, видя у нас все достойное подражания, они легко могли бы сохраниться от этого; не смущаться тем, что не все получают пользу от наставлений, ибо одни слушают их для испрошения милостыни, другие бегут на проповедь для соискания покровительства, иные приветствуют проповедников как людей, ласково принимающих, а некоторые любят их за то, что они дают подарки. Действительных же любителей слова немного, редки также любители истины. Посему надобно приноравливаться ко всем и, подобно врачу, подавать каждому потребное для его спасения, так чтобы спасительное учение славилось у всех и по всему». Такие-то увещания прежде всего дал он епископам и потом просил их прилежно молиться за него Богу. Устроив это, он позволил каждому из них возвратиться в место своего жительства. Епископы разъехались весело, и все воодушевлялись единомыслием, которое внушил им василевс, все удаленные друг от друга на великое расстояние соединялись в нем, как в общем теле.

ГЛАВА 22. О том, как василевс одних убеждал (словесно), а другим писал, также о раздаче денег

В изъявлении своей радости о благополучном окончании дела василевс не присутствовавших на Соборе одарил богатыми плодами своих посланий, а всем народам в городах и по селениям повелел произвести большую денежную раздачу и этим почтил праздник двадцатилетнего своего царствования. <...>

ГЛАВА 25. О том, как повелел он построить молитвенный храм в Иерусалиме на священном месте Воскресения нашего Спасителя

Устраивая таким образом все разумно, боголюбивый василевс приступил к созданию величайшего памятника в Палестине. Какого же именно? Ему угодно было священнейшее место спасительного Воскресения в Иерусалиме сделать славным предметом всеобщего благоговения. Посему он повелел немедленно выстроить там молитвенный дом и задумал это не без внушения свыше, но будучи подвигнут духом самого Спасителя.

ГЛАВА 26. О том, что божественную гробницу нечестивые закрыли насыпями и застроили кумирнями

Некогда нечестивые люди, или, лучше сказать, через них все демонские силы, приложили старание скрыть во мраке и предать забвению тот божественный памятник бессмертия, где снисшедший с неба светозарный Ангел отвалил камень от душ окаменевших и мнивших найти живого Христа между мертвыми, где он изрек благовестие женам и, сбросив камень неверия с их помыслов, вывел их из заблуждения касательно понятия о жизни Того, которого они искали. Сию спасительную пещеру некоторые безбожники и нечестивцы умыслили скрыть от взора людей с безумным намерением скрыть через это истину. Употребив много трудов, они навезли откуда-то земли и завалили ею все то место. Потом, подняв насыпь до некоторой высоты, замостили ее камнем и под этой высокой насыпью сокрыли священную пещеру. Окончив такую работу, им оставалось только на поверхности земли приготовить странную поистине гробницу душ, и они построили мрачное жилище для мертвых идолов, тайник сладострастному демону любви, где на нечистых и мерзких жертвенниках приносили ненавистные жертвы. Так, а не иначе думали они привести свою мысль в исполнение, если бы ту священную пещеру успели скрыть под отвратительными нечистотами. Несчастные, они не в состоянии были понять, что Одержавшему победу над смертью не естественно оставить великий свой подвиг в тайне. Если невозможно, чтобы и солнце, сияя над землей и протекая обычный свой путь по небу, укрылось от человеческой природы, то спасительная сила превосходнее солнца: озаряя души людей, а не тела, она светозарными своими лучами наполняет весь мир. Долговременны, правда, были умыслы безбожников и людей нечестивых против истины, ни из правителей, ни из военачальников, ни из самих василевсов не нашлось никого, способного к истреблению дерзости, кроме одного, возлюбленного Всецарем — Богом. Водимый духом Божиим,

он не оставил без внимания того места, по умыслу врагов забросанного всякими нечистыми веществами и преданного совершенному забвению, не уступил злобе виновников сего зла, но, призвав на помощь Бога, повелел очистить упомянутое место, думая, что, будучи осквернено врагами, оно должно быть украшено им тем с большим великолепием. По силе этого повеления убежище обмана тотчас разрушено сверху донизу, жилище заблуждения со всеми статуями и демонами ниспровергнуто и раскопано.

ГЛАВА 27. О том, как Константин приказал раскидать материалы капища и срыть насыпи

Ревность василевса не ограничилась этим, материал раскопанного идольского капища, состоявший из камней и деревьев, он приказал взять и бросить далеко от того места, что тотчас же и было исполнено. Но этого еще мало: вдохновенный свыше василевс повелел до значительной глубины раскопать саму почву на том месте и землю, оскверненную идольскими возлияниями, вывезти как можно далее оттуда.

ГЛАВА 28. Открытие святейшей гробницы

Немедленно было исполнено и это. Когда же снимали слой за слоем, вдруг во глубине земли, сверх всякого чаяния, показалось пустое пространство, а потом Честное и Всесвятое Знамение спасительного Воскресения. Тогда священнейшая пещера сделалась для нас образом возвратившегося к жизни Спасителя, сокровенная во мраке, она, наконец, снова вышла на свет и приходящим видеть ее представляла поразительную историю совершившихся в ней чудес, делами, громче всякого голоса, свидетельствуя о Воскресении Спасителя.

ГЛАВА 29. О том, как василевс писал архонтам и епископу Макарию о построении храма

По совершении этого василевс немедленно сделал благочестивые распоряжения и, дав обильное пожертвование, повелел около спасительной пещеры строить с царским великолепием и богатством приличный Богу молитвенный дом. Предположив это задолго и с величайшей

проницательностью сообразив будущее, он приказал архонтам восточных епархий содействовать в роскошной, великолепной и богатой отделке храма щедрыми и обильными приношениями, а к епископу, управлявшему тогда иерусалимской Церковью, отправил послание, в котором ясно излагал спасительное учение Веры и писал так:

ГЛАВА 30. Послание Константина к Макарию о построении храма Спасителю

Победитель Константин, Великий Август, Макарию.

«Благость Спасителя Нашего столь велика, что, кажется, никакое слово недостаточно для достойного описания настоящего чуда. Знак святейших страстей, скрывавшийся так долго под землей и остававшийся в неизвестности в продолжении целых веков, наконец, через низложение общего врага, воссиял для освободившихся от него рабов Господних и, поистине, служит предметом выше всякого удивления. Если бы теперь со всего света собрались в одно место все так называемые мудрецы и захотели сказать что-либо достойное события, то не могли бы и кратко описать его. Это чудо во столько выше всего в Ойкумене, вмещаемого в себя человеческим разумом, во сколько небесное превосходнее человеческого. Посему первая и единственная цель моя всегда та, чтобы вера в истину ежедневно подтверждалась новыми чудесами и чтобы таким образом наши души со всяким смиренномудрием и единомыслием ревновали о сохранении святого закона. Я хочу убедить тебя особенно в деле, очевидном для всякого, что, то есть, у меня более всего заботы, как бы святое место, по воле Божьей очищенное от постыдных принадлежностей капища, будто от какой тяжести, то место, которое, по суду Всевышнего, было с самого начала святым, а когда вера в спасительные страдания озарилась через него новым светом, сделалось еще священнее, — как бы это место украсить прекрасными зданиями.

ГЛАВА 31. О том, что этот храм должен быть построен лучше всех других церквей Ойкумены по великолепию стен, колонн и мрамора

Поэтому твоя прозорливость должна так распорядиться и обо всем необходимом иметь такое попечение, чтобы не только сам храм был великолепнее всех храмов, где-либо существующих, но и другие при нем

здания были бы гораздо превосходнее самых прекрасных по городам строений. Что касается до возведения и изящной отделки стен, то знай, что заботу об этом мы возложили на епарха тех епархий, друга нашего Дракилиана, и на архонта вашей епархии. По требованию моего благочестия приказано, чтобы их попечением немедленно доставлены были тебе и художники, и ремесленники, и все, по усмотрению твоей прозорливости, необходимое для постройки. Что же касается до колонн и мраморов, то какие признаешь ты драгоценнейшими и полезнейшими, — рассмотри обстоятельно и, нимало не медля, пиши ко мне, чтобы из твоего письма я видел, сколько каких требуется материалов, и отовсюду доставил их.

ГЛАВА 32. О том, чтобы, касательно достоинства свода, выбора художников и материала, Макарий советовался с архонтами

Сверх того хочу знать, какой нравится тебе свод храма, мозаичный или отделанный иначе. Если мозаичный, то прочее в нем можно будет украсить золотом. Твое преподобие в самом скором времени имеет известить вышеупомянутых советников, сколько потребуется ремесленников, художников и издержек. Постарайся также немедленно донести мне не только о мраморах и колоннах, но и о мозаике, которую признаешь лучшей. Да сохранит тебя Бог, возлюбленный брат!»

ГЛАВА 33. О том, что построенный храм Спасителя походил на предвозвещенный пророками новый Иерусалим

Так писал василевс, и его слова тотчас осуществлены делами: на месте спасительного страдания воздвигнут новый Иерусалим, в противоположность так называемому древнему, который после незаконного Господоубийства для наказания нечестивых его жителей подвержен крайнему опустошению. В противоположность этому Иерусалиму, василевс за счет богатых и многочисленных взносов построил храм в ознаменование победы Спасителя над смертью, может быть, тот самый храм, который пророческое слово называет новым и юным Иерусалимом и во славу которого, по внушению Духа Божьего, так много говорится в Писании. Впрочем, наперед, как главу всего, василевс укреплял священную пещеру, божественную гробницу, у которой светоносный Ангел

и некогда возвестил всем о возрождении, дарованном через Спасителя.

ГЛАВА 34. Описание устройства святейшей гробницы

Эту пещеру, как главу всего, христоролюбивейшая щедрость василевса наперед одела отличными колоннами и многочисленными украшениями.

ГЛАВА 35. Описание двора и портиков

Из пещеры есть выход на обширную площадь под открытым небом. Эта площадь выстлана блестящим камнем и с трех сторон обведена длинными непрерывными портиками.

ГЛАВА 36. Описание стен, кровли, украшений и позолоты церковного здания

Рядом с пещерой, на восточной стороне ее, стоит базилика — здание чрезвычайное, высоты неизмеримой, широты и длины необыкновенной. Внутренняя сторона его одета разноцветным мрамором, а наружный вид стен, блистающий полированными и один с другим сплоченными камнями, представляется делом чрезвычайно красивым и нисколько не уступает мрамору. Что же касается до крыши, то внешняя сторона ее над куполом для защиты от зимних дождей покрыта свинцом, а внутренняя, украшенная глубокой резьбой, распростираясь, подобно великому морю, над всей базиликой взаимно связанными дугами и везде блистая золотом, озаряет весь храм будто лучами света.

ГЛАВА 37. Описание двойных портиков по обеим сторонам храма и трех ворот с восточной стороны

По обеим сторонам храма во всю его длину тянутся две линии двойных — верхнего и нижнего — портиков, вверху они испещрены также золотом. Портики на лицевой стороне базилики поддерживаются величественными колоннами, а внутренние, напротив них, лежат на отводах, покрытых снаружи многочисленными украшениями. Трое ворот,

обращенных к солнечному восходу, весьма хорошо устроены для принятия множества поклоняющихся тому, что внутри храма.

ГЛАВА 38. Описание полукружия, двенадцати колонн и урн

Напротив этих ворот стоит главный предмет всего полукруга (алтарь), восходящий до самой высоты базилики. Он, по числу двенадцати Апостолов Спасителя, увенчан двенадцатью колоннами, которых вершины украшены огромными, вылитыми из серебра вазами — прекрасным приношением Богу от самого василевса.

ГЛАВА 39. Описание внутреннего двора, папертей и входов

Отсюда, идя ко входам, находящимся перед храмом, вступаешь на паперть. Здесь видишь первый двор и по обеим сторонам портики, а после всего — ворота, за воротами же, в самой середине торговой площади, превосходно устроено место перед вратами, которое мимоходящим открывает поразительный внутренний вид храма.

ГЛАВА 40. О множестве приношений

Построив храм как живое свидетельство спасительного Воскресения, василевс снабдил его богатой царской утварью и все украсил невыразимо изящными сокровищами многочисленных приношений, как то: золотом, серебром, драгоценными камнями и различными материалами. Для описания каждого из предметов этой художественно отделанной утвари в отношении к их величине, множеству и разнообразию не достало бы у нас времени.

ГЛАВА 41.0 постройке церквей в Вифлееме и на горе Елеонской

Окончив дело здесь, василевс весьма благолепно украсил и другие места, отмеченные двумя таинственными пещерами. Одному воздал он подобающую честь как месту первого Богоявления Спасителя и рождения Его во плоти; другое почтил как стоящий на вершине горы памятник

вознесения Его на небо. Щедро украшая сии места, он увековечивал этим и память своей матери, которая оказала столько благодеяний человеческому роду.

ГЛАВА 42. О том, что эти церкви построила мать Константина, василиса Елена, когда она приходила туда для поклонения

Ибо признав своим делом воздать Всецарю Богу долг благочестивого своего расположения, также вознамерившись молитвами возблагодарить Его за своего сына, такого василевса, и за свое потомство — боголюбивых кесарей, детей его, эта старица необыкновенного ума с быстротой юноши поспешила на восток и с царской заботливостью обозревала дивную землю, восточные епархии, города и селения с той целью, чтобы совершить должное поклонение стопам Спасителя, по слову пророка: *поклонимся на место, идеже стоят нозе Его (Пс. 131, 7)*, — и плод собственного благочестия оставила грядущему потомству.

ГЛАВА 43. Еще раз о церкви вифлеемской

В то же время воздвигла она поклоняемому Богу два храма: один при пещере рождения, другой на горе вознесения, ибо Эммануил (с нами Бог) благоволил родиться для нас под землей, и местом плотского его рождения евреи признают именно Вифлеем. Посему благочестивейшая василиса всячески украсила эту священную пещеру и почтила дивными памятниками бремя Богородицы. А спустя немного ту же самую пещеру почтил своими приношениями и василевс, к щедротам своей матери присоединив золотые и серебряные дары и различные завесы. Кроме того, мать василевса в память вознесения Спасителя всех на небо воздвигла высокие здания на горе Елеонской: самую вершину этой горы увенчала она священным домом церкви и храмом. Там, в той самой пещере, по свидетельству предания, Спаситель всех посвящал своих учеников в неизглаголаные тайны. Василевс и на том месте почтил Великого Царя различными дарами и украшениями. Эти-то достойные вечной памяти святые и прекраснейшие храмы, как знаки благочестивого расположения, воздвигнуты Богу Спасителю над двумя таинственными пещерами боголюбивой матерью боголюбивого василевса, августейшей Еленой, по царственному соизволению ее сына. Немного спустя старица пожалала и

достойные плоды своего благочестия, ибо, все время своей жизни до глубокой старости проводя во всяком благополучии, делами и словами принося обильные плоды спасительных заповедей, эту благоустроенную, беспечальную свою жизнь она и после вела в совершенном здравии души и тела, а потому, еще здесь получая от Бога награду за добрые дела, удостоилась благочестивой кончины.

ГЛАВА 44. О великодушии и благотворительности Елены

Путешествуя по всему востоку с царственным великолепием, она осыпала бесчисленными благодеяниями, как вообще народонаселение городов, так, в частности, каждого приходившего к ней; ее десница щедро награждала войска, весьма много помогала бедным и беспомощным. Одним она оказывала денежное пособие, других в изобилии снабжала одеждой для прикрытия наготы, иных освобождала от оков, избавляла от тяжелой работы в рудокопнях, выкупала у заимодавцев, а некоторых возвращала из заточения.

ГЛАВА 45. О том, с каким благоговением Елена являлась в церквях

Но прославляясь такими делами, Елена не забывала и служить Богу. Всегда видели, как она ходила в Божью церковь и украшала молитвенные дома блистательными драгоценностями, не оставляя без внимания храмов и в городах самых малых. Видели, как эта дивная жена, в скромной, но благоприличной одежде, смешивалась с толпой народа и свое благоговение перед Богом выражала всякими богоугодными делами.

ГЛАВА 46. О том, как она, прожив восемьдесят лет и распорядившись, скончалась

Совершив уже довольно долгий путь земной жизни, Василиса призвана была к лучшему наследию почти на восьмидесятом году своей жизни. Перед своей кончиной она сделала духовное завещание, распорядилась и объявила последнюю свою волю в пользу единственного сына, василевса, автократора монарха, и своих внуков, детей его, кесарей. Тогда же между своими внуками разделила она и собственное имение,

которое было у нее по всей Ойкумене. Распорядившись таким образом, она окончила свою жизнь в присутствии, в глазах и в объятиях столь великого, служившего ей сына. Людям благомыслящим казалось, что эта преблаженная жена не в самом деле умерла, а только изменилась и переложилась от жизни земной к жизни небесной, что ее душа, принятая Спасителем, преобразилась в существо нетленное и ангельское.

ГЛАВА 47. О том, как Константин похоронил свою мать и сколь много он уважал ее еще при жизни

И тело блаженной удостоено было также необыкновенных почестей. В сопровождении многочисленных дорифоров оно было перенесено в царственный город^[22] и там положено в царской усыпальнице. Так скончалась мать василевса, достойная незабвенной памяти и за боголюбивые свои дела, и за произращенную от нее преемственную и дивную отрасль (то есть за Константина), которого надобно ублажать как по другим причинам, так и ради уважения его к родительнице; ибо из неблагочестивой василевс сотворил ее столь благочестивой, что в правилах благочестия она казалась наставленной Самим общим всех Спасителем, и облек ее такими царскими почестями, что у всех народов и во всем войске она называлась августой и василисой и ее лик изображался на золотых медалях. Сверх того, Константин дал ей право употреблять по собственному ее желанию царскую казну и распоряжаться всем, как она захочет и как покажется ей наилучшим, так что и в этом отношении сын сделал участь ее превосходной и завидной. Посему, рассматривая качества, увековечивающие память Константина, мы по справедливости должны обратить внимание и на то, что, почитая свою мать от избытка благочестия, он исполнял божественные законы, предписывающие иметь должное уважение к родителям. Такие прекрасные дела и таким образом василевс совершил не в одной Палестине, он и во всех епархиях сооружал новые церкви, давая им вид гораздо превосходнее того, в котором они находились прежде.

ГЛАВА 48. О том, как он строил в Константинополе храмы в память мучеников и истреблял всякое идолопоклонничество

Так, желая отличить одноименный себе город, он украсил его весьма

многими молельнями, великолепными храмами мученикам и величественными зданиями, которые построил частью в предместьях, частью в черте города, и этим почтив память мучеников, вместе с тем посвятил Богу их и самый свой город. Воодушевляясь небесной мудростью, Константин признал справедливым — город, украшенный его именем, очистить от всякого идолопоклонства, чтобы в нем нигде не поражали зрения не только мнимые изображения богов, которые чтились в капищах, но и самые жертвенники, обгаренные кровью животных, чтобы в нем не видно было ни жертвенных всежжений, ни демонских праздников, ни каких-либо иных языческих обычаев.

ГЛАВА 49. Знак креста во дворце и изображение Даниила при источниках

При источниках, среди торговой площади, ты видишь знакомый читателям Божественных Писаний символ доброго пастыря, видишь также изваянного из меди вместе со львами и блистающего золотыми покровами Даниила. Любовь к божественному столь могущественно обладала душой василевса, что в превосходнейшей из всех храмин царских чертогов, в вызолоченном углублении потолка, на самой середине его, он приказал утвердить великолепную картину с изображением символа спасительных страданий, которое составлено было из различных драгоценных камней, богато оправленных в золото. Этот символ боголюбивому василевсу казался хранителем его царства.

ГЛАВА 50. О том, что он построил церкви в Никомидии и в других городах

Таковыми изображениями Константан украсил свой город. И митрополию Вифинии почтил он также священным даром — крупнейшей и великолепнейшей церковью и там за счет царской казны соорудил он Спасителю победный трофей над врагами и богоборцами, да и прочие епархии, особенно главные города, возвеличил благолепием молитвенных зданий, например, митрополию Востока — город, носящий имя Антиоха^[23]. В нем, как в столице тамошних народов, освятил он церковь, единственную в своем роде и по обширности, и по красоте. С внешней стороны он обнес храм широкой оградой, а с внутренней поднял его до

чрезвычайной высоты. Эта церковь имеет вид восьмиугольника, окруженного многими зданиями, портиками, верхними и нижними хорами. Василевс с изобилием украсил ее золотом, медью и иными драгоценными веществами. <...>

ГЛАВА 54. Повсеместное разрушение капищ и идолов

Все это совершал василевс, конечно, во славу Спасительной Силы и этими способами продолжал Спасителю Богу воздавать почтение, а нечестивые заблуждения язычников всячески обличать. Посему, вследствие повеления василевса, притворы городских капищ, благодаря съему дверей, справедливо обнажались, потолочные своды после слома кровли над ними портились, медные изваяния, которые долгое время чествовало заблуждение древних, были вынесены и расставлены на показ по всем площадям Царьграда; так что зрители встречали, как позорное зрелище, в одном месте — Пифия, в другом — Сминтия, в самом цирке — дельфийский треножник, а во дворце — геликонских муз. Вообще, весь одноименный василевсу город наполнен был искуснейшими медными изваяниями, которые почитались священными у всех народов. Одержимые недугом заблуждения люди поздно уразумели, что в продолжение целых веков они тщетно приносили многочисленные жертвы и всесождения своим идолам под именем богов, уразумели тогда уже, когда эти самые изображения василевс обратил в игрушки для забавы и смеха зрителей. Но с изображениями золотыми василевс поступил иначе. Узнав, что многие, подобно неразумным детям, малодушно боятся этих вылитых из золота и серебра страшилищ заблуждения, он признал нужным уничтожить их как камни преткновения, брошенные под ноги людей, ходящих во тьме, и через то царский путь сделать для всех легким и гладким. Придя к сей мысли, Константин рассудил, что для осуществления ее не нужно ни гоплитов, ни многочисленного войска: ему довольно было одного или двух преданных лиц, которые, повинувшись единому его мановению, отправились ко всем народам. Воодушевленные благочестием василевса и своим собственным благоговением к святому делу, они являлись среди многочисленных народных общин и по всем городам и епархиям истребляли застарелое заблуждение. Повелевая самим жрецам при громком смехе и сраме выносить мнимых богов из темных ущелий на свет, они разоблачали эти призраки и открывали всем безобразие, скрывавшееся под расписанными их образами; потом, отделяя вещества, по-видимому, годные и испытывая

их плавкой и огнем, все полезное и нужное складывали для сбережения в безопасное место, а оставшееся затем бесполезное в память стыда возвращали нечестивым. При этом дивный василевс совершил и другое нечто. Когда мертвые идола из драгоценного вещества были таким образом разложены, он приступил и к идолам, вылитым из меди; и эти также узники, боги старых сказок, увозились, опутанные волосьяными веревками.

ГЛАВА 55. Разрушение капища и уничтожение разврата в Афаке финикийской

После сего василевс как будто бы зажег некий светлогорящий факел и царственным своим оком смотрел, не скрываются ли где-либо остатки заблуждения. Как яснозоркий поднебесный орел с высоты видит отдаленнейшие земные предметы, так и он, обитая в царском жилище прекрасного своего города, издали увидел некую гибельную сеть для уловления душ, скрывавшуюся в стране финикийской. Это были роща и капище — не в середине города, не на площадях и улицах, где устраивалось их множество для украшения городов: то и другое находилось в месте пустынном, вдали от распутий и больших дорог, на одной из высот Ливана, в Афаке, и посвящено было бесстыдной богине Афродите. Там существовало училище злодейства для всех распутных, с великой охотой растлевавших свое тело, там некоторые женоподобные люди, мужчины — не мужчины, отрекшись от почетного своего пола, умиловивляли демона женской статью, а женщины в том храме, как в незаконном и отступническом месте, имели противоестественные сношения, тайно соединялись браком и совершали дела невыразимо постыдные и отвратительные. Над совершавшимися там поступками наблюдателей не было, потому что ни один честный человек не решался войти туда: однако же от великого василевса они укрыться не могли. Узнав о них силой собственной царской прозорливости, он счел самое то капище недостойным солнечного света и повелел истребить его до основания со всеми находившимися в нем вещами. Итак, по мановению василевса тотчас разрушены были все вымыслы распутства и заблуждения, воинский отряд занялся очищением того места и люди, дотоле развратные, грозной волей василевса научены воздержанию, так что даже слывшие мудрецами между поклонниками идолов, — и те опытно уразумели суетность своей жизни.

ГЛАВА 56. Разрушение храма Асклепия в Эгине

Велико было заблуждение мнимых мудрецов касательно киликийского идола. Бесчисленное множество народа прибегало к нему как к спасителю и врачу, который будто бы то являлся спавшим в его храме, то исцелял страдавших телесными болезнями: на самом же деле он был губителем душ, отвлекавшим склонным к обольщению людей от истинного Спасителя и приводившим их к безбожному заблуждению. Посему, действуя по принятому правилу и почитая истинным Спасителем Бога ревнителя, василевс повелел разрушить до основания и это капище. Таким образом, чудо, прославленное знаменитыми философами, по одному его мановению было выкопано вооруженной рукой и раскидано по земле, а вместе с тем уничтожен и таившийся там не дух, да и не бог, но какой-то обман душ, обольщавший людей с незапамятного времени. Так вот, обещавший освободить других от зол и бедствий и для защиты самого себя не нашел другого средства, кроме того, что, по словам мифа, поражен был молнией. Между тем угодные Богу деяния нашего василевса не миф: этот храм разрушен до основания, очевидно, силой самого Спасителя, разрушен так, что на том месте не осталось и следа прежнего безумия.

ГЛАВА 57. О том, как эллины, отвергнув идолов, обратились к богопознанию

Таким образом, все прежние суеверные люди, увидев собственными очами обличение своего заблуждения и на самом деле узрев пустоту бывших повсюду храмов и идолов, либо обращались к спасительному учению, либо, и не делая этого, стали презирать суетность своих предков, смеяться и насмехаться над древними богами, которых они признавали раньше. Да и как было им думать иначе, видя величайшую мерзость, скрывавшуюся под внешним образом идолов? Ибо внутри них находились то кости мертвых тел и сухие, худо прикрытые лукавством обманщиков черепа, то грязные, наполненные отвратительной нечистотой рублища, то кучи сена и соломы. Видя все это собранное внутри бездушных идолов, они стали порицать и себя, и своих отцов за величайшую безрассудность, особенно когда уверились, что в таинственных святилищах их и в самых кумирах нет ни духа, ни прорицателя, ни бога, ни пророка, как прежде полагали, даже нет темного и мрачного призрака. Посему-то посланным от

василевса открыт был свободный вход во всякую мрачную пещеру и во всякое тайное убежище, места неприкосновенные и недоступные, самые внутренние части храмов исхожены воинами. Благодаря этому сделалась ясной и перед всеми обличена многовековая обладавшая эллинами слепота разума.

ГЛАВА 58. О том, как, разрушив в городе Гелиополе храм Афродиты, Константин первым соорудил там церковь

И это по справедливости можно отнести к доблестным действиям василевса, равно как и частные определения его в каждой епархии, например, в финикийском Гелиополе. Здесь жители, воздавая почет необузданной похоти под именем богини Афродиты, позволяли женам и дочерям предаваться постыдному любодеянию, но от василевса вышел новый и мудрый закон, строго запрещающий все прежние обычаи. К этому василевс присовокупил также письменное наставление, как бы для того особенно и послан был он от Бога, чтобы научать людей правилам воздержания. Не гнушаясь беседы и с этими подданными, он написал к ним послание, в котором убеждал их скорее признать всеблагого Бога. К словам же своим и теперь опять прибавил соответствующие им дела, то есть заложил <в Гелиополе> молитвенный дом Церкви и великолепный храм, так что чего от начала века слухом не слыхивали, то теперь совершилось на самом деле: город суеверных людей удостоился иметь Божью церковь, пресвитеров и дьяконов, и посвященный Богу всяческих епископ предстает над здешними христианами. Притом, заботясь о наибольшем обращении людей к слову, василевс делал здесь много пожертвований для вспомоществования бедным, и тем поощряя их спешить к спасительному учению, едва не то же говорил сам, что сказал Апостол: *аще виною, аще истиною, Христос да проповедуется* (Фил. 1, 18). <...>

ГЛАВА 63. О том, как старался Константин искоренять ереси

<...> Когда же <Константин> уничтожил разногласия и поставил Божью Церковь в состояние единомыслия, то счел нужным перейти отсюда к другому роду безбожников, бывших как бы скрытым ядом для человеческой жизни. Появились некоторые губительные люди, которые, нося

личину набожности, растлевали города. Спасительное слово назвало их некогда лжепророками и хищными волками и предвозвестило о них так: «Внемлите от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волцы хищницы. От плод их познаете их» (Матф. 7, 15, 16). Разослав указы к игемонам провинций, василевс преследовал все племя таких людей, а сверх закона представил перед их лицом и душеспасительное наставление, в котором возбуждал их к немедленному покаянию и Церковь Божью называл пристанищем спасения для них. Послушай, как он и с ними беседует в своем послании.

ГЛАВА 64. Указ Константина против еретиков

Победитель Константин, Великий Август, еретикам.

«Узнайте теперь из моего закона, новациане, валентиниане, маркиониты, павлиане, так называемые катафригийцы и все, посредством своего учения умножающие ереси^[24], узнайте, сколько лжи заключает в себе ваша суетность, сколько губительного яда содержит в себе ваше учение, от которого здоровые подвергаются болезни, а живые — вечной смерти! О вы, враги истины, воители жизни, советники погибели! У вас все противно истине, все созвучно с постыдными пороками, все наполнено нелепостями и вымыслами, из которых вы сплетаете обман, которыми растлеваете неверных и заграждаете свет верующим. Под личиной набожности, всегда совершая непотребное, вы заражаете всех, покрываете смертоносными язвами безукоризненную и чистую совесть и похищаете, если можно сказать, самый день у очей человеческих. Но зачем говорить обо всем порознь, когда для надлежащего описания злых ваших действий мало у меня и времени, и досуга? Ваши нелепости так многосложны и безмерны, так отвратительны и наполнены всякого рода жестокостями, что для изображения их не хватит и целого дня. Притом от подобных предметов надобно заграждать слух и отвращать зрение, чтобы подробное раскрытие их не запятнало истинной и чистой доблести нашей веры. Что же? Терпеть ли далее такое зло? Но через долговременное снисхождение этот губительный недуг заразит и здоровых. Итак, почему не исторгнуть столь великого зла в самом, так сказать, корне, как можно скорее и при общих усилиях?

ГЛАВА 65. Об отчуждении мест, в которых собирались еретики

Если же гибельное ваше нечестие долее терпимо быть не может, то мы повелеваем законом, чтобы впредь никто из вас не смел делать собраний. Поэтому и все ваши дома, в которых вы устраиваете свои заседания, приказано разрушить, ибо наша заботливость касательно сего предмета требует того, чтобы не только в общественных, но и в частных домах, даже в каких-нибудь уединенных местах не было скопищ вашего суеверного безумия. Гораздо лучше сделают те, которые обратятся к правой и чистой вере, вступят в кафолическую Церковь, приобщатся ее святости и через то в состоянии будут достигнуть истины. Итак, в благополучное наше время да уничтожится это обольщение развращенного вашего ума, — разумею нечестивое и гибельное разномыслие еретиков и схизматиков, ибо благоденствие, которым мы по милости Божьей наслаждаемся, требует, чтобы живущие благими надеждами отвращались от всякого беспорядочного заблуждения на стезю правую, от тьмы — к свету, от суетности — к истине, от смерти — к спасению. А так как для сего нужно сильное средство, то мы, как сказано, повелели все убежища вашего суеверия, то есть молитвенные дома всех еретиков, если только можно назвать их молитвенными, отобрать без сопротивления и немедленно передать кафолической Церкви, прочие же места отписать в государственную казну, чтобы на последующее время не оставалось вам никакой возможности собираться. Итак, с настоящего дня незаконные ваши общины да не дерзают делать собрания ни в каком месте, ни в общественном, ни в частном. Быть по сему».

ГЛАВА 66. О том, каким образом многие еретики обратились к вселенской Церкви, когда найдены были у них нечестивые книги

Таким образом, по силе царского указа темные ущелья иноверцев разрушались, и звери, то есть предводители их безбожия, обращались в бегство. А из числа тех, которые были обольщены ими, одни, страшаясь царской угрозы, до времени притворствовались и с подложными чувствами вползали в Церковь: ибо, когда указом поведено было отыскивать книги еретиков, тогда хватали всех, занимавшихся этим запрещенным художеством; а потому они готовы были на все, лишь бы в притворстве найти себе спасение. Другие, напротив, будто с искренним расположением переходили к надежде на лучшее. Последних предстоятели Церквей тщательно различали, и тех, которые пытались проникнуть в Церковь под маской притворства, прикрывшись овечьими одеждами, далеко отгоняли, а

других, делавших это с чистым намерением, долго испытывали и, достаточно уверившись, присоединяли к числу христиан, допускаемых к священным собраниям. Так-то поступали с бесчестными иноверцами. Тех же, которые сами не вносили никакого нечестия в учение веры, а только усилием других схизматиков отторгнуты были от общества верующих, немедленно принимали в Церковь. Последние, как бы возвращаясь с чужой стороны в отечество целыми толпами, признавали Церковь своей матерью и чем дольше были в разлуке с ней, тем веселее и радостнее вступали в нее. Таким образом, члены общего тела, приходя в единение, сочетались в стройное целое, и собранная в самой себе вселенская Церковь Божья сияла одна: на земле ни еретических, ни схизматических обществ нигде больше не оставалось^[25]. Причиной же сего единственного и великого подвига был единственный из всех, возлюбленный Богом василевс.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА 1. О том, как Константин почтил многих дарами и повышением в достоинстве

Совершая столько дел для созидания и прославления Божьей Церкви, направляя все к тому, чтобы учение Спасителя всюду возвеличивалось похвалами, василевс не пренебрегал и делами внешними. И в этом отношении не переставал он оказывать всем жителям провинций непрерывно одни за другими благодеяния, то являя отеческую свою заботливость о целой Ойкумене, то украшая разными достоинствами частных, известных себе лиц и великодушно даруя всем все. Кто ни просил у него милости, всякий достигал цели, никто не обманывался в своих чаяниях, питаясь доброй надеждой: один получал деньги, другой вещи, тот должность преторианского судьи, этот сан сенатора, иной титул консула. Многие сделаны вождями, а некоторые удостоены звания придворных особ — то первой, то второй, то третьей степени. Весьма многие получили также титулы вельможных и другие достоинства; ибо, желая почтить большее число своих подданных, василевс придумал различные чины.

ГЛАВА 2. Прощение четвертой части налогов

А как заботился он об общем благосостоянии подданных, можно усмотреть из одного житейски полезного, для всех обязательного и доньше памятного примера. Он отделил четвертую часть ежегодно взимаемого с земель сбора и подарил ее землевладельцам, так что, считая это убавление, обрабатывающие поля каждый четвертый год были свободны от податей. Такое утвержденное законом постановление, сохранив свою силу и в последующее время не только для современников, но и для детей их, и для отдаленнейших потомков, сделало милость василевса незабвенной и вечной.

ГЛАВА 3. Уравнение обременительных налогов

Так как некоторые осуждали сделанное при прежних властителях размежевание земли и жаловались, что их участки слишком обременены налогами, то и здесь, опять следуя закону справедливости, василевс послал землемеров с повелением избавить просителей от убытка.

ГЛАВА 4. О том, что проигравшим денежные тяжбы он давал деньги из собственной казны

Василевс судил всех, но иногда, чтобы кто-либо ради отнятой у него части имени не вышел из суда печальнее того, который взял ее, он весело одарял побежденных из собственной своей казны либо вещами, либо деньгами, и таким образом побежденного, удостоившегося видеть его, равнял в радости с победившим, ибо представшему перед престолом великого василевса неприлично было удаляться от него в унынии и печали. Таким образом, оба они возвращались из суда с веселыми и улыбающимися лицами, и удивление великодушию василевса обладало всеми.

ГЛАВА 5. Покорение скифов, побежденных знаком креста Спасителя нашего

Нужно ли даже и мимоходом говорить о том, как покорил он римскому владычеству племена варварские, как он первый возложил иго власти на скифов и савроматов, не привыкших к рабству, и заставил их против воли признать римлян своими господами. Прежние архонты платили скифам дань, римляне служили варварам ежегодными взносами. Для василевса такое состояние государства было нестерпимо, победителю казалось унижительным платить то же, что платили его предшественники. Поэтому, с твердой надеждой на своего Спасителя подняв победный трофей и устремившись против них, он в короткое время покорил всех, именно: одних, которые возмутились, усмирил вооруженной рукой, других сделал кроткими посредством благоразумных посольств, вообще не знавшую законов и зверскую жизнь их переменял на жизнь разумную и законную. Вследствие сего скифы начали служить римлянам^[26].

ГЛАВА 6. Покорение савроматов по случаю восстания рабов

Савроматов же сам Бог привел к ногам Константина, смилив хвастливость варварского их высокомерия так: когда восстали против них скифы, то для отражения врагов господина вооружили своих слуг. Одержав победу над скифами, рабы обратили оружие против своих повелителей и выгнали всех их из жилищ. Тогда савроматы ни в ком больше не находили себе спасения, как в одном Константине. По привычке спасать людей, он принял всех их в пределы римской земли и способных носить оружие присоединил к своим войскам, а другим для пропитания отвел земли, которые они должны были обрабатывать. Эти новые подданные сами сознавались, что несчастье послужило им во благо, ибо теперь наслаждались они римской свободой вместо варварской, дикой жизни. Так-то Бог подчинил ему различные племена варваров.

ГЛАВА 7. Посольства от различных варваров, здесь же и дары

Непрестанно приходившие отовсюду послы приносили ему дары, какие почитались у них более драгоценными. Нам самим перед воротами дворца василевса случалось иногда видеть стоявших рядом и стройно варваров разного рода. Одежда их была чужеземной, покроя особенного, волосы на их голове и бороде совершенно отличались от наших, взгляд их казался суровым, диким и грозным, рост имели они необыкновенно высокий, лица у них были — то красные, то белее снега, то представляли смесь цветов; потому что между ними находились блеммии, индийцы и эфиопы, которые, как говорит о них история, разделялись на двое и жили на границах света. В числе их каждый, как изображается на картине, подносил василевсу, что у них почиталось драгоценным: одни дарили его золотыми венцами, другие из драгоценных камней диадемами, иные красноволосыми мальчиками, те варварскими одеждами, которые вышиты были золотом и цветами, эти конями, а некоторые щитами, длинными копьями, стрелами и луками. Посредством таких даров выражали они желание служить василевсу и быть в союзе с ним, если он того хочет. Принимая от приносящих эти дары и откладывая их, василевс взаимно одарял приносящих с такой щедростью, что в одно мгновение делал их людьми богатейшими. А знаменитейших жаловал римским достоинством, так что многие из них почитали за лучшее остаться здесь, забывая о возвращении в отечество. <...>

ГЛАВА 14. О том, как усердными молитвами Константина дарован был христианам мир

Таким образом, народы Ойкумены, повсюду управляемые как бы одним кормчим и в царствование слуги Божьего наслаждавшиеся благами гражданственности, проводили жизнь спокойную и безмятежную, тем более что никто уже не возмущал владычества римлян. Уверенный, что молитвы благочестивых много способствуют к сохранению государства, василевс считал их для себя необходимыми и, как сам молился Богу, так и предстоятелям Церкви поручал возносить за себя моления.

ГЛАВА 15. О том, что он и на монетах, и на портретах изображал себя как бы молящимся

Сколь глубоко укоренилась в душе его сила божественной веры, можно заключить и из того уже, что на золотых монетах он повелел изображать себя со взором, обращенным горе и устремленным к Богу, в виде молящегося. Такие отпечатки расходились по всему Риму, а в самих дворцах некоторых городов над входными дверями находились изображения, представлявшие его стоящим в прямом положении, со взором, устремленным на небо, и с руками, молитвенно воздетыми горе

ГЛАВА 16. О том, что он запретил законом ставить свои изображения в идольских капищах

В таком молитвенном положении представлял он себя и на портретах, но запретил законом изображения своего лица ставить в храмах идольских, чтобы и самая живопись ни в одном оттенке своем не осквернялась заблуждением отверженных.

ГЛАВА 17. Молитвы во дворце и чтение Божественных Писаний

Доказательства его благочестия открываются еще очевиднее, когда узнаешь, что и в самих чертогах своих он устроил род церкви Божьей и личным усердием подавал пример вступающим в нее. Он брал в руки

священные книги и размышлял о богодухновенных истинах, потом со всем своим двором совершал постановленные законом молитвословия.

ГЛАВА 18. Узаконение — чтить день воскресный и пяток

Приличным для молитвы днем положил он почитать день истинно Господний, первый, действительно воскресный и спасительный. Дьяконами и служителями Божьими назначив людей, украшавшихся непорочностью жизни и всякой добродетелью, вверил он им хранение всего дома. Дорифоры и телохранители, вооруженные преданностью и верностью, учителем благочестия имея самого василевса, не менее также чтители день воскресный и спасительный и в этот день совершали угодные василевсу молитвы. К тому же блаженный василевс побуждал и прочих подданных, молитвенно выражая свое желание мало-помалу сделать всех людей благочестивыми. Для сего всем, находившимся под властью римлян, внушал он расположение — во дни, одноименные Спасителю оставлять свои занятия и подобным образом чтить пятки, кажется, в воспоминание тех событий, которые в эти дни совершены общим Спасителем. Что касается до дня воскресного, иногда называвшегося также днем света и солнца, то к ревностному хранению его он располагал и всех своих воинов, и тем из них, которые сделались причастниками божественной Веры, давал в тот день свободу от службы, чтобы они беспрепятственно бодрствовали в Божьей Церкви и чтобы никто не мешал им тогда совершать свои молитвы.

ГЛАВА 19. О том, как предписал он и языческим воинам молиться в воскресные дни

А другим, еще не принявшим божественного учения, предписал он вторым законом: в воскресные дни собираться на открытых площадях, в предместье города, и там, по данному знаку, всем вместе возносить к Богу выученную предварительно молитву. Надежды их, говорил он, должны основываться не на копьях, не на вооружении, не на силе телесной: им более всего надобно знать, что податель всякого блага и самой победы есть Бог, которому, следовательно, и должны они воздавать узаконенные молитвы, воздеявая руки горе — к небу, а умственный взор вознося еще выше — к небесному Царю, и Его-то, подателя победы, Спасителя, хранителя и помощника умоляя о помощи. Константин сам же был и

наставником всего войска в молитве, предписав всем произносить на римском языке следующее:

ГЛАВА 20. Слова молитвы, которую Константин дал воинам

«Тебя единого признаем Богом, Тебя исповедуем Царем, Тебя именуем помощником, Тобой приобретали мы победы, Тобой превозмогали врагов, Тебе приносим благодарение за полученные благодеяния, от Тебя чаем и будущих благ. Тебе все молимся и Тебя просим, да сохранишь на многие годы здоровым и победоносным василевса нашего Константина с боголюбезными его чадами». Так-то предписал он своим войскам поступать в день света и такие-то слова научил их произносить в молитвах к Богу.

ГЛАВА 21. На оружии воинов знаки креста Спасителя

Даже и на оружии гоплитов повелел он изображать символ спасительной победы, перед войском же носить не золотые статуи, как это водилось прежде, а только спасительный трофей.

ГЛАВА 22. Усердие к молитве и чествование праздника Пасхи

Сам он, как бы какой-то совершитель священного действия каждодневно в известные часы заключался в недоступных покоях своего дворца и там наедине беседовал с Богом, там, в смиренных молитвах преклоняя колена, испрашивал себе потребного, а в дни спасительного праздника (Пасхи), усугубляя благочестивую свою деятельность, совершал божественное торжество со всей силой души и тела и распоряжался празднованием так: проводимую в бодрствовании священную ночь превращал он в дневной свет, ибо назначенные к тому люди по всему городу зажигали высокие восковые колонны, как бы огненные лампы, озарявшие всякое место, так что эта мистическая ночь становилась светлее самого светлого дня; когда же наступало утро, то, по подражанию благодеяниям Спасителя, простирал он ко всем гражданам и черни благодетельную десницу и раздавал им всякого рода богатые подарки.

ГЛАВА 23. О том, как запрещал он идолослужение, а мучеников и праздники чтит

Сам он так служил своему Богу. А для народа и войска в пределах власти Рима повсюду закрывались врата идолослужения и воспрещались все виды жертвоприношений. Народным архонтам послан был закон, предписывавший чтить день воскресения. По воле василевса они чтили также дни мучеников и прославляли в церквях другие времена празднеств, и все это делалось к удовольствию василевса.

ГЛАВА 24. О том, что он называл себя как бы епископом внешних дел

Посему, угощая некогда епископов, Константин справедливо сказал, что и сам он епископ (приводим собственные его слова, произнесенные при нас): «только вы — епископы внутренних дел Церкви, а меня можно назвать поставленным от Бога епископом дел внешних». Распоряжаясь согласно с этими словами, он надзирал за всеми подвластными себе и побуждал их, сколько было силы, вести жизнь благочестивую.

ГЛАВА 25. О запрещении жертв, посвящений, гладиаторских единоборств и прежних бесстыдных празднеств в честь реки Нил

Поэтому своими законами и указами он непрестанно запрещал приносить жертвы идолам, вопрошать гадателей, воздвигать статуи, совершать таинственные посвящения и осквернять города убийствами гладиаторов. Так как живущие в Египте и самой Александрии имели обычай для служения своей реке назначать мужеложцев, то к ним послано было также повеление: истребить весь род подобных людей как скверну, чтобы страдающих таким недугом разврата и глаза не видели. Суеверные жители полагали, что после сего Нил не будет по обыкновению орошать их полей, не благоприятствуя закону василевса. Бог сделал совершенно противное тому, чего они опасались: ибо когда не стало тех, которые своим бесстыдством оскверняли города, тогда река, как будто через то очищена была вся страна, поднялась столь высоко, как никогда не поднималась, обильно разлила свои воды и покрыла все нивы, научая несмыслящих самым делом, что они должны отвращаться от губельных людей и причину всего доброго относить к единому Подателю всякого блага.

ГЛАВА 26. Исправление закона касательно бездетных, также

исправление закона о завещаниях

Так как подобных исправлений в каждой епархии сделано было василевсом чрезвычайно много, то желающие описывать их не затруднились бы недостатком предметов. Например, он исправил и улучшил прежние законы. Об образе исправления их мы скажем слегка. Древние законы наказывали бездетных лишением родового наследства. Наказывая бездетных лишением наследства, как будто они совершили преступление, этот закон был жесток к ним. Посему, отменив его, василевс позволил и им быть наследниками своих родственников. Такое исправление было хорошо. К заслуженному наказанию надобно присуждать тех, говорил он, которые совершили преступление умышленно, а бездетными многих сделала природа: они и желали бы иметь детей, но лишены этого по слабости природы. Притом иные остаются бездетными не потому, чтобы не хотели иметь потомства, но по отвращению к супружескому ложу, когда проникнуты бывают сильнейшей любовью к мудрости. Были также чистые и совершенно девственные жены, которые, посвятив себя служению Богу, проводили жизнь, по душе и по телу, святую и целомудренную. Что же? Заслуживает ли это наказания? Или удивления и одобрения? Ведь и одно стремление к этому весьма важно, а самый подвиг выше природы. Посему, чье желание иметь детей не удовлетворяется по немощи природы, о том надобно сожалеть, а не наказывать его, а кто возлюбил лучшее, тот достоин не наказания, а величайшего восхищения. Так, следуя здравому смыслу, василевс изменил этот закон. Древние законы требовали также, чтобы завещания, составляемые умирающими при последнем дыхании, излагались в известных выражениях, и определялось, какие в этом случае надобно употреблять слова и обороты речи. Отсюда при изложении воли умирающих происходило много злоупотреблений. Узнав о том, василевс изменил и этот закон. Он говорил, что умирающий должен выражать свои желания положениями простыми и словами, какие случатся, высказывая свою волю либо письменно, либо даже и устно, если захочет, лишь бы то было при достоверных и способных сохранить истину свидетелях.

ГЛАВА 27. О том, что христианин не должен быть в рабстве у иудеев, также узаконение того, что определения Соборов должны оставаться неизменными

Он также постановил законом ни одному христианину не находиться в рабстве у иудеев; ибо считал несправедливым, чтобы искупленные Спасителем были рабами убийц пророков и самого Господа. Если же таковой отыщется, то христианина велено отпускать на волю, а иудея наказывать денежной пеней. Епископские оросы, изрекаемые на Соборах, василевс утверждал собственной печатью, чтобы народные архонты не могли уничтожать этих мнений, ибо священники Божьи опытнее и надежнее всякого судьи. Подобных сим законов он начертал для своих подданных бесчисленное множество. Немало потребовалось бы трудов и времени, если бы кто, для составления точного понятия о мудрости василевса и в этом отношении, захотел собрать их в одну книгу. Нужно ли еще рассказывать, как он, прилепившись к Богу всяческих, с утра до вечера изыскивал, кому бы оказать благодеяние, и как в своих благотворениях был равен и одинаков ко всем?

ГЛАВА 28. Дары церквям, также раздача денег девам и бедным

Предпочтительно же весьма многое даровал он Божиим Церквям: одним земли, другим хлеб, чтобы они раздавали его бедным людям, сиротам и достойным сострадания вдовам, а для нагих и покрытых рубищами с великой заботливостью доставлял даже одежды. Особенно великой чести удостаивал он людей, предавших всю свою жизнь любомудрию по Боге, а перед святейшим сонмом вечных девственниц Божьих едва не благоговел, будучи убежден, что в душах их живет сам Бог, которому они посвятили себя.

ГЛАВА 29. Письменные рассуждения и речи Константина

Размышляя над божественными истинами, он проводил целые ночи без сна, в часы досуга сочинял непрестанно и писал схолии, обращаясь к народу, считал своей обязанностью управлять подданными, воспитывая их, и все свое царство вести к разумности. Для этого он созывал собрания, и несметные толпы спешили слушать философствующего государя. А когда в продолжение речи ему представлялся случай богословствовать, он вставал и с поникшим лицом, тихим голосом весьма благоговейно посвящал предстоящих в тайны божественного учения. Если потом слушатели оглашали его одобрительными криками, то он давал им знак возводить очи

на небо и своим удивлением, своими благоговейными похвалами чествовать одного Всецаря. Разделяя речи свои на части, он то обличал заблуждение многобожия, представляя, что суеверия язычников есть обман и прикрывание безбожия, то говорил о единовластвующем Божестве и вслед за тем рассуждал о всеобщем и частном промысле, потом переходил к спасительному домостроительству и объяснял, что надлежащий способ его совершения был необходим, простираясь далее, касался учения о божественном судье и по этому поводу делал своим слушателям сильные упреки, посрамляя хищников и любостяжателей, предавшихся ненасыщаемому корыстолюбию. Поражая и как бы бичуя словом некоторых окружавших себя ближних, он заставлял их потуплять взоры и терзаться совестью, ибо в ясных выражениях объявлял им, что они дадут Богу отчет во вверенном себе служении, что Бог всяческих предоставил царство земное ему, а он, подражая Всеблагому, возложил управление частными областями на них, и что все они некогда представят великому Царю отчет в делах своих. Об этом-то постоянно свидетельствовал он, об этом напоминал им, этому учил их. Но так мыслил и наставлял одушевляемый искренней верой сам василевс, а они для добрых наставлений были тупы и глухи, — языком и одобрительными криками восхваляли их, делами же, по своей ненасытности, уничижали хвалимое.

ГЛАВА 30. О том, что одному любостяжательному человеку, с намерением пристыдить его, он показал меру гроба

Так некогда, взяв за руку одного из комитов, василевс сказал ему: до каких еще пределов будем мы простирать свою алчность? Потом копьем, которое случайно держал в руке, очертив на земле пространство в рост человеческого тела, промолвил: если ты приобретешь все богатства мира и овладеешь всеми стихиями земли, — и тогда не унесешь с собой ничего более этого описанного участка, да и то, когда получишь его. Однако же говоря и поступая таким образом, блаженный василевс не мог удержать никого, хотя события ощутимо доказывали, что царские предсказания походили более на божественные приговоры, чем на простые речи.

ГЛАВА 31. О том, что его порицали за излишнее человеколюбие

По чрезвычайному человеколюбию василевса и потому, что правители

отдельных областей нигде и никого не преследовали за преступления, — в государстве не было страха смерти, который удерживал бы злых людей от незаконных поступков. Это подавало повод к немалому порицанию всего правления Константина. Справедливо ли такое порицание или нет, — пусть судит, кто хочет, мое дело писать истину. <...>

ГЛАВА 40. О том, что, на протяжении трех десятилетий провозгласив трех своих сыновей василевсами, он праздновал освящение храма, созданного им в Иерусалиме

Константин уже окончил тридцатилетие своего царствования и трех сынов в разное время провозгласил василевсами. Первый, одноименный отцу Константин, получил эту честь, когда совершилось десятилетие отца его. Второй, украшавшийся именем деда Констанций, наречен правителем, когда праздновали его двадцатилетие, а третий, Констант, означающий своим именем человека твердого и постоянного, возведен в это достоинство при исходе третьего десятилетия. Таким образом, имея три, во образ Троицы, боголюбезных колена сыновей, и в каждый десятилетний период своего царствования почтив того или другого участием в правлении, он считал теперь время своего тридцатилетия самым приличным для принесения благодарения Всевышнему Царю всяческих, и потому заблагорассудилось ему праздновать освящение храма, усердно построенного им со всем изяществом в Иерусалиме. <...>

ГЛАВА 48. О том, как Константин выразил свое неудовольствие, когда некто чрезмерно восхвалял его

В то время как все это происходило и всеми устами прославлялась добродетель василевса в отношении к Богу, один из служителей Божьих осмелился лично назвать его блаженным и говорил, что он и в настоящей жизни удостоился автократического над всеми владычества и в будущей станет царствовать вместе с Сыном Божьим. Выслушав это с неудовольствием, Константин просил впредь не произносить подобных похвал, а лучше молиться о нем, чтобы он и в сей, и в будущей жизни удостоился быть рабом Божьим.

ГЛАВА 49. Бракосочетание сына его, кесаря Констанция

В конце тридцатилетия своего царствования он праздновал бракосочетание второго своего сына, а брак старшего по возрасту совершен был гораздо ранее. По этому случаю давались брачные пиры и обеды, сам василевс сопровождал на них жениха, своего сына, сам угощал роскошными яствами и принимал на пиршествах: здесь — процессии мужчин, там — поющих и пляшущих женщин, раздавал богатые подарки простому народу и гражданам.

ГЛАВА 50. Посольство и дары индийцев

В это же время прибыли с востока и индийские послы с дарами, а дары их состояли из разного рода блестящих драгоценных камней и животных, по природе не сходных с теми, какие известны у нас. Поднося свои дары василевсу, они говорили, что власть его простирается до самого океана и что правители Индии, изображая его на портретах и воздвигая ему статуи, согласились признавать его василевсом и автократором. В начале его царствования первыми покорились ему живущие у западного океана британцы, а теперь то же сделали и населяющие восток индийцы.

ГЛАВА 51. О том, как Константин, разделив между тремя сыновьями власть над Империей, учил их царствовать благочестиво

Овладев таким образом обоими пределами Ойкумены, он, как делят родовое имущество возлюбленнейшим наследникам, разделил управление всем царством между тремя своими сыновьями. Старшему отдал участок деда, второму вверил власть над востоком, а третьему назначил середину между сими двумя частями. Вместе же с тем, желая оставить им и другое лучшее, спасительное для души наследие, он насаждал в них семена благочестия, питал их Божественным учением и приставил к ним учителей, мужей известнейших своей набожностью. Дал им также особых, достойных высшего образования наставников и по внешним наукам: одни преподавали им науки военные, другие знакомили их с познаниями управления гражданского, а некоторые делали их опытными в законоведении. У каждого из детей его был двор василевса: гоплиты,

дорифоры, телохранители и все рода войска с их военачальниками, то есть центурионами, лохагами, дуками когорт, которых опытность в военном деле и привязанность к своим детям отец изведal прежде.

ГЛАВА 52. О том, как он направлял их к благочестию, когда они достигли совершенного возраста

Пока кесари были еще юны, при них по необходимости находились помощники, которые и управляли делами государства, но когда они достигли мужского возраста, то для руководства достаточно стало и одного отца. В своем присутствии он возбуждал их соревноваться с собой и подражать своему благочестию посредством личных наставлений, а в отсутствие преподавал им правила царствования письменно. Из этих правил важнейшим и первейшим было то, что знание Всецаря Бога и благочестие они должны предпочитать всякому богатству и самому царству. Конечно, он дал им право и непосредственно действовать для пользы государства, но прежде всего убеждал иметь попечение о Божьей Церкви и приказывал открыто быть христианами. Так руководил он детьми своими, и, поступая как бы не по приказанию отца, а по собственному убеждению, они простирались еще далее отцовских внушений. Направляя свои мысли к благоугождению Богу, они со всеми домашними в самых царских чертогах исполняли церковные уставы, и это устроено также заботливостью отца, который двор их составил из людей благочестивых. Таковы были и мужи, стоявшие на первых степенях государственной службы, людьми, верующими в Бога, он ограждался как крепкими стенами. Когда же преблаженный василевс устроил и это, тогда Бог, раздающий все блага, видя, что дела Константина повсюду окончены, положил нужным даровать ему лучшую жизнь и привел его к необходимости отдать долг природе.

ГЛАВА 53. О том, что, царствуя около тридцати двух лет, а живя более шестидесяти, он сохранил свое тело здоровым

Протекло уже тридцать два года его царствования, без нескольких месяцев и дней, а время его жизни было вдвое более. Несмотря на такой возраст, тело его не знало болезней и слабостей, не имело никаких язв и было крепче юношеского, с виду красиво и способно к усиленной

деятельности, так что он мог заниматься гимнастикой, ездить верхом, ходить пешком, участвовать в сражениях, воздвигать трофеи в честь победы над врагами и одерживать верх в бескровной борьбе с противниками.

**ГЛАВА 54. О тех, которые чрезмерным его человеколюбием
злоупотребляли для своекорыстия и притворства**

Равно и силы души его развиты были до высоты человеческого совершенства: он отличался всеми прекрасными качествами, а особенно человеколюбием, которое, однако же, мне и порицали, называя это беспечностью в отношении к злодеям, причиной своего злонравия почитавшим невзыскательность василевса. И действительно, в описываемое время сам я замечал владычество двух тяжких пороков: разрушительную силу ненасытных и лукавых людей, расхищавших чужое имущество, и невыразимое притворство обманщиков, лицемерно присоединившихся к Церкви и ложно носивших имя христиан. Человеколюбие и добролюбие, искренность веры и прямодушие располагали василевса доверять людям, бывшим, по-видимому, христианами и под маской притворства старавшимся снискать истинное его расположение. Доверяя же им, иногда совершал он не должное. Это-то пятно зависть кладет на прекрасные его деяния.

ГЛАВА 55. О том, что до самой своей кончины Константин писал речи

Впрочем, Божественное правосудие не замедлило наказать этих людей. Сам же василевс между тем душой своей преуспевал в мудрости слова, так что до самой кончины либо писал речи, либо делал предначертания речей и своим слушателям преподавал боголепное учение, либо составлял законы, то гражданские, то военные, и придумывал все способы к общей пользе людей. Надобно упомянуть и о том, как он незадолго до своей кончины в обыкновенном месте собраний произнес одно надгробное слово и в нем обширно рассуждал о бессмертии души, о людях, проведших жизнь свою благочестиво, и о благах, которые Бог уготовил избранным своим, ясно также и обстоятельно показал, какая участь ожидает противных тому людей, и описал гибельную смерть безбожников. Свидетельствуя об этом с важностью и силой, он, по-видимому, поражал окружавших себя и даже спросил одного мнимого мудреца: что он думает о слышанном? Тот

подтвердил истину слов его и без меры, хотя неохотно, начал восхвалять учение против многобожия. Беседуя с приближенными перед смертью о таких предметах, он как бы сам для себя уравнивал и изглаживал путь к лучшей жизни.

ГЛАВА 56. О том, как, отправляясь на войну против персов, он взял с собой епископов и палатку по образцу церкви

Надобно также упомянуть, что, услышав в это время о волнении восточных варваров и показав, что ему остается одержать и эту победу, Константин решился идти в поход против персов. Приняв такое намерение, он привел в движение воинские дружины, сообщил о том окружавшим себя епископам и объявил, что некоторые из них должны находиться при нем для отправления богослужения. Епископы говорили, что они с великим усердием готовы следовать его воле и не думают отказываться, что своими молитвами к Богу они будут содействовать и соратничать ему. Обрадованный такими словами, он написал им подорожную, потом с великим тщанием устроил для этой войны и палатку наподобие церкви, чтобы в ней к подателю победы Богу вместе с епископами возносить свои молитвы.

ГЛАВА 57. О том, как, приняв персидское посольство, провел он пасхальную ночь вместе с другими

Между тем персы, узнав о приготовлениях василевса к войне и очень боясь вступить с ним в битву, отправили к нему послов просить мира. Миротлюбивейший василевс, благосклонно приняв персидское посольство, охотно заключил с ними и дружественный договор. Наступил уже великий праздник Пасхи, и василевс, вместе с другими вознося молитвы к Богу, провел всю пасхальную ночь в бодрствовании.

ГЛАВА 58. О постройке храма в честь Апостолов в Константинополе

После сего начал он в одноименном себе городе строить храм в память Апостолов, и когда это здание возведено было до несказанной высоты, стены его сверху донизу василевс обложил разноцветно блистающими

камнями, а купол, украшенный мелкими углублениями, покрыл весь золотом. Снаружи, вместо черепицы, медь доставляла зданию надежную защиту от дождей, по меди же положена густая позолота, так что блеск ее при отражении солнечных лучей был ослепителен даже для отдаленных зрителей, купол вокруг обведен был решетчатым, сделанным из золота и меди барельефом.

ГЛАВА 59. Описание того же храма

Так-то великая щедрость и усердие василевса украсили этот храм. Вокруг же храма простирался весьма обширный двор, открытый для чистого воздуха, по четырем его сторонам тянулись портики и замыкали площадь, окружавшую храм, за портиками занимали пространство дворцы василевса, бани, гостиницы и многие другие помещения, приспособленные к удобствам стражей этого места.

ГЛАВА 60. О том, что он устроил в нем гробницу для своего погребения

Это дело василевс посвятил вечной памяти всех Апостолов Спасителя нашего. Впрочем, при построении храма он имел в виду нечто другое, что прежде было скрыто, а под конец стало всем известно. Именно в этом храме он приготовил сам себе место на случай своей кончины, чрезвычайной силой веры предусматривая, что по смерти мощи его сподобятся названия апостольских, и желая даже после кончины иметь участие в молитвах, которые в сем храме будут возноситься в честь Апостолов. Итак, соорудив там двенадцать ковчегов, как бы двенадцать священных памятников в честь и славу лика Апостолов, посреди них поставил он гроб для самого себя, так что с обеих сторон этого гроба стояло по шести апостольских. Василевс предусмотрел, как сказано, мудрым умом, что для успокоения его тела здесь будет самое приличное место. Он издавна и задолго положил в мысли посвятить храм Апостолам, надеясь, что воспоминание о них принесет ему душеспасительную пользу. И Бог не отринул молитвенных надежд его, ибо в то время, как он совершил первые подвиги праздника Пасхи и провел спасительный день, стараясь по обычаю всей своей жизни сделать его торжественным для себя и для всех, в то самое время, как в наиболее благоприятное, помогавший ему в этом Бог благоволил переселить его в жизнь лучшую.

ГЛАВА 61. Расстройство его тела в Еленополе и мольбы о крещении

Сначала произошло расстройство в его теле, потом открылась в нем болезнь. Поэтому, оставив свой город, он отправился на теплые воды, а оттуда переехал в город, одноименный своей матери^[27]. Здесь, проводя время в храме мучеников, он воссылал к Богу усердные молитвы и прошения, когда же ощутил конец своей жизни, то подумал, что пора уже очиститься ему от прежних прегрешений, ибо веровал, что все, в чем он согрешил как смертный, будет снято с души его силой мистических молитв и спасительным словом крещения. Размышляя таким образом, он преклонял колена на землю, изливал молитвы пред Богом, исповедовал в самом храме грехи свои и здесь в первый раз удостоился молитвенного возложения рук^[28]. Потом, переехав отсюда в предместье города Никомидии и там собрав епископов, говорил им следующее:

ГЛАВА 62. Константин упрашивает епископов преподать ему крещение

«Пришло то желанное время, которого я давно жажду и о котором молюсь, как о времени спасения в Боге. Пора и нам принять печать бессмертия, приобщиться спасительной благодати. Я думал сделать это в водах реки Иордан, где во образ нам, как повествуется, принял крещение сам Спаситель, но Бог, ведающий полезное, удаляет меня этого здесь. Итак, не станем более колебаться, ибо если Господу жизни и смерти угодно будет и продлить мое существование, если однажды определено, чтобы отныне я присоединился к народу Божьему и как член Церкви участвовал в молитвах вместе со всеми, то через это я подчиню себя правилам жизни, сообразным с волей Божьей». Так сказал Константин, и епископы, совершив над ним священный обряд, исполнили определение Божье, приготовив, что было нужно, преподали ему таинство. Таким образом Константин, первый из всех от века бывших автократоров, через возрождение в церкви мучеников, сделался совершенным христианином. Удостоившись Божественного запечатления, он ликовал духом, обновился и исполнился света Божьего, от переизбытка веры душевно радовался и живо поражался действием силы Божьей. По совершении священного обряда он облекся в торжественную одежду василевса, блиставшую, подобно свету, и опочил на ложе, покрытом белыми покрывалами, а багряницы не хотел уже

касаться.

ГЛАВА 63. О том, как он, приняв крещение, восхваляет Бога

Потом, возвысив голос, он вознес к Богу благодарственную молитву и в заключение сказал: теперь я сознаю себя истинно блаженным, теперь я достоин жизни бессмертной, теперь я верую, что приобщился Божественного света; и лишенных сего блага называл несчастными и жалкими. Когда же вошли к нему таксиархи и игемоны и, сетуя, что он оставляет их сырыми, молились о продолжении его жизни, то он отвечал им, что отныне он удостоен жизни истинной и что только сам хорошо понимает, каких сподобился благ, а потому спешит и не замедлит отойти к своему Богу. После сего сделал он нужные распоряжения: римлянам, жившим в царской столице, назначил ежегодные дары, а детям как отцовское наследие передал жребий царствования и так устроил все, что было ему угодно.

ГЛАВА 64. Смерть Константина в праздник Пятидесятницы, около полудня

Это происходило во время величайшего праздника все-честной и всесвятой Пятидесятницы, которая хотя продолжается семь недель, но составляет одно торжество. По свидетельству Божественных Писаний, в этот праздник произошло и вознесение на небо общего Спасителя, и сошествие к человекам Святого Духа. Удостоившись во время этого праздника тех же благ, Константин в самый последний день его, который не грешно назвать праздником праздников, около полудня взят был к своему Богу. Смертное оставил он смертным, а разумной и любящей Бога частью души соединился со своим Богом. Таков был конец жизни Константина. Но перейдем к дальнейшему.

ГЛАВА 65. Плач воинов и вождей

В ту же минуту дорифоры и вся стража, разодрав одежды и повергшись на землю, начали ударяться головами, огласили дворец плачем, рыданиями и воплями и именовали Константина своим владыкой,

господином, василевсом и не столько владыкой, сколько отцом как бы кровных детей. Таксиархи и лохаги называли его своим спасителем, хранителем и благодетелем, а прочие войска, не нарушая должного порядка, скорбели, как бы покинутые стада, о своем добром пастыре, народ, блуждая по городу, выражал душевную скорбь криками и воплями, многие от печали, казалось, объаты были ужасом, каждый считал то несчастье собственным и оплакивал свою долю так, как бы у всех отнято было общее благо.

ГЛАВА 66. Перенесение его тела из Никомидии в константинопольский дворец

Воины, взяв тело Константина, положили его в золотой гроб, потом, покрыв багряницей, принесли его в одноименный василевсу город и поставили на высоком катафалке в одной из лучших комнат царского дворца. Вокруг, на золотых подсвечниках, зажжены были свечи, что взорам присутствующих представило удивительное зрелище, какого никто и никогда от создания мира не видывал на земле под солнцем. Именно среди внутренней залы дворца в золотом высоко поставленном гробе лежало, по царскому порядку накрытое порфирой и диадемой, тело василевса, вокруг него стояла многочисленная, бодрствовавшая день и ночь стража.

ГЛАВА 61. О том, что и комиты, и все прочие воздавали ему почести после смерти, как при жизни

Комиты, военные игемоны, военные архонты, которым при жизни государя долг повелевал приходить к нему с приветствиями, нисколько не изменяя этого порядка, приходили и теперь в установленные часы к лежавшему во гробе, как бы к живому василевсу и, преклоняя колена, приветствовали умершего. После них являлись и то же делали сенаторы и все важные лица. Потом перед этим зрелищем представлялся народ различных сословий, с женами и детьми. И это совершалось таким образом долгое время, потому что стратеги положили держать и хранить тело василевса, пока придут его дети почтить своим присутствием погребение родителя. Итак, блаженный василевс даже по смерти царствовал один, и все шло обыкновенным порядком, как было при его жизни. Одному только ему от начала мира Бог даровал такую честь. И действительно, из всех

автократоров он один различными делами чтит всех Бога и Христа его, а потому один по всей справедливости и сподобился этого. Одному только ему сущий над всеми Бог даровал преимущество царствовать над людьми даже по смерти и людям, не лишенным смысла, этим ясно указал на нестаряющееся и нескончаемое царствование души его. Так происходило все это.

ГЛАВА 68. О том, как войско провозгласило детей его августами

Избрав из военных сановников людей, издавна известных верностью и преданностью василевсу, таксиархи послали их возвестить кесарям о событии, и они исполнили поручение. Между тем находящиеся в военных лагерях войска, узнав о смерти василевса, как бы по вдохновению свыше, будто жив был еще великий василевс, единогласно решили никого не признавать римскими автократорами, кроме детей его, и вскоре положили всех их называть отныне не кесарями, а августами — именем, которое принимается за величайший и самый высший символ верховной власти. Войска делали это, сносясь в своих мнениях и отзывах письменно, и единодушное согласие всех их в одно мгновение времени распространилось повсюду.

ГЛАВА 69. Сетование Рима о Константине и почести, оказанные ему по смерти посредством его изображения

Жители царского города, самый сенат и римский народ, узнав о смерти василевса, предались неограниченной скорби, потому что такая весть поразила их ужасно, сильнее всякого несчастья. Бани и рынки были закрыты, общественные зрелища и все бывшие в обычае увеселения людей праздных запрещены, и те, которые прежде предавались удовольствиям, теперь бродили с поникшими взорами. В то же время все римляне единогласно величали василевса блаженным, боголюбезным и поистине достойным царствования и выражали это не только восклицаниями, но и самыми делами, именно: ему и мертвому посвящали картины, как живому, изображая на них красками вид неба и представляя василевса покоящимся в горнем жилище превыше небесных кругов. Эти люди (как и все прочие) провозглашали также никого другого, а только детей его автократорами августами и громогласно умоляли, чтобы тело василевса перенесено было к

ним и погребено в царском городе.

ГЛАВА 70. Констанций погребает его тело в Константинополе

Так-то славили Богом почтенного и римляне. Между тем второй сын его, находясь при теле отца, перенес его в Константинополь и сам управлял перенесением. Он шел впереди и вел отрядами воинскую дружину, за которой следовало бесчисленное множество людей, а за телом василевса следовали копьеносцы и гоплиты, которые по прибытии поставили гроб в храме Апостолов Спасителя. Выражая таким образом почтение к отцу, новый василевс Констанций сохранил должное благоговение к его памяти — и своим присутствием, и своими в отношении к нему обязанностями.

ГЛАВА 71. Собрание в упомянутом храме Апостолов при погребении Константина

Когда же он и войска удалились, тогда вышли на середину служители Божьи, окруженные многочисленным стечением православного народа, начали совершать богослужение и молитвы. Здесь лежавший на высоком катафалке блаженный был прославляем, а весь народ вместе со священнослужителями не без слез и глубоких вздыханий возносил к Богу молитвы о душе василевса и этим исполнял желание боголюбезного. В самом деле, рабу своему Бог явил благоволение и в том, что после его кончины царство даровал возлюбленным и законным его детям, а храмину преблаженной его души, чего он сильно желал, прославленную названием равноапостольной, сопричисленную к народу Божьему, удостоенную постановленного богослужения и мистических священнодействий и проявившую плоды святых молитв, сподобил приснопоминания с Апостолами. Сам же он, как бы возродившись для высочайшей власти, удерживает царство и по смерти и, сохраняя имя победителя, великого Августа, самым названием управляет римлянами.

ГЛАВА 72. О птице феникс

Он не как та египетская, говорят, единственная в своем роде птица, которая умирает на груди благовонных растений, сжигая сама себя, а

потом, возродившись из своего пепла, начинает летать и является такой же, какой была прежде, — он уподобился Спасителю, который, как зерно пшеницы, умножившись из одного себя, по благословию Божьему произрастил колос и своими плодами наполнил всю землю. Подобно ему, и сей преблаженный через преемство детей своих из одного сделался многочисленным, так что у всех народов на почетных картинах изображается вместе со своими детьми, и любимое имя Константина живет не менее после его смерти.

ГЛАВА 73. О том, что на монетах изображали Константина как бы восходящим на небо

Его изображения чеканили и на монетах: с одной стороны на них представляли блаженного с покрытой главой, а с другой — сидящим на четырехконной колеснице и возносящимся на небо, куда простертая свыше рука принимала его.

ГЛАВА 74. О том, что чтимый им Бог воздал ему по достоинству

Все это явив перед нашими очами в Константине, который один из бывших когда-либо царей открыто исповедовал себя христианином, Бог всяческих показал, сколь великое различие полагает он, с одной стороны, между почитателями Его и Христа Его, с другой — между людьми, избравшими противное, которые, восстав на Церковь Божью, тем самым вооружили и Его против себя и сделали врагом себе. Погибель каждого из них ясно доказала, что они находились под гневом Божьим, тогда как известный всем конец жизни Константина ручался за благоволение к нему Бога.

ГЛАВА 75. О том, что из прежде бывших римских василевсов Константин был василевсом самым благочестивым

Так как он один из римских василевсов с глубочайшим благоговением чтит Всецаря Бога, один не обинуясь проповедовал всем учение Христа, один столько прославил Церковь Его, сколько никто от века, один ниспроверг все заблуждения многобожия и обличил все роды

идолослужения, то один также и при жизни, и по смерти удостоился благ, каких не достигал никто другой. Ни между элинами, ни между варварами, ни между римлянами прежних веков до самого нашего времени не упоминается ни об одном подобном.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Александрия. Обломки колосса, украшавшего во времена Константина седьмое чудо света Фаросский маяк

Константин (справа) и армянский царь Тардат. Матенадаран. Художник Вардан Багинеци

Мученичество святого Георгия. Деталь русской иконы. XIV в.

Орел и змея. Мозаика Большого дворца в Константинополе. Вторая половина VI в.

Сон Константина. Фреска Пьеро делла Франчески в соборе Святого Франциска (Арецо, Италия). 1455 г. В эту ночь перед битвой с Максенцием Константину был явлен знак - монограмма Христа — со словами: «Сим победишь»

Константин вѣдет свое войско на битву с Максенцием.

Пьеро делла Франческа. 1455 г.

Никея. Северные ворота города в котором Константин в 325 году провел I Первый Вселенский собор (ныне турецкий город Изник)

Иерусалим. Храм Гроба Господень. Фото автора.

Гроб Господень. Фото автора.

Голгофа в храме Гроба Господня. Фото автора.

Гроб Господень с плащаницей, убранный цветами в день Пасхи.

Фото автора

Равноапостольные святые царь Константин и мать его Елена.

Икона XVI в. Коломенское, Москва.

Святая София. Современный вид

Второй Рим. Царь-рад, город Константина.

*Сзади, у Босфора, краснеет храм Святой Софии, который начал строить Константин,
Впереди аллея, где был знаменитый ипподром.*

Христос. Мозаика в храме Святой Софии. XII в.

Богоматерь и Константин.

Фрагмент мозаики в храме Святой Софии. X в.

Константинополь. Руины Буколеона — дворца, построенного Константином как символ непревзойденного величия Византии.

Фото автора.

Никомидия - город, в котором умер Константин Великий

(ныне — турецкий город Измит).

Фото автора.

Святые Константин и Писца

Икона XIX в. в церкви Святого Александра Невского в Бизерте (Тунис).

Фото автора.

Константин. Деталь фрески Пьеро делла Франчески в соборе Святого Франциска (Ареццо, Италия). 1455 г.

Мать Константина, святая Елена.

Деталь фрески Пьеро делла Франчески.

Золотая монета августы Елены 327 г.

Золотая монета августа Констанция Хлора, отца Константина. 306 г.

Тетрархия (власть четверых). Бронза, конец III в. Правители Римской империи: августи Диоклетиан и Максимиан, цезари Галерий и Констанций Хлор.

Максимиан. Бронза, Каир, частное собрание.

Галерий. Мрамор, конец III в. Копенгаген, глиптотека. Новый Карлсберг.

Диоклетиан. Мрамор. Рим, Латеранский музей.

Дворец Диоклетиана в Салоне (современный Сплит). Реконструкция.

Страдания пророка Исайи. Рисунок из книги «Описание святого града Иерусалима» 1771 г.

Побиеие камнями еретиков-христиан. Миниатюра X в. Библиотека Ватикана.

Охота на тигра. Мозаика Большого дворца в Константинополе.

Колесница на ипподроме, запряженная парой львов. Мрамор, III в.

Британия. Вал Адриана. Место первой крупной битвы Константина в 306 г.

Фауста, вторая жена Константина. Мозаика, IV в.

Максенций. Мрамор, IV в.

Мильвийскнй мост на Тибре. Здесь проходила историческая битва Константина и Максенция в 312 г.

Триумфальный въезд Константина в Рим.

Фреска в церкви Святого Деметриуса, Фессалоники, 17 в.

Арий — зачинщик грандиозного христианского спора.

Фреска в церкви Святого Спаса, Цаленджиха, Грузия.

Евсевий Кесарийский, епископ, историк, первый биограф Константина. Фрагмент фрески Пьеро делла Франчески. 1455 г.

Никея. Руины храма, где прошел Второй Никейский собор.

Фото автора.

Коронация Константина. Золотая монета с дужкой для подвешивания. IV в.

Этой оливе, растущей на Святой земле, больше двух тысяч лет; она наверняка помнит императора Константина. Фото автора

Триумфальная арка Константина Великого в Риме.

Переход императора Константина через Красное море.

Горельеф на триумфальной арке в Риме.

Константин Великий.

Мрамор. Рим церковь Сан Джованни. Латерано.

Конная статуя Константина в соборе Святого Петра в Риме.

Лоренцо Бернини. XVII в.

Рим. Руины базилики Максенция и Константина.

На заднем плане — Колизей.

Базлика Максенция и Константина в Риме.

Реконструкция.

Башня городской стены Константинополя, построенная при Константине. Фото автора.

Колонна Константина в Стамбуле, на бывшем Форуме Константина. Ныне это место называется Чемберташ.

Фото автора.

Форум Константина. Компьютерная реконструкция.

Святой Константин Великий.

Деталь мозаики в храме Святой Софии Константинополя.

Константинополь, площадь Ипподрома. Гравюра XVIII в.

Испытание Животворящего Креста.

Фреска Пьеро делла Франчески в соборе Святого Франциска (Ареццо, Италия). 1455 г.

Константин и Елена. Современная мозаика над входом в церковь святых Константина и Елены в Афинах Фото И Алексевой.

Равноапостольные святые царь Константин и мать его Елена.

Литография. 1864 г.

Храм Рождества в Вифлееме. Фото автора.

Серебряная звезда, обозначающая место рождения Христа под главным алтарем Храма Рождества.

Фото автора

Рождество Христово и Константин и Елена.

Лист Евангелия XI в. Библиотека Пармы.

Кипр. Монастырь Ставровуни, основанный царицей Еленой.

Фото автора.

Главная реликвия Ставровуни серебряный крест, в котором хранится кусочек Креста, привезенного Еленой на Кипр из Святой земли в 326 г.

Ставровуни. Вход в потайную церковь Константина и Елены. Много веков о церкви знали только несколько посвященных.

Фото автора.

Монастырь Ставровуни. Фото автора.

Святые и равноапостольные Константин и Елена и все святые Кипра.

Современная икона из монастыря Ставровуни.

Храм Двенадцати Апостолов в Константинополе, в котором был похоронен Константин.

Компьютерная реконструкция.

Церковь святых Константина и Елены в Московском Кремле. Архитектор Найденов. Фото

1882 г. Разрушена в 1928 г.

Константино-Еленинская башня Московского Кремля

Саркофаг царицы Елены. Порфир. 336 г. Музей Ватикана.

Крисп, старший сын императора Константина.

Константин II, второй сын императора Константина.

Констанций II, третий сын императора Константина.

Констант, четвертый сын императора Константина.

Юлиан Отступник, последний законный наследник императора Константина Великого.

Константинополь. Руины городских стен построенных при Константине.

Фото автора.

•INFO•

Власов С. М.

В 58 Константин Великий. — М.: Мол. гвардия, 2001. — 310[10] с.: ил. — (Жизнь замечат. людей; Сер. биогр; Вып. 811).

ISBN 5-235-02475-3

УДК 937.06 «03» (092)

ББК 63.3(0)32

Власов Сергей Михайлович

КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ

Главный редактор издательства *А. В. Петров*

Редактор *Н. М. Алексеева*

Художественный редактор *Н. С. Дементьева*

Технический редактор *Н. А. Тихонова*

Корректор *С. В. Карпова*

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 30.05.2001. Подписано в печать 12.09.2001. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ.л. 16,8+2,52 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ 17642.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства; 103030, Москва, Сущевская ул., 21. www.mg.gvardiya.ru, ds@mg.gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030, Москва, Сущевская ул., 21.

Примечания

1

Автор настаивает именно на этой дате рождения Константина. Другие даты, приводимые в исторической литературе, он считает менее обоснованными.

Печатается с сокращениями по изданию: *Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина*. Изд. 2-е. М., 1998. С. 27—178.

3

Диоклетиан.

4

Максенция, сына Максимиана.

То есть Галерию и Флавию Северу.

Речь идет о донатистах, отколовшихся от Церкви. Впрочем, отношение к ним Константина было совсем не таким добродушным, как это описывает Евсевий.

Максимиан.

8

Имеется в виду Галерий.

То есть Лициний.

Под первым Евсевий понимает Галерия, под вторым — Дазу.

При Лицинии принял мученическую кончину епископ Василий Амасийский и с ним 40 мучеников.

Тагма — кавалерийский отряд в 100–200 человек.

Гинекеи — мастерские, в которых осужденные работали наравне с рабами.

Далее приведен текст закона Константина «о благочестии к Богу и христианстве», опущенный в настоящем издании.

Ахерон — в греческой мифологии река в царстве мертвых.

Осия Кордовского.

То есть крестом.

Тантал — герой древнегреческой мифологии. Страстью Тантала Евсевий называет жадность.

Симплигады — мифические острова при входе в Черное море: сталкиваясь друг с другом, они сокрушали попавшие между ними корабли.

То есть Рима.

В позднейшей христианской традиции число участников Никейского собора было определено как 318.

То есть Рим. По свидетельству Никифора, спустя два года тело Елены было перенесено в Константинополь.

То есть Антиохию.

Перечислены различные секты, существовавшие при Константине.

Риторическое преувеличение Евсевия. Большинство сект намного пережили время Константина.

Скорее всего, под именем скифов здесь имеются в виду готы.

Еленополь.

Имеется в виду таинство елеопомазания.